

Евгений Бочковский

ДРУГОЙ ХОЛМС

НОРВУДСКОЕ ДЕЛО

Другой Холмс

Евгений Бочковский
Другой Холмс, или
Великий сыщик глазами
очевидцев. Норвудское дело

«Феникс»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2=411.2)6-445.7

Бочковский Е.

Другой Холмс, или Великий сыщик глазами очевидцев. Норвудское дело / Е. Бочковский — «Феникс», 2023 — (Другой Холмс)

ISBN 978-5-222-47291-0

Предлагаемый труд представляет собой альтернативный, порой ироничный взгляд на события, известные читателям по произведениям Артура Конан Дойла. 1892 год. Напряженные отношения Шерлока Холмса с лондонской полицией еще более обострились после появления первых рассказов Конан Дойла (о чем повествует книга «Другой Холмс, или Великий сыщик глазами очевидцев. Начало»). В то время как Холмс, доктор Уотсон и инспектор Лестрейд стремятся разгадать тайну личности писателя и его цели, возникает новая загадка. Убийство и похищение сокровищ в Норвуде. Повествование построено на классических произведениях о Холмсе: повести «Знак четырех» и рассказе «Желтое лицо». Однако вводным данным, представляющим завязку этих произведений, дается совершенно иная трактовка, вследствие чего сюжетная линия меняется самым неожиданным образом...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2=411.2)6-445.7

ISBN 978-5-222-47291-0

© Бочковский Е., 2023
© Феникс, 2023

Содержание

Введение	7
Глава первая, в которой личная жизнь доктора Уотсона перестает быть его личным делом, а совершенству Холмса дается научное обоснование	16
Глава вторая, в которой успех клиента вызывает озабоченность	27
Глава третья. Счастливый поворот	35
Глава четвертая, в которой кое-кому не терпится влезть не в свое дело	47
Глава пятая, в которой болтливость является частью плана	53
Глава шестая. Первый отчет сержанта	64
Глава седьмая, в которой читателю вместо книги подсовывают газеты	69
Глава восьмая, в которой приходится довольствоваться слухами	76
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Евгений Бочковский

Другой Холмс, или Великий сыщик глазами очевидцев. Норвудское дело

Издание подготовлено при участии литературного агентства «Флоберизм» (Ольга Аминова, Татьяна Булатова).

- © Бочковский Е., текст, 2023
- © Алифанова С., дизайн обложки и иллюстрации, 2023
- © ООО «Феникс», оформление, 2025
- © В книге использованы иллюстрации по лицензии Shutterstock.com

* * *

Серия «Другой Холмс»

Евгений Бочковский

ДРУГОЙ ХОЛМС,

или Великий сыщик
глазами очевидцев

НОРВУДСКОЕ ДЕЛО

Ростов-на-Дону

 ФЕНИКС

2025

Введение

– Значит, на ваш взгляд, это успех?

Безразмерное кресло позволяло принимать самые немыслимые положения, и мистер Харрис, чья жизнь, как казалось Хьюзу, состояла исключительно из удобных поз, пользовался этим вовсю. Откинувшись назад с занесенной за голову рукой, словно начинающий заплыв на спине пловец, он задал свой вопрос и так же лежа посмотрел на стоящего перед ним младшего сотрудника своей неопределенной улыбкой. Дэни ее ненавидел. Уже семь месяцев как он в редакции и только и слышит, что мистер Харрис – душка и более демократичного руководителя невозможно представить. Он и сам успел убедиться, что главный редактор держится просто со всеми, а его обращение тем вежливее, чем скромнее статус сотрудника, так что самые сливки такой обходительности перепадали как раз ему, Дэниэлу Хьюзу. Вроде бы и не о чем беспокоиться. Но почему-то при всем, как казалось, искреннем желании мистера Харриса потечески приободрить молодого подчиненного у того всякий раз от такой поддержки создавалось ощущение, что он каким-то малопонятным образом доставляет своему шефу развлечение. Не то чтобы утонченное, но с неизменно ускользающим от Дэни подтекстом. И дело не в предвзятости. Хьюз и сам был бы рад истолковать эти проскакивающие искорки в глазах мистера Харриса как-нибудь нейтрально для себя, только невозмутимый тон разговора и его сугубо профессиональное наполнение не оставляли шансов: веселью просто неоткуда взяться, если его причина не в собеседнике, и, похоже, именно необходимость удерживать смех в тисках той самой невозмутимости и являлась для мистера Харриса условием столь особенного наслаждения.

И еще эта манера спрашивать об очевидном. Нет ничего неприятнее, особенно в беседе с таким человеком. Ответ вроде бы напрашивается сам собой, а вот на что напрашивается тот, кто считает нужным разговаривать в таком ключе, – поди пойми. Тем более твой начальник.

Успех? А как же иначе! И это еще скромно сказано! Каким еще приличным словом обозвать то сумасшествие, что творится вокруг «Финчли-ньюс» последние несколько месяцев? Мешки писем, бесконечные звонки, странного вида посетители, осаждающие редакцию с неожиданными предложениями... Естественно, всегда найдутся завистники, готовые осмеять кого и что угодно, например тех же посетителей (и вправду, иногда слишком странных) заодно с газетой, лишь бы только преуменьшить чужие достижения. Однако даже тех, кто сомневается в пользе таких предложений для уважающего себя издания, повергал в прах аргумент, против которого возражений не существовало в принципе. То, о чем еще совсем недавно глупо было бы и мечтать, свершилось. После того как несколько первых выпусков были сметены с прилавков за период, к которому уже применимо понятие «скорость», а их содержание удостоилось упоминания в некоторых столичных изданиях, «Финчли-ньюс» осторожно попробовала увеличить тираж и, поскольку и с его продажей не возникло проблем, повторила этот трюк еще дважды.

За это время наибольшей внутренней трансформации подвергся главный виновник суматохи. Еще совсем недавно Дэни, всю жизнь считавший себя скромным малым, не мог и подумать о том, что отныне самой серьезной заботой для него окажется ежедневная потребность тщательно скрывать свою гордость. Такая потребность была вызвана не только присущей ему замечательной скромностью. Дело в том, что точно такой же гордостью, вовсе не скрываемой, а еще приправленной радостью и возбуждением, были переполнены все сотрудники газеты, и Хьюз, осознающий вполне отчетливо, кто по справедливости должен единолично пожинать все лавры, не хотел слиться с этой непричастной массой, точнее не желал, чтобы она слилась с ним. Он старался выстроить свое поведение таким образом, чтобы ни у кого не возникло сомнений в том, что добытый им лично триумф, которым они все сейчас так беззастенчиво

наслаждаются, не задумываясь о его причинах, нисколько не вскружил ему голову и что он, в отличие от них всех, как человек пусть и молодой, но успевший, благодаря своей находчивости, уже на раннем этапе приобрести такой ценный опыт, всецело поглощен обычной рабочей рутинной и не намерен отвлекаться на все эти восторги насчет сенсации и прочие глупости для юнцов и людей недалеких, хотя, конечно, им всем не мешало бы понять, что он-то как никто имел право это себе позволить. Такая роль давалась ему непросто, так как одновременно с упомянутым стремлением посвятить всего себя рутине нельзя было допустить, чтобы окружающие доверчиво поддались этой его естественной скромности и позабыли, в чем суть. Дэни страшно переживал, удалось ли ему в полной мере создать образ, по которому невозможно было бы, с одной стороны, не догадаться о его истинной роли в этой громкой истории, а с другой, распознать его страхи, что далеко не всем такая догадливость по силам, что многие будут сбиты с толку его тонкой тактикой. Образ, который восхищал бы не только его владельца, но и окружающих, отрезвляя их и расставляя всё на свои места. На его беду вокруг него не было никого, кто пожелал бы высказать ему свое мнение, как это выглядит со стороны. Не перебарщивает ли он, не создается ли из его слишком уж отрешенного вида обманчивое ощущение, что так может смотреться человек, не то что скрывающий свою гордость, а просто-напросто не имеющий для нее никаких оснований?

В такой сложной ситуации ему хотелось, чтобы мистер Харрис поддержал его хотя бы взглядом. Дэни вполне устроило бы, если б тот молча дал понять, что уж он-то как никто знает и помнит, кто доставил в редакцию дневники и уговорил его опубликовать их. Не то чтобы Дэни ожидал, что теперь его начальник бросится советоваться с ним по всем насущным делам. Однако уж точно он не заслужил такого нелепого вопроса. Успех! «Значит, по вашему мнению, идет дождь?» – мог бы точно с тем же выражением живейшего внимания поинтересоваться мистер Харрис, от чьего пронизательного взгляда наверняка не укрылись ни размазанная по лбу мокрая челка Хьюза, ни стекающие с промокшего плаща на пол струйки воды. И опять Дэни померещилась эта подсматривающая в щелочки глаз усмешка. Как ни сокрушался он по поводу манеры мистера Харриса, ему ничего не оставалось, как поддержать беседу в предложенном стиле.

– Несомненный. Как же иначе? – Дэни облизал пересохшие губы. Дело не в волнении, всё проклятый кофе. – Нам пишут со всех концов. Интересуются, когда же продолжение. Разве это не подтверждает...

– В известном смысле да. Пишут. – Мистер Харрис повернулся на бок и высвободил из-под локтя смятые конверты. Что касается поступающей в редакцию корреспонденции, неоспоримое преимущество главного редактора состояло в том, что некоторые предпочитали писать лично ему. Мистер Харрис подтвердил, что среди них встречаются довольно занятные люди.

– Скажу больше, – добавил он, – возможно, вы будете удивлены, но наша инициатива получила неожиданный отклик. По крайней мере, для меня. Добытые вами дневники занятым образом пробудили к жизни аналогичные материалы. Догадываетесь, о чем я?

– Неужели... – Дэни не мог поверить собственным ушам, – нашлись еще чьи-то воспоминания?!

– Именно так. И обладатели предлагают их к печати. Заметьте, не кому-то, а нам.

Вот это да! Блаженство Дэни за секунду превзошло все прежние пики. За последние месяцы он понемногу свыкся с мыслью, что и миру придется привыкнуть, что он, Дэниэл Хьюз, совершил поистине переворот в области литературных раскопок, если можно так выразиться. Однако, если только он правильно понял этого, что уж говорить, странноватого мистера Харриса, намечается прямо-таки революция в области... Дэни не знал, как правильно назвать эту область, но не сомневался, что она необъятная: перед глазами запрыгали заголовки про мировое достояние, многовековое наследие, развенчание великой лжи предков и т. п. Вдогонку им Дэни, разглядевший, что пачка конвертов довольно внушительна, мысленно отправил в

тираж и статью про лавину сенсационных находок. Даже ему, скромняге, казалось сказкой, что не кто-нибудь, а он, простой, лишенный тщеславия мальч, вызвал этот восхитительный эффект домино (кажется, это понятие сюда подходит, хотя он не уверен). Самым вождленным звуком для журналистского уха, несомненно, является хлопок лопнувшего мифа. Даже в том случае, когда сам миф этому уху ни о чем не говорит. В том числе и тогда, когда ухо не в состоянии отличить собственно миф от авторской выдумки. Дэни искренне не хотелось погрязнуть в слишком глубоких размышлениях, ибо все те немногие случаи, когда он позволял себя в них увлечь, обернулись пустой тратой времени. Поэтому он сосредоточился на единственном имеющем значение выводе: раз уж случилось так, что лично ему довелось разоблачить Холмса, сорвать с него маску совершенства, теперь-то он уж точно не намерен останавливаться на достигнутом. День за днем, неустанно продираясь через каракули доктора Уотсона и инспектора Лестрейда (оба почерка оказались далеки от изящества), он подбирался всё ближе к разгадке роли самого Конан Дойла. И пусть он его не читал, это неважно, зато теперь он читает про него – и очень скоро узнает, возможно, не самые приятные вещи. И тут уж без обид, правда превыше всего! Заколотившееся от радости сердце подсказывало, что мятые конверты помогут надежнее пригвоздить величайшего писателя к позорному столбу.

Однако для начала Дэни всё же осторожно поинтересовался, что в них. На это мистер Харрис заметил, что с содержанием он еще не ознакомился и, скорее всего, предоставит это право ему, первооткрывателю, но главное не что, а кто. Кто именно присылает подобные сокровища. Кое-что он тут отложил и предлагает пройтись по порядку.

Открывающаяся перспектива захватила Хьюза с профессиональной стороны настолько, что внезапная смена темы нисколько не помешала процессу детального анализа ситуации. Дэни лишь слегка удивился, когда вместо ожидавшегося разговора о Холмсе мистер Харрис поинтересовался, читал ли его сотрудник что-либо из сочинений Агаты Кристи, желательно о чрезвычайно прозорливой старушке из деревни Сент-Мэри-Мид. Дэни честно признался, что не читал, но слышал, что истории Агаты Кристи считаются самыми запутанными в мире и ни один читатель, будь то профессор Оксфорда, бедуин или даже китаец с его маджонгом, не в состоянии их распутать. Всё так же улыбаясь и нежно постукивая пальцами себе по брюшку, мистер Харрис предложил допустить гипотетически, что раз уж ему, Дэниэлу Хьюзу, удалось посрамить скептиков и доказать существование самого Шерлока Холмса, то чрезвычайно прозорливая старушка в смысле своих прав на жизнь ничем не хуже и у них с Дэни нет никаких оснований для предосудительного скепсиса в отношении почтенной женщины. И тогда, если это подтвердится, продолжил развивать мысль мистер Харрис, Агата Кристи из блистательной сочинительницы превратится в посредственную пересказчицу чужих историй, по-видимому самой старушки, потому и донесенных до читателей в том самом запутанном виде, что не только сама не сумела их распутать, но и добавила путаницы от себя лично. Такая мысль показалась Дэни одновременно и многообещающей, и вполне разумной. Тем более что уже имеются обнадеживающие сведения. Деревенька такая в самом деле существует. Ее мистери Харрису показал на карте внук прозорливой старушки, пожелавший продать газете «мемуары своей славной бабушки о ее захватывающих похождениях». По счастью, «похождения» – это не то, о чем можно было бы подумать. Речь исключительно о расследованиях, прославивших старушку, однако мистер Харрис счел нужным отдельно спросить Дэни, знаком ли он с личностью Джейн Марпл и не смущает ли его что-либо в такой формулировке, а именно насчет потомка.

– Нет, не знаком, – снова честно ответил Дэни и, проигнорировав подсказку, добавил, что со своей стороны будет ужасно рад познакомиться и может заняться подготовкой таких замечательных мемуаров сразу же, как только завершится публикация материалов о Холмсе.

– И много он запросил? – вежливо поинтересовался Дэни, заметив, что мистер Харрис задумчиво переваривает его ответ.

– Кто? – чуть приподнялся от удивления мистер Харрис.

– Этот внук, – пояснил Дэни и, решив быть снисходительнее к слабостям главного редактора, уточнил: – За дневники, я хотел сказать.

– Так я и думал, – заключил мистер Харрис вместо ответа и, грустно вздохнув, взялся вводить Дэни в курс дела. Мисс Марпл – старая дева. Детективша, избравшая своим методом не имеющее аналогов целомудрие и раскрывшая с помощью этой удивительной тактики примерно полторы тысячи убийств, которые чаще всего происходили в непосредственной близости от нее и были вызваны, по всей вероятности, всплеском раздражения у обычных смертных от такого вызывающего ее поведения. На всякий случай мистер Харрис хотел бы уточнить: возможно, Дэни понимает в жизни побольше него и сумеет втолковать ему суть понятия «внук старой девы». Особы, чья разборчивость в выборе преступника уступала в смысле критичности лишь тому же ее качеству, только касающемуся известных связей, случающихся между мужчинами и женщинами. Настолько, что в последнем случае разборчивость означала тотальное отрицание.

– Это точно? – спросил Дэни с такой подкупающей непосредственностью, что мистеру Харрису пришлось заключить, отчасти вслух, что усердие и легкость на подъем не всегда способны компенсировать отсутствие интуиции и нюха на такую вот тухлятину, которую теперь, благодаря усердию Дэни и этой самой легкости, придется расхлебывать им всем, а в особенности ему, мистеру Харрису.

Но Дэни не сдавался, и не только из желания со своей умудренной опытом стороны поддержать пошатнувшегося начальника. Во избежание краха его голова готова была генерировать собственные версии, хитроумием не уступающие изобретательности старушки. Может быть, в данном случае упомянутые похождения – это как раз то самое, о чем хоть и неловко думать, а всё ж таки порой приходится, и дева не настолько невинна, насколько стара? И тогда ее внук – никакое не чудо, не бессмыслица, а вполне реальное явление и они имеют дело с плодом внебрачной связи?

В смелости своего предположения Дэни быстро убедился по округлившимся глазам мистера Харриса. После чего главный редактор, смиренно скрестив руки на животе, разъяснил ему, что самое большее, что мисс Марпл позволила за всю жизнь мужчинам, это подержать клубок ниток во время вязания. И то такой чести удостоивались лишь особенные мужчины, можно сказать интеллектуальная элита мужской половины тогдашней Британии. А именно в клубок, как в спасательный круг, вцеплялись утопающие в собственной незадачливости лучшие полицейские Скотленд-Ярда. Для всякого такого инспектора, в чью сторону мисс Марпл протягивала то ли жилистую руку для помощи, то ли энергичную ногу для пинка, этот ритуал с клубком был тем «самым темным часом перед рассветом», моментом кульминации депрессии от безуспешных потуг, когда он, явившись с набухшими от слез глазами, падал в кресло напротив нее и хватал с ее острых, как колья забора, коленей пряжу с единственной мыслью: во сколько раз придется сложить нить, чтобы удавка прочностью сгодилась для суицида. В этот момент старушка, поправив съехавший к носу чепец, меланхолично выбубнивала белыми с рябыми пятнышками губами имя убийцы, после чего бравый инспектор под воздействием сложной смеси чувств – от мистического ужаса и преклонения перед ее даром до отвращения к собственной никчемности – терял остатки рассудка и с воем ослепшего от безумия лося убегал прочь. Каждый убийца рыдал от счастья, что его преступление раскрыла именно она. Каждый полицейский делал то же самое и тоже от счастья, что ему довелось присутствовать при историческом событии. Так и рыдали, встав перед ней на колени, обнявшись и не стесняясь своих слез, – обагривший свои руки кровью злодей и страж закона. Любовь – единственный неизвращенный путь к откровению. Так стоит ли удивляться, что благоговение перед мисс Марпл сближало до родства, пусть и ненадолго, преступление и правосудие? Дэни пришлось поверить мистеру Харрису на слово, что удивляться не стоит.

Естественно, было бы слишком неразумно допустить подобное сближение в суде. Из опасений, что присутствие мисс Марпл в Олд-Бэйли спровоцирует похожие сцены откровенности и там – и вслед за обвиняемым понуждаемые особым всевидящим взором старушки начнут каяться в тайных грехах присяжные, юристы состояющихся сторон и даже судья, – представители полиции не только не решились хоть однажды привлечь ее к процессу, но и вынуждены были помалкивать о том, сколь многим обязано ей следствие. Осечка случилась лишь один раз, когда в самый разгар судебных слушаний мисс Марпл всё ж таки оказалась среди публики. Плохо знавшая Лондон, она отбилась от рук одной из своих многочисленных племянниц, заблудилась и уставшая забрела в Олд-Бэйли, даже не взглянув на вывеску, с тем лишь, чтобы перевести дух и остудить натруженные ноги. Там она тихонько примостилась на самую дальнюю пустую скамью и уже было извлекла из торбы свое вечно не законченное вязание, как вдруг один только ее вид привел судью в такое возбужденное состояние, что он, прервав заседание и выбрав из зала десяток добровольцев, тотчас отправился с ними на один небольшой остров и там уже со своей жаждой кары и покаяния разошелся вовсю.

В качестве продолжения редактор предложил ошарашенному Дэни попробовать поставить себя на место мисс Марпл и подумать, нужна ли после таких актов... (в этом месте мистер Харрис запнулся, не подобрав подходящего слова), одним словом, после всего того, что она проделывала с мужчинами, могла ли вызвать ее интерес такая смехотворная фигня, как секс?! Только не надо всей этой чуши про партнерство в любви, про танец равных и прочее. Секс – это всегда доминирование, стремление подавить чужую волю. Отсутствие насилия и видимая нежность между влюбленными только подтверждают безграничность такой власти, раз смирение одного достигнуто без грубой силы со стороны другого. Но для того чтобы возникло это самое стремление к власти, необходимо, по мысли мистера Харриса, чтобы другая сторона обладала хоть какой-то волей, ресурсом к сопротивлению. Дабы было что ломать и преодолевать. Если же силы слишком неравны... никто еще не рехнулся до такой степени, чтобы прогонять через мясорубку воду или суфле.

– Представить себе рядом с нею мужчину... – не найдя подходящего эпитета для такой сцены, мистер Харрис за неимением неба обратил взгляд к потолку. – Как вы думаете, стал бы Эйнштейн обсуждать теорию относительности со своей морской свинкой в качестве последней проверки на предмет возможных слабых мест, перед тем как объявить о ней в научном мире?

– А она у него была? – спросил обескураженный вопросом Дэни, уже не зная, откуда ждать подвоха.

– Не только была, но и принесла ему всемирную известность, юноша!

– Свинка?!

– Теория!!!

– Про теорию я слышал.

– Какое счастье! – простонал мистер Харрис и потрогал свой лоб. – Умоляю, забудьте о ней как можно скорей. Как и о свинке. Была или нет, в любом случае по причине колоссальных различий во взглядах на жизнь, вкусах и интеллекте это так же невозможно, как и отношения мисс Марпл с мужчинами, превращавшимися рядом с нею в ничто. Разница лишь в том, что в ее примере разрыв куда больше.

Дэни при его небогатом опыте знакомств со старыми девами был вынужден признать, что, коль дело обстоит именно так, внук отпадает. Даже если бы это совершенное творение каким-то чудесным образом произвело на свет потомство, в его ряды никак не смог бы затесаться проходимец, который спустя полвека принялся бы вымогать деньги, втюхивая почтенному издательству, коим теперь несомненно является «Финчли-ньюс», очевидную фальшивку.

– По той же причине с вашего позволения я не стану тратить время и на письмо от правнучки патера Брауна, – добавил мистер Харрис, зашвырнув в угол сразу два конверта, а

у Дэни, снявшему из-за многочисленных трещин в стеклах свои розовые очки, хватило благоразумия не спрашивать, кто это.

– Но вы кое в чем угадали, – подбодрил приунывшего Хьюза главный редактор. – Плод внебрачной связи, так вы выразились? Следующее письмо как раз от такого фрукта.

Особенность отношения Дэни к профессии заключалась в том, что он сторонился слишком легких и общедоступных путей. Журналистика – таинство, которое нельзя осквернять подобным отношением, тем более если это сулит выгоду. Подобно альпинисту, чурающемуся встреч с туристами, журналист должен избегать троп дилетантов. По этой причине, если бы в то время уже существовал интернет, Дэни со стоицизмом аскета запретил бы себе такой избитый способ получения информации. Не сказать чтобы его собственные источники давали ему какое-то преимущество, однако даже он краем уха когда-то читал (или слышал одним глазком, он уже точно не помнит), что чета Мегрэ была бездетной. Поэтому со стороны мистера Харриса было очень своевременным указать на то, что отписавшийся фрукт возник на свет при тех обстоятельствах, когда чету можно было продолжать считать бездетной, а самого комиссара – нет.

Сногсшибательными подробностями о приключениях великого отца за скромную плату готов был поделиться внебрачный сын комиссара Мегрэ, зачатый, по его признанию, знаменитым сыщиком ввиду колоссальной занятости прямо при исполнении служебных обязанностей, а именно в подвале отеля «Маджестик» в шкафу под номером восемьдесят девять.

– Любопытно, что ему настолько подробно известны обстоятельства своего, так сказать, жизненного старта, – отметил мистер Харрис. На что Дэни не без смущения отозвался, что, мол, и в самом деле любопытно.

– И этот номер, – хмыкнул мистер Харрис. – Парень оказался с юмором.

– А что с ним? – спросил Дэни, ощутив холодок под ложечкой, и добавил уже больше по привычке: – Я про номер.

– Это и в самом деле занятно, – улыбнулся мистер Харрис такой счастливой улыбкой, будто его одарили лучшей шуткой за всю жизнь. – Невежество – любимое лакомство чужого остроумия, в который уже раз убеждаюсь в этом. В данном случае мое невежество вынудило меня поинтересоваться, и я не пожалел, так что и вам советую. Вовсе не обязательно читать целиком роман. Вы же не читатель. Только начало¹. А пока прошу вас поверить мне на слово, что и это (мистер Харрис двумя пухлыми пальчиками изящно подцепил конверт за самый уголок) придется отправить по тому же адресу.

В сравнении с тем, как скоро Дэни ощутил опустошение, шарики сдуваются целую вечность. Блистательные надежды обернулись глумлением насмешников. Редакция подверглась массовой атаке, по сути дела изощренной травле исполненных сарказма любителей розыгрышей, и в этом выразилось подлинное отношение публики к триумфу «Финчлиньюс», к его, Дэни, триумфу, тогда как он об этом отношении даже не догадывался. Вся его гордость, так эффектно оттененная скромным, исполненным подлинного достоинства поведением, теперь выглядела нестерпимо нелепой. Феерический конфуз оглушил его, и он покорно, не находя в себе смелости прекратить пытку, вдыхал его тяжелый смрад.

Но уязвление всё же не могло сравниться со страхом за дальнейшую судьбу его детища. Такой тревоги за «своего Холмса» он не испытывал даже тогда, когда непроницаемая физиономия Питера Лестрейда не сулила ничего хорошего. Какое уж тут продолжение! Мистера Харриса вряд ли соблазнишь ролью самого расписного клоуна в этом цирке: конечно же, еще до их разговора он успел пожалеть, что поддался настырности зеленого Дэни, и уже принял решение свернуть от греха подальше затею с дневниками, только зачем-то решил сначала поиздеваться

¹ В дебюте романа Ж. Сименона «В подвалах отеля «Мажестик»» в шкафу под номером восемьдесят девять было обнаружено тело задушенной женщины. – *Примеч. авт. Е. Бочковского.*

над ним. Ясное дело, зачем. Трудно удержаться от мести после унижения, какое, несомненно, доставило главному редактору чтение всех этих издевок. Такое, что он даже постеснялся в нем признаться, милостиво пропустив Дэни вперед себя.

Но Хьюз легко простил ему эту слабость. Его великодушие было куда больше, ибо равнялось его разочарованию. Испытанное им потрясение не оставило места мелочам. Не то что злоба, даже средних размеров неприязнь не в состоянии пристать к первооткрывателю, пережившему крушение. Как же жаль! Всё только начиналось. Погружаясь в изучение дневников всё глубже, Дэни, ощущающий себя сценаристом грандиозной постановки, успел составить себе представление об объеме такой работы. При должном подходе можно было бы завладеть вниманием читателей всего мира на годы. «Финчли-ньюс» распространится вплоть до тех мест, где еще не только не владеют английским, но и не знают, что такой язык существует.

И вот теперь всему конец, и его труды, оказывается, были не напрасны лишь для любителей анекдотических историй.

Но сюрпризы еще не закончились. Глазки мистера Харриса вновь засветились этим чертовым огоньком. В том числе и ради самого редактора Хьюзу хотелось верить, что не одно только злорадство способно вызвать это сияние.

Мистер Харрис объяснил, что ему кое-что вспомнилось. Оказывается, вчера в отсутствие Дэни в редакции произошел любопытный инцидент. Некоторым владельцам не лень тащиться черт-те откуда, только чтобы вручить мистеру Харрису лично в руки свои бесценные документы. Дэни было подумал, что неуловимое настроение глаз начальника на сей раз уловлено и раскрыто. С пониманием несовершенства человеческой природы вместо прежнего раздражения он заключил, что мистер Харрис, рассказывая о недавнем визите, просто-напросто не сумел скрыть, как он польщен. Не удержавшись сначала от сожаления насчет столь примитивного повода к самодовольству, он одернул себя мыслью, что следует быть снисходительнее к тем, кто, даже занимая руководящее положение, по сути остается глубоким провинциалом. Да, мистер Харрис может сколь угодно многозначительно ухмыляться себе в усы и изображать утонченного сибарита в своем кресле, но без Дэни его «Финчли-ньюс» была, есть и будет захудалой газетенкой местечкового пошиба. Родиться на пустом месте такие выводы не могли. За ними стояла серьезная вдумчивая, не лишенная напряженного внимания и способности к сопоставлению, аналитическая работа. Вероятно, потому, что Дэни был так поглощен ею, а может, еще по какой причине следующий вопрос мистера Харриса застал его врасплох.

– Вы знаете, кто такой Аниськин? – огоршил тот своего репортера. И, заметив, что Дэни не готов ответить ничего определенного, добавил: – Это тот, кто поймал Фантомаса.

Фильмы про Фантомаса сплотили самых разных людей единственным тезисом. О том, что пытаться ловить лысую голову в чулке можно с тем же успехом, что и солнечный зайчик, поскольку, по всей видимости, это явления одного порядка. Не избежавший в свое время того же вывода Хьюз недоверчиво посмотрел на мистера Харриса, и тот, как бы оправдываясь, добавил:

– По крайней мере, так заявил его внучатый племянник. Его дядя, тот самый Аниськин, служил... у меня тут записано, – мистер Харрис потянулся к столу. – Вот. Участковый поселковый. Или наоборот, не важно. По-нашему, что-то вроде деревенского констебля.

Действительно, не важно, главное, что этот участливый поселковый поймал Фантомаса, когда французы крепко приуныли. А его племянник вчера здесь имел честь возглавлять целую делегацию из России, состоящую из потомков и наследников инспектора Лосева (нет, Дэни не слышал о таком), капитана Жеглова (и это имя ему незнакомо) и других советских милиционеров.

Замыкал шумную процессию болезненного вида юноша – снова не обошлось без плода тайной страсти, на сей раз между полковником Знаменским и майором Кибрит (последняя, по счастью, женщина, уточнил мистер Харрис).

К сожалению, переводчику удалось донести до британцев далеко не всё из того, о чем так увлекательно рассказывали гости из России. Остались непроясненными такие понятия, как тунеядство, пьянство на производстве, фарцовка заграничным шмотьем и паленая водка, а предположение мистера Харриса о том, что в детскую комнату милиции милиционеры приводят своих детей, если их не с кем оставить дома, вызвало откровенный гогот делегатов. В общем, как Дэни уже, наверное, понял, общение с русскими выдалось очень теплым. Настолько, что мистеру Харрису с превеликим трудом удалось от них отделаться. И ему не хотелось бы еще когда-нибудь оказаться в ситуации, когда приходится отказывать людям, прибывшим настолько издалека и исполненным таких ожиданий, что прямо у него на глазах меж ними устроилась перебранка из-за порядка очереди, в которую они выстроились, дабы передать уважаемому редактору свои бумаги. Во всяком случае, Хьюзу следует понять, что его руководитель нуждается в передышке.

Понять означало уловить оба смысла прозвучавшей просьбы. Именно так это расценил Дэни. В тактическом плане она подвела итог разговору, завершив бессмысленную пытку. Стратегически передышка обещала выдаться, по всей видимости, бесконечной, что означало крах его замысла. О Холмсе можно забыть и радоваться хотя бы тому, что мистер Харрис всё еще выражает надежды и делится ими, вместо того чтобы указать ему на выход. Прежняя рутина – та самая, готовность отдаться которой без остатка он изображал столь старательно, – встала перед глазами, и Дэни, лишившись тепла сказки, ощутил даже не скуку или бессилие: возвращение неотличимых друг от друга будней откровенно пугало.

Он послушно кивнул и собрался уже повернуться и выйти, но мистер Харрис неожиданно резко поднялся со своего ложа, прошел в тот угол, куда бросал конверты, и, подобрав их, вернулся. Ложиться, однако, не стал, а в задумчивости постоял у стола.

– Вот что я вам скажу. Не всегда есть смысл возражать против того, чтобы вас пытались водить за нос. Зачастую возражения – непростительная роскошь. – И посмотрев на понурую физиономию Дэни, неожиданно усмехнулся. – Пусть себе развлекаются. Вам бы, кстати, тоже не помешал вид повеселее. Что вы так скисли? Неужто подумали, что я сверну лавочку из-за такой ерунды?

Дэни отказывался верить своим ушам. Возрождение быстротой застало его врасплох так же, как до того – казусы. Он не понимал, пока мистер Харрис не предложил ему зарубить себе навсегда где хочет: тираж – единственная святыня, достойная поклонения.

– Мы на плаву, всё остальное – чепуха. Скажу вам откровенно, Хьюз, ваши бумаги спасли газету. По крайней мере, на некоторое время. Последний год мы продержались лишь тем, что владельцы тешили себя надеждой продать нас. В противном случае нас давно бы разогнали. Но теперь, когда мы утерли им носы, об этом не может быть и речи. Продолжаем печатать, будущее покажет, кто прав. Что у вас на очереди?

– «Знак четырех» и «Желтое лицо»².

– Готовы сдать в набор?

– Хоть завтра.

– Отлично.

Открывшаяся Хьюзу впервые столь отчетливо драма вокруг несчастной «Финчли-ньюс» сжала его сердце, и через эту боль он мгновенно повзрослел. Редакция вдруг стала родным местом, садом, который надо во что бы то ни стало спасти от гибели, и он не обратил внимания на похвалу, о которой когда-то мог только мечтать. В тревоге за одного лишь Холмса ему стал отчетливо виден собственный эгоизм. До сего дня ему как-то не приходило в голову, что мало было отыскать эти призраки прошлого и их сказочные письма. Маленькая бесстрашная «Финчли-ньюс» призвала их из небытия сюда, в реальный мир, под свой гостеприимный кров,

² Повесть и рассказ А. К. Дойла, на основе которых построено дальнейшее повествование. – *Примеч. авт. Е. Бочковского.*

чтобы их голоса были услышаны. Как это странно – заниматься общим делом и обнаружить настоящую пропасть в подходах. За всё время работы здесь Дэни впервые сделал вывод не в свою пользу.

Сегодня мистер Харрис открылся ему с той стороны, что позволяла увидеть кое-что поважнее главенствующего положения. Присовокупив к почету и возможностям – верным спутникам высокой должности – еще и кое-что, наводящее на мысль о миссии, его начальник не просто избежал убожества, – он вознесся. Пока Дэни с разной степенью успеха убеждал себя, что Холмс ни в коем случае не является его билетом в рай, пропуском в высший свет журналистики, думы мистера Харриса были заняты совершенно другим. Гость спасет хозяина, давшего убежище. Холмс вызволит из беды их всех, и Харрису не придется объявлять своим сотрудникам об их увольнении.

– А дальше? – спросил Дэни, имея в виду, что при всем многословии доктора Уотсона и инспектора Лестрейда их дневники не бесконечны. – После публикации? Что потом?

– Потом? – Мистер Харрис со скорбным презрением оглядел вернувшуюся на стол пачку конвертов. – Потом, по всей вероятности, возьмемся и за это.

Глава первая, в которой личная жизнь доктора Уотсона перестает быть его личным делом, а совершенству Холмса дается научное обоснование

Из дневника доктора Уотсона

Когда я вошел, они разговаривали. Вернее, говорила молодая женщина. Негромко, но как-то по-особенному выразительно. Дверь из прихожей в гостиную была открыта, и я не только отчетливо уловил волнение в ее голосе, но и странным образом им заразился. Почему-то захотелось развернуться и потихоньку улизнуть назад на улицу, чтобы избежать их компании. Впервые за всё время нашей с Холмсом деятельности я испытал необъяснимую потребность уклониться от встречи с клиентом. Вернусь попозже, и Холмс мне всё расскажет. Раздумывая над тем, удобно ли будет исчезнуть, если мое появление не осталось незамеченным, я застрял в нерешительности возле вешалки, куда уже успел пристроить шляпу. В последнее время промедление подводит меня куда чаще, чем поспешные промахи. Ушли в прошлое славные времена, когда горячее желание принести пользу Холмсу затмевало опасения причинить вред по тому же адресу. Ушли, как только я окончательно убедился, что навредить можно даже такому великому человеку, казалось бы, надежно защищенному могуществом своего интеллекта, и что у меня это получается гораздо успешнее, чем у кого бы то ни было. С тех пор во мне развилась беспросветная рассудительность. Я уже не бросаюсь сломя голову исполнять поручение Холмса, вернее я продолжаю ломать ее, но на иной лад: взвешиваю, прикидываю, предусматриваю наперед, стараюсь учесть абсолютно все последствия и в итоге не могу заставить себя тронуться с места, а Холмс тем временем решает собственную дилемму: действительно ли делать за меня удобнее, чем переделывать после меня, как это было раньше. Вот и сейчас заминка у вешалки привела к тому, что он со своей привычкой поглядывать из гостиной в холл заметил меня.

– А вот и Ватсон!

Голос женщины осекся на полуслове, а чуткий Холмс, мигом уловив мое настроение, продолжил ободряюще:

– Друг мой, ваше появление весьма кстати. Очень интересное дело. Присоединяйтесь к нам и знакомьтесь: наша очаровательная гостья – мисс Морстен.

Я был вынужден подчиниться. Женщина оказалась не только молодой, но и приятной, хотя мне показалось, что ее наружности слегка недостает тех черточек, что составляют индивидуальность и либо врезаются в память сами по себе, либо, трудноуловимые, придают узнаваемость всему облику в целом. Впрочем, я не слишком вглядывался в лицо мисс Морстен, так как всё еще боролся со своим непонятным смущением, тогда как она – я скорее ощутил, чем увидел это – сразу же довольно пристально посмотрела на меня.

– Сударыня, с удовольствием представляю вам моего верного товарища доктора Уотсона. Помимо прочих достоинств, он прирожденный эскулап и незаменимый помощник в самых опасных ситуациях.

– Очень рад. – Я обошел их и занял свое место, удивляясь, зачем скупому на похвалы Холмсу понадобилось отрекомендовать меня столь пышно. И только потому, что к моему другу совершенно неприменимы выражения вроде «заладил одно и то же» или «и не думал униматься», выражусь иначе, а именно, что он продолжил в том же духе, только усилив мое чувство неловкости:

– Да, да! Незаменимый настолько, что я вынужден попросить вас еще раз рассказать вашу историю специально для него.

Мисс Морстен выглядела удивленной не меньше моего. На миг мне показалось, что она готова была предложить Холмсу самому изложить мне эту самую историю после ее ухода. Однако Холмс убедил девушку, что для дела будет полезнее, если он сам выслушает ее дважды.

– На тот случай, если в первый раз вы что-нибудь упустили или посчитали ненужным.

Мисс Морстен уступила со вздохом вынужденного смирения. Ее лицо объяснило мне и этот вздох, и то волнение, коим сопровождался ее первый рассказ. А сама история своим драматизмом только подтвердила мою догадку. Со времени исчезновения капитана Морстена минуло десять лет. Его дочь понимала, как ценно время такого человека, как Холмс, и старательно избегала в своем повествовании сентиментальных подробностей, сосредоточившись исключительно на деталях загадки. По этой причине нам не досталось бы ни малейшего намека на то, какой нежной любовью она была привязана к отцу, если б не эта особенная интонация, спугнувшая меня еще в прихожей. Вслушиваться в ее страдание – незажившее и саднящее от вынужденного движения обманчиво притихшей памяти – было сущим мучением. Мне вновь пришлось отвести взгляд, так как сделалось ужасно не по себе, во-первых, наблюдать, сколько душевных сил ей приходится тратить на то, чтобы пересказ личной трагедии не вышел за рамки бесстрастного изложения фактов, и, во-вторых, осознавать, что я со своим опозданием, не меньше чем Холмс с его настойчивостью, принудил ее вновь и вновь прикасаться к ране, беречь и вдобавок ко всему внимательно вглядываться в нее, улавливать каждый оттенок боли, вызванной такими воспоминаниями. Немудрено, что при первых же звуках ее голоса мне захотелось сбежать. Но я, как обычно, промедлил. Прозевал шанс выказать милосердие, а затем точно так же сконфуженно пропустил мимо слуха половину важнейших подробностей. После ухода мисс Морстен мне удалось восстановить эту недостающую половину с помощью Холмса, и теперь я спешу зафиксировать мрачный пролог предстоящего дела здесь, пока снова чего-нибудь не забыл. Суть истории вкратце свелась к следующему.

Капитан Артур Морстен служил на Востоке, а точнее в гарнизоне тюрьмы на Андаманских островах. Будучи вдовцом, он отдал свою дочь Мэри на воспитание в довольно хороший пансион в Эдинбурге. Десять лет назад, получив отпуск, он прибыл в Англию и известил Мэри о своем приезде письмом, указав в нем, что будет ожидать ее в гостинице «Лэнем». В означенный день она приехала в гостиницу, но отца там не застала. По сведениям, которые сообщил портье, выходило, что капитан Морстен за четыре часа до этого вышел прогуляться и до сих не вернулся. Не появился он ни на следующий день, ни в какие другие дни. Он исчез. Некоторое время полиция разыскивала его, но тщетно. Единственное, что удалось найти, это странный документ в записной книжке, оставленной намеренно или забытой капитаном в гостинице. Мисс Морстен показала его нам, добавив, что полиция установила, что бумага изготовлена в Индии. Перед тем как подтвердить это утверждение, Холмс сначала обмакнул краешек бумаги в одну из своих многочисленных колб, наполненную одной из тех бесчисленных жидкостей, что ему удалось раздобыть в поисках неуловимого бисульфата бария. Затем он принялся внимательно рассматривать последствия такого опыта, а также принохиваться к ним. После каждого следующего шага многообразного и разностороннего исследования, разворачивающегося перед нашими ошеломленными лицами, уверенность Холмса в правильности вердикта неуклонно возрастала. Когда он попробовал осторожно поджечь бумагу, а затем попытался поспешно потушить ее, мне пришло в голову, что будет нелишним на всякий случай запомнить содержание того, что пока еще есть, но может исчезнуть вслед за капитаном Морстеном в результате столь тщательного изучения. Я успел рассмотреть, что в центре того, что осталось от листа, изображен какой-то план с красным крестиком, а ниже проставлен странный знак с подписью «Знак четырех» и перечнем имен, лишь одно из которых – Джонатан Смолл – выглядело по-родственному, а остальные принадлежали то ли индусам, то ли афганцам. Живописный характер исполнения документа и его таинственность, особенно план с крестиком, навели меня на мысль о спрятанном кладе, тем более, что совсем недавно с подобным

сюжетом я ознакомился благодаря труду некоего мистера Стивенсона. Одноногий предводитель головорезов с припиленным к загривку попугаем, самый зловещий персонаж повести о пиратских сокровищах, возник перед глазами так явственно, будто проник в комнату вслед за мной через ту же приоткрытую дверь. Я невольно вздрогнул. Надеюсь, история мисс Морстен окажется менее увлекательной, более прозаичной и не настолько экзотической, чтобы нам пришлось тащиться через океан и еще парочку морей на другой край света только для того, чтобы столкнуться с подобными личностями.

Тем временем наша гостя, довольно торопливо, как мне показалось, спрятав возвращенный ей документ, продолжила рассказывать. Она обратилась к давнему другу своего отца майору Шолто, который, выйдя в отставку, покинул Андаманские острова и уже несколько лет проживал в Лондоне. Майор ничего не знал о прибытии капитана Морстена в Англию, поэтому сильно удивился визиту его дочери и ничем не смог ей помочь. Через четыре года после исчезновения капитана, когда она уже перебралась в Лондон, через объявление в «Таймс» неизвестный попросил Мэри Морстен «указать ее адрес в ее же интересах». Поколебавшись, она откликнулась на этот в высшей степени странный запрос, и через пару дней к ней пришла посылка. Открыв маленькую коробочку, она обнаружила в ней крупную жемчужину исключительно высокого качества и редкой чистоты. В приложенной краткой записке сообщалось, что причина такой анонимной щедрости состоит в единственном намерении исправить допущенную однажды в ее отношении несправедливость. С тех пор в течение шести лет в один и тот же день в году она неизменно получала точно такую же посылку. А сегодня, восьмого октября, ранним утром ей доставили письмо с предложением нынешним вечером, захватив с собой пару надежных людей, ожидать возле театра «Лицеум» дальнейшего развития этой непонятной истории с исчерпывающими разъяснениями. Единственное, но категоричное условие состояло в том, чтобы эти сопровождающие люди не служили в полиции.

Поэтому мисс Морстен и пожаловала к нам с просьбой составить ей компанию на предстоящий вечер. Холмс пообещал, что мы беремся ее сопровождать и, при необходимости, защитит в этом непредсказуемом приключении. Договорившись встретиться с нами возле театра вечером в шесть часов, немного приободрившаяся девушка покинула нас. Холмс с довольным видом принялся расхаживать по комнате. Дело его явно заинтересовало. Я же вспомнил, как странно он обращался с клиенткой с самого начала нашей беседы и как вследствие этого ее замкнутое лицо чуть оживилось подобием вежливого интереса к моей персоне. Снедаемый любопытством, я поинтересовался причинами такого его поведения.

– Как бы мне ни было лестно ваше внимание, Ватсон, в данном случае ему стоило бы сосредоточиться на другом объекте, – Холмс подошел вплотную и остановился, нависнув над моим креслом и вынудив меня задрать к нему лицо почти вертикально вверх, как поступал всякий раз, когда хотел донести до меня нечто особенно важное. – В гораздо большей степени вас должно было заинтересовать поведение мисс Морстен.

– Вот как? – удивился я. – Это почему же?

– Дело в том, что ваша мужественная наружность пробудила в ней настроения, в коих ей пока еще предстоит разобраться. Если ей это удастся сделать не слишком разборчиво, у нас есть шанс зародить в ней то самое чувство, что подталкивает мужчин и женщин соединяться в союзы.

– Откуда вам такое может быть известно? – спросил я с равнодушным сомнением, дабы он ощутил, что недоверие мое таково, что я непременно взялся бы горячо оспаривать его точку зрения, если бы мне не была настолько безынтересна эта тема. Чтобы у него не осталось ни малейших сомнений на сей счет, я вскочил с кресла и быстро проследовал к окну, где принялся пристально рассматривать вывеску булочника, беззаботно насвистывая при этом первый пришедший в голову мотивчик. – Несомненно, вы заблуждаетесь, Холмс.

– Надеюсь, что нет, – ответил Холмс. – А известно мне потому, что я сам приложил к этому определенные усилия.

– Это я заметил, – проворчал я с подчеркнутым неудовольствием, прервав ради этого свист.

– Похвально, что хоть в этом вы проявили наблюдательность. Тем более было бы досадно признать, что они потрачены впустую.

– Если вы признаете сами, что мне так свойственна мужественность, неужели мисс Морстен не способна разобраться в этом без вашего настойчивого участия? – воскликнул я.

– Я ни в коем случае не утверждаю, что она лишена способности к самостоятельным суждениям. Но я признаю также, что без соответствующей опеки ваша мужественность целую вечность топталась бы на месте, тогда как время дорого. Не беспокойтесь, я лишь ненавязчиво приоткрыл завесу над скрытыми кладезями вашей немногословной натуры. Для чего беззастенчиво воспользовался невесть откуда возникшим слухом о том, что вы по профессии доктор. Кстати, вы мне никогда не рассказывали, каким образом к вам прицепилось это прозвище.

– Так меня прозвали еще друзья в молодости.

– Из уважения?

– Думаю, да. Они восхищались моим упорством в стремлении к цели.

– А стремление...

– Стать врачом, конечно. Много раз я пытался поступить на медицинский факультет.

– М-да, действительно похвально. На чем же вы срезались?

– По-разному бывало. Такое ощущение, что сама удача была против меня.

– Наверное, химия? Ужасно запутанная штука, не могу не признать. Я до сих пор так и не приблизился к разгадке тайны бисульфата бария. Но не будем о прошлом, тем более печальном.

– Вы сказали, Холмс, что использовали мое прозвище в разговоре с мисс Морстен. Надеюсь, это не выглядело слишком уж нахально?

– Ни в коем случае! Конечно, я добивался вполне конкретной цели – заразить ее, уж извините, доктор, за такой антисанитарный глагол, интересом к вам. Но не подумайте, я был крайне деликатен. Я решил, что, раз уж молва присвоила вам это звание, будет нелишним, с одной стороны, подчеркнуть, что вы на этом поприще добились безусловного успеха, а с другой – тут же дать ответ на вполне закономерный вопрос, почему столь блестящий эскулап ныне не практикует. И вот что я придумал. Сразу оговорюсь. Вам, конечно, известно, что со своим железным здоровьем я никогда не имел дела с врачами и вообще никогда не интересовался медициной, а потому знания у меня в этой области самые поверхностные и бессистемные. Так что прошу меня извинить, если я воспользовался непроверенными фактами, где-то когда-то услышанными мимоходом.

Примерно с этого момента меня начало охватывать нехорошее предчувствие, которое только усилилось с его следующим вопросом.

– Вы, кстати, знаете, что значит «поставить градусник»?

– То есть как? – опешил я.

– Ну, что заключается в этом выражении? Я-то, признаться, не имею ни малейшего понятия, но оно очень вовремя мне вспомнилось, потому что натолкнуло на идею. Я сказал мисс Морстен – по секрету, конечно! – что вы настолько ловко научились это делать, что даже самые престарелые ваши пациенты, вокруг которых, плотоядно облизываясь, реяли местные гробовщики, заметно свежели и, отменив встречу с нотариусом насчет последних приготовлений и отослав назад священника, отправлялись в магазин подбирать себе клюшку для гольфа.

– Боже мой!

– Слушайте дальше. – Сосредоточенность на ходе собственных мыслей позволяла Холмсу пропускать мимо ушей такие мелочи, как моя малодушная реакция. – Упавшая до

нуля смертность в кварталах, где вы практиковали, привела тамошние похоронные агентства в панику, и они, используя все свои связи, вынудили муниципалитет законодательно лишить вас лицензии. Вот такая вышла благородная и вместе с тем трагичная история, придающая вам особый шарм мученика, претерпевшего невзгоды за свое человеколюбие. Не знаю, что женщинам больше по душе – пострадавшие героини или героические страдалыцы, – но, несомненно, к обеим этим категориям у них имеется явная слабость, так что я учел на всякий случай и то и другое. И мое удовлетворение, Ватсон, смущено лишь неведением, как сильно я с упоминанием возможностей этого инструмента отклонился от истины.

– Боюсь, Холмс, ваше отклонение весьма существенно, – произнес я упавшим голосом. – Более того, осмелюсь даже заметить, что с градусником вы откровенно погорячились. Насколько мне известно, это простейшее действие ставит своей единственной целью измерение температуры тела.

– Единственной в посредственных руках! – возразил Холмс, блеснув торжествующим взглядом, каким обычно приветствовал изречения, служащие в силу ограниченности прекрасной мишенью для его критики. – Что не означает невозможности ситуации, когда чей-то склонный к гениальным озарениям ум вкупе с невероятной физической ловкостью – в данном случае и то и другое я высмотрел для мисс Морстен у вас – добился применением метода, чьи возможности ошибочно воспринимались ограниченными, неожиданно сильного терапевтического эффекта. Тем самым вы вывели эту процедуру на новый уровень. Известно, что порой даже обыкновенное слово – лучшее лекарство. Так почему же градусник не может в принципе исполнить роль сильнодействующего средства? Возможно, всё зависит от того, куда его поставить и как? Может, вас единственного осенило прозрение, пока остальные пребывали во тьме невежества? Почему бы и нет! И не спорьте. Вы же не пробовали, значит, не можете судить. А главное, не может судить и мисс Морстен и, похоже, хвала ей, не имеет к этому ни малейшего желания. Так что же вас так обеспокоило?

– Мне непонятно, зачем вам понадобилась эта безумная фантазия?! – воскликнул я. – Вы говорили о цели. С какой же целью, хотел бы я знать, вы взялись так настойчиво очаровывать мною эту невинную девушку?

– Признаться, я возлагаю большие надежды на это дело. Вы скажете, подумаешь, всего-то забот, присутствовать при разбирательстве больше для виду в качестве, так сказать, моральной поддержки, где всё утрясется и без нас. Но не забывайте, в этой истории случилась уже масса таинственного, и не факт, что сегодня вечером всё само собою мирно разрешится. Намерения этого странного доброжелателя нашей клиентки по-прежнему неясны, а значит, могут оказаться опасными. Я очень надеюсь, что здесь всё не так просто и нам тоже найдется достойное применение. И вот теперь я перехожу к вашему вопросу. Если дело повернется так, что нам придется активно вмешаться, а не просто скромно топтаться рядом, вы, Ватсон, возьмете на себя главную и самую заметную роль. Скажу больше. Этим делом от начала и до конца будете заниматься вы.

Заметив изумление на моем лице, Холмс засмеялся и принялся меня успокаивать:

– Да нет же. Конечно, мы, как и всегда, вместе распутаем этот клубок. Вернее, это сделаю я с вашей скромной помощью. Но выглядеть это должно так, будто вы самостоятельно блестящим образом избавили мисс Морстен от всех проблем, связанных с этой историей.

– Я всё еще ничего не понимаю, – признался я.

– Потому что вы совершенно забыли о нашей первостепенной задаче, важность которой далеко превосходит все остальные дела, включая историю нашей очаровательной гостьи. И вы, мой друг, кстати, в обращении с нею в ближайшие дни должны быть не менее очаровательны. У нас нет права упустить такую важную птицу. На прошлой неделе мы с миссис Хадсон привели в порядок наши взгляды на сложившиеся меж нами финансовые взаимоотношения. После этого она выразила надежду, что такой же порядок установится у нас и в самих делах. Как вы

знаете, мы должны ей за квартиру, и мне пришлось признать вслед за нею, что эта задолженность неуклонно растет. Общими усилиями мы определили фактический долг, а также договорились, какую часть необходимо покрыть в ближайшие три месяца. Миссис Хадсон ситуация представляется вполне ясной, так как она полагает, что вы теперь, как писатель, зарабатываете немалые деньги. Откуда ей знать, что в своих отношениях со «Стрэнд мэгазин» вы заняли столь пассивную, я бы даже добавил, самоуничижительную позицию! Если даже мне, вашему другу, это кажется, мягко говоря, странным. Тем более после того, как я узнал от миссис Хадсон, что вы тайком от меня занимаете у нее деньги. Причем аккурат в день выхода вашего очередного шедевра. Как это понимать, Ватсон? Вы что, проматываете свой авторский гонорар в игорном доме? Или, быть может, вы сделали литературным негром и вынуждены гнуть рабскую спину на какого-нибудь мерзавца Дюму? Может, вы у него на крючке?

– У кого? – не понял я.

– У Дюмы, у кого! Я слышал, на него все писаки трудятся. То есть абсолютно все, кто умеет писать. Видно, он еще тот шантажист. Признайтесь, он вас поймал на чем-то и вы не только пишете для него, но еще и приплачиваете за такое удовольствие? Мне что – пойти к этому Дюме и потребовать, чтобы он, прохвост этакий, оставил вас в покое?!

Он замолчал, ожидая от меня ответа. В который уже раз мы вернулись к самому болезненному для меня вопросу, отравляющему мне жизнь весь последний год. Ничего не изменилось, я по-прежнему исправно занимаю у миссис Хадсон очередной «свой гонорар», чтобы Холмс мог порадоваться моим успехам в издательских кругах, и вот, наконец, всё выплыло наружу. А мне всё так же нечего сказать, и я вынужден снова и снова сокрушенно пожимать плечами, стараясь каждый раз разнообразить исполнение каким-нибудь оригинальным элементом, прибавляющим новизны, чтобы у Холмса не создалось впечатление, что мы уныло ходим по кругу.

– Поймите уже, Ватсон, – продолжил Холмс, не очень впечатленный, как мне показалось, моей последней версией (череда быстрых пожатий с краткой задержкой в верхней точке, усиленных выразительным покачиванием головы и разведенными в сторону руками), – что с усугублением проблем повышаются и ставки. Справедливости ради я не могу не признать, что мы добились популярности во многом благодаря вам. Что ж, в таком случае вы же, мой друг, поможете нам обрести и финансовое благополучие.

– Каким образом? – насторожился я.

– А вы еще не поняли? – удивился Холмс. – Я предлагал вам потребовать от «Стрэнда» достойного вознаграждения за ваши рассказы, но вы упрямо держитесь скромности. Ладно, применим это ваше качество в более уместной ситуации. Скромнику идеально подойдет такая же скромница, но только с заманчивыми перспективами. Это сейчас мисс Морстен – бедная и непримечательная мышка, которой придется освежать мою память упоминанием своего имени, ходи она сюда хоть каждый день. Как там говорилось в письме? «С вами поступили несправедливо. Это должно быть исправлено». Безусловно, это тот самый доброжелатель, который посылал нашей малышке жемчуг, и вряд ли он считает именно этот факт несправедливостью и потребует назад свои жемчужины. Скорее, наоборот. Жемчуг являлся компенсацией несправедливости, и, вероятно, недостаточной, так что теперь мисс Морстен собираются уже по-настоящему облагодетельствовать. Представляете, какие там деньги?! Не сомневайтесь, в случае удачного завершения ее дела она станет по-настоящему богатой невестой.

– То есть вы предлагаете мне жениться на ней?! – воскликнул я, не поверив собственным ушам.

– Конечно! Аппетиты растут. Наши, по крайней мере, просто обязаны меняться именно в эту сторону. Я всячески расхваливал вас перед доверчивой девушкой, однако, уверяю вас, с нею не всё так просто. Дело в том, что необходимый нам вирус поражает только юные особи, а мисс Морстен на нашу беду из этого опасного возраста уже вышла.

– Можно подумать, с вами-то всё проще простого! – не удержался я от иронии, хотя всё еще был сбит с толку. – По-вашему, приданое невесты только выиграет, если дополнится ветрянкой или коклюшем?

– Говоря о мисс Морстен, я имел в виду романтизм, – пояснил Холмс. – Как известно, им заболевают в юности, и некоторый процент зараженных этой мерзкой болячкой отправляется на тот свет обычно довольно живописными способами – принимая яд, прыгая со скалы или из окна старой башни, стреляя в соперника или в себя и так далее. Остальные же благополучно перерастают этот период умопомрачения и превращаются в обычных хладнокровных мужчин и женщин, которых не проймешь уже ничем. Мисс Морстен давно уже не подросток, однако мне кажется, что особенности ее характера позволили упомянутой мною хвори задержаться в ее душе несколько дольше положенного. Иными словами, она всё еще сохраняет в себе признаки романтической натуры, так сказать на отживающей стадии. Догорающий закат особенно ярок. Последний всплеск уходящей в небытие страстности может выдаться на удивление бурным, так что пусть сдержанность этой девушки не вводит вас в заблуждение.

– Вы собираетесь это как-то использовать? – догадался я.

– Безусловно, мы должны учесть всё то, что я сказал. С одной стороны, это оставляет вам шансы не выпасть из обоймы потенциальных женихов даже с вашим довольно скудным достатком. Будь она человеком более трезвомыслящим, и не посмотрела бы в вашу сторону, едва ее капиталец приплыл бы к ней в руки, а принялась раскладывать по кучкам гораздо более благополучных с материальной точки зрения джентльменов. Эта ее черта вроде бы даже выгодна для нас, но, с другой стороны, она вовсе не свидетельствует о том, что мисс Морстен – наивное существо. Отнюдь нет, просто у нее совсем другие требования, и поверьте, Ватсон, непростые, которых она твердо держится. Ухаживаниями и расшаркиванием в ее случае не обойтись. Романтикам подавай подвиги, настоящие свершения. То есть то, чего у меня в достатке, а у вас – серьезный дефицит. Поэтому я и сказал вам, что это дело мы обставим как вашу личную заслугу. Вы очень к месту упомянули о ее приданом. Добыв его для вашей свадьбы, да еще и изрядно повозившись с опасностями, вы очаруете ее совершенно и бесповоротно. Так что приготовьтесь соответствовать, дружище.

Слова Холмса обнажили такую зияющую дыру в моей готовности соответствовать и очаровывать, а главное, жениться, что я вмиг проникся благородным негодованием к тому факту, что мне достанется незаслуженная слава. Обокрасть Холмса, присвоить себе его победу, загрести весь жар его обожженными руками! Разве я мог позволить себе опуститься до такого! Никогда! Поэтому я ответил, что, раз уж нам всё равно суждено разбавить свое общество присутствием женщины и поступиться из-за этого в некоторых пределах нашей дружбой, то, может, в таком случае уж лучше ему, Холмсу, образовать союз с мисс Морстен? И тогда нам не придется выставлять меня женихом... то есть я хотел сказать, героем нашего расследования, потому что такое бесчестное положение я нахожу для себя постыдным.

– Мисс Морстен, безусловно, замечательная девушка, – подытожил я, – привлекательная во многих смыслах, в том числе и упомянутых вами, Холмс...

– Что же вас смущает?

– Мне кажется, мы с ней совершенно друг другу не подходим. Уверен, гораздо больше она подходит вам, Холмс, а еще больше, если уж хотите знать, вам подхожу я.

– Этот вариант мы обсудим, когда к вам начнут приходить посылки с жемчугом. А до тех пор, пока вашу почту составляют исключительно счета и долговые расписки, предлагаю не уклоняться от темы. Я уже объяснил вам, что мисс Морстен должна прочно войти именно в вашу жизнь.

– Почему же тогда, представляя себе такую картину, я вижу ее больше рядом с вами, Холмс, нежели с собой?!

– Я удивлен, что вы вообще хоть что-то видите! Вы умудряетесь не замечать даже того, что у вас под носом! Вам легче представить ее рядом со мной, потому что она сидела ближе ко мне. А вы забились в дальний угол и отводили глаза. Кроме того, должен вам сказать, вы не разбираетесь в гармоничных сочетаниях элементов. Взять хотя бы ваши вечные проблемы с одеждой. Эти настойчивые распросы, во что же вам облачиться, не полнит ли это вас, не старит ли – без них не обходится ни один выход!

– Весьма любезно с вашей стороны...

– Не обижайтесь. Лучше вспомните, чем вы наполняете пространство вокруг себя. Мисс Морстен идеально впишется в него. Ее волосы прекрасно гармонируют с тем обилием бежевого цвета, к которому вы питаете слабость. Бледность ее кожи выгодно оттенит весь ваш гардероб – от пальто, что вы недавно приобрели, до охотничьего костюма. Ее гибкий стан лишний раз привлечет внимание встречных к великолепной трости, которую мы с миссис Хадсон преподнесли вам на день рождения. Крупная клетка с синеватым оттенком – ваш любимый рисунок, он у вас повсюду. А теперь вспомните ее глаза и представьте их рядом с вашим пледом или халатом. И вы еще будете спорить! Мисс Морстен сочетается со всеми предметами вашей обстановки и украсит интерьер так, что вам даже не придется ничего переставлять в комнате. Вы – идеальные супруги, Ватсон!

Этот довод поколебал мою непреклонность, а конец нашему препирательству положил аргумент убийственной силы, удачно попавший в распоряжение Холмса благодаря недавней истории. Используя его, мой друг вынудил меня сдаться.

Как я уже писал раньше, с некоторых пор Холмс стал восприниматься обществом не иначе как явление комплексное и всеобъемлющее, связывающее самые разные области человеческой деятельности. Его личность и образ охотно взялись изучать самые разнообразные и уважаемые друг другом люди – исследователи и натуралисты, наблюдатели и философы, в общем, все те так называемые пытливые умы, чтение работ которых превращается в настоящую пытку. Свой вклад в такую деятельность внесло и некое сообщество, называющее себя Лигой святости семейных уз и состоящее целиком из дам, относящих свою неумность на счет так называемой гражданской активности во имя равенства мужчин и женщин, ради достижения которого, по их убеждению, они сами, то есть эти дамы, и были сотворены в таком крикливом и энергичном виде. Распорядительный комитет этой лиги опубликовал достаточно категоричное по тону заявление, в котором говорилось, что Холмсу как лицу, претендующему на звание героя нации, не пристало жить холостяцкой жизнью. От формулировки проблемы текст заявления последовательно переходил к обсуждению способов ее исправления и в итоге завершался кличем организовать кампанию по поиску невесты для моего друга из числа самых достойных женщин Англии. Следует признать, что поначалу мы с Холмсом сильно недооценили целеустремленность и прочие напористые качества этих активисток. Нас не вразумило даже предостережение миссис Хадсон: со стыдом я вспоминаю, каким легкомысленным смехом мы встретили ее искренний совет не тянуть со встречными мерами и побыстрее разоблачить лигу в каком-нибудь преступлении. Никто из нас не воспринимал всерьез этот нездоровый ажиотаж даже тогда, когда наши же клиенты наряду со своими заботами довели до нашего сведения, что список таких соискательниц уже заведен, ходит по рукам и стремительно пополняется, несмотря на заверения лиги о том, что ею взято под контроль соблюдение строжайших критериев отбора кандидаток. Только когда этот список попался мне на глаза и я увидел, что первые семь позиций в нем заняты фамилиями представительниц распорядительного комитета Лиги святости семейных уз, у меня возникло подозрение, что дело понемногу принимает нежелательный оборот.

Все эти твердокаменные аргументы против свободы Холмса (нареченной активистками «трагической личной неустроенностью»), с тяжеловесной монументальностью отсылающие к традиционным фундаментальным ценностям, одним только построением фраз парализовали

мою волю к сопротивлению еще до того, как возникло робкое желание попытаться постичь их смысл, и я совершенно растерялся, осознав, что нам может не хватить упорства и изворотливости, а более всего – тупого упрямства, чтобы бить в одну точку и раз за разом отвергать возмутительные претензии разбушевавшихся поборниц семейного уклада. Для этого нужно обладать слишком простым характером, чтобы давно свыкнуться с собственным однообразием и из этого выработать терпение к таким же однообразным повторяющимся действиям. Нам не осилить такой стратегии: Холмсу это быстро надоест, а я, по обыкновению, что-нибудь перепутаю. Я уже готовился впасть в отчаяние, однако своевременный отпор был дан с самой неожиданной стороны.

Один ученый в своей статье сумел блистательно развенчать крамольную идею женитьбы Холмса и доказать ее пагубную и лженаучную сущность, применив инструментарий исключительно своей сферы деятельности, называющейся термодинамикой. Я бы не сумел здесь не только повторить все те специфические термины, коими был напичкан текст, но и самым поверхностным образом передать суть его доводов, если бы Холмс не пришел в восторг от статьи настолько, что предпочел вырезать ее из газеты, благодаря чему я имею возможность в трудные моменты пересказа сверяться с вырезкой и цитировать автора практически дословно.

Статья начиналась с того, что читателям с ходу задавался вопрос, знакомы ли они с понятием энтропии, чем та часть из них, к которой принадлежу я, приводилась в глубокое смятение. Затем автор брался за смягчение этого эффекта, предлагая публике просто поверить ему на слово, что весь вселенский ужас состоит не в величине этой самой энтропии, а в ее приросте. И что именно поэтому такая штукавина, как цикл Карно, является идеальной. Правда, он забыл поинтересоваться, знакома ли нам эта штука хоть немного больше, чем та самая энтропия – как до, так и после его разъяснений. Вместо этого он, стремясь окончательно поставить в наших головах всё на свои места, добавил, что этот карноцикл является идеальной штукой еще и потому, что он обратимый. Во что обратимый, он не пояснил, но лично я ему поверил, потому что ничего другого мне не оставалось. И всё же, поскольку думать об оборотнях мне было несколько неудобно, автор, словно угадав мой дискомфорт, ради психического благополучия таких чувствительных натур предложил совсем уже умиротворяющее словечко «изоэнтропийный». Полагая, что всеобщее удовлетворение тем самым достигнуто, он продолжил изложение, и я покорно последовал за ним, обхватив голову, чтобы его дальнейшие разъяснения, не имея шансов отложиться внутри, хотя бы не вытянули вместе с собой мои мозги наружу. Мне удалось пробиться сквозь донельзя упрощенный, по его же признанию, рассказ «для малышей» об идеальных процессах, смоделированных теоретиками, и их отличии от реальных, о потерях и отклонениях, о всё большем удалении от порядка и погружении в хаос, сопровождающихся ростом чертовой энтропии, о паровых двигателях и не менее чертовом адиабатном расширении пара, о совпадении и несовпадении параметров в начальной и конечной точках цикла. Если не принимать во внимание нарастающее, словно энтропия, тягостное ощущение собственной бестолковости, процесс приобщения к этой загадочной науке разочаровывал меня только тем, что на трех первых страницах вступления в этом издевательски-терминологическом бесчинстве мне не попалось ни разу имя Холмса. Я тоскливо недоумевал, какое же отношение имеет столь пространно описываемое несовершенство Вселенной к моему другу, как вдруг добрался до нужного.

Пожалуй, это место из статьи лучше будет привести здесь дословно, дабы без малейших искажений и ложного толкования донести предельно точно и бережно до читателей моего дневника всё то, что всё равно никто не поймет.

«Но почему-то все отказываются замечать очевидное, а именно – что всё вышесказанное, касаемое термодинамических процессов, вполне применимо в нашей обычной человеческой жизни, особенно во взаимоотношениях между мужчиной и женщиной. Итак, вернемся к термодинамике. Согласно этой науке

примером такого изоэнтروпийного, то есть не вызывающего роста энтропии, процесса является адиабатное расширение пара в турбине. Адиабатное – значит, без подвода теплоты к рабочему телу и без отвода от него. Только в этом случае пар наиболее эффективно проявит себя в турбине, произведет максимальную работу. Улавливаете, как это соотносится с личностью Шерлока Холмса, не терпящей праздности и обретающей единственно возможное отдохновение в напряженном труде?! Ведь по сути Холмс является идеальной машиной, совершенным механизмом с КПД, предельно близким к термическому коэффициенту цикла Карно. Будет преступлением поместить такой механизм в условия, когда его эффективность снизится едва ли не до нуля. Иными словами, подвод и отвод теплоты для Холмса так же противопоказан, как и для парового двигателя, производящего работу за счет расширения рабочего тела. Но что есть теплота в нашем житейском смысле? Это забота, элементарное человеческое внимание, составляющие суть семейных отношений, и чем они прочнее и душевнее, тем губительнее скажутся на эффективности Холмса. «Дорогой, я нагладила тебе стопку воротничков», – промурлычет дражайшая супруга, и вот уже направленное тепло ее заботы собьет Холмса с заданной адиабаты. Стоит ему в ответ улыбнуться или похлопать ее по щеке, и отведенное тепло его признательности вновь отклонит его от идеального курса. Такое вредное воздействие в семье обоюдно, то есть деградации подвергнется и его супруга, но уже со своего неизмеримо более низкого уровня. С каждым днем их отношения будут делать их обоих всё более несовершенными, и самое ужасное, что в этом нет и капли чьей-то вины. Все мы разрушаемся, согласно закону Вселенной, и происходит это с нами тем быстрее, чем трогательнее и сердечнее мы проявляем заботу друг о друге. Даже если предположить совсем испортившиеся отношения или брак по расчету, нам никак не избавиться полностью от этого взаимодействия. Поскольку семейный институт в обществе необходим, я не буду даже пытаться подвергнуть сомнению его целесообразность. Но необходимо и понимать связанные с ним неизбежные издержки, которые я только что обстоятельно описал. Исходя из этого, я полагаю правильным исключить из неэффективного режима семейной жизни наиболее ценные, производительные и отличающиеся редким совершенством механизмы, одним из которых, безусловно, является Шерлок Холмс».

Вот так. И хоть я уяснил из всего этого только лишь про стопку воротничков, свойственная мне интуиция подсказала, что сия блистательная аргументация чугунным молотом сплющила мозги не только в моей голове и что ответные возражения со стороны Лиги святости семейных уз, вписывающиеся в пределы заявленной почитателем карноциклов научной дискуссии, попадутся мне на глаза не скоро.

Холмса настолько восхитила идея о том, что свойственная ему бесстрастность, в которой я нередко упрекал его, является неременным условием эффективности его интеллекта, что он предложил мне переименовать «мой» дедуктивный метод и в последующих рассказах использовать определение «адиабатно-изоэнтропийный», чтобы закрепить новым термином оправдание его холодности. И если тогда я ответил ему решительным отказом, подозревая, что Дойл, даже получив соответствующую подсказку, может воспринять такую идею в штыки, то теперь, при обсуждении будущего мисс Морстен, мне пришлось признать, что я обязан взять его на себя, чтобы защитить мир хоть на время от происков дьявольской энтропии и чтобы Холмс мог беспрепятственно предаваться счастью со своей любимой адиабатой.

А коли так, мне следует уже сегодня приступить к процедуре – не хочется говорить соблазна, но как иначе это назвать? Очаровывание? Влюбление? Втюривание, в конце концов? Не знаю. Равно как и то, каким образом я этого буду добиваться, поскольку Холмс настрого запретил мне открывать рот, заявив, что все разговоры с девушкой берет на себя. Лучше всего, по его мнению, если я буду загадочно молчать, ну или хотя бы помалкивать.

– Почему лучше всего? – поинтересовался я.

– Потому что лучше всего заниматься тем, что у тебя получается лучше всего, – ответил он. – Заметьте, я не требую от вас обратиться в полное ничто. Выразайтесь в безмолвии сколько угодно. Считайте, что в этом смысле у вас развязаны руки.

Я послушался и задумался довольно глубоко, тем более что последние слова моего друга вполне располагали к этому. Предоставив мне полную свободу и заткнув рот, Холмс подтолкнул меня к выводу, что ключевое слово, вокруг которого следует выстроить дальнейшее поведение с мисс Морстен, – «загадочно». Неужели он имел в виду пантомиму?

Через минуту до меня донесся его восторженный возглас:

– Вот! Самое то! Что вы сейчас делали?

– Ничего.

– Впредь именно так и поступайте, – удовлетворенно заключил Холмс. – Это занятие придает вам удивительно загадочный вид. Поневоле хочется спросить, какого черта... Впрочем, не важно, главное, мисс Морстен, ручаюсь, будет заинтригована.

– Полагаете, этого хватит для нужного впечатления? – засомневался я, потому что ни одно поручение Холмса еще не давалось мне столь легко.

– Плюс безупречный внешний вид, естественно. Ваш новый костюм подойдет идеально.

– Признайтесь, Холмс, не жалеете, что отговорили меня, когда я хотел взять другой, с позолоченными пуговицами? Тогда бы я гарантированно разжег в мисс Морстен любопытство.

– Тем, что вы брандмейстер? Кусая локти, Ватсон. Ну подумайте сами, зачем вам ослепшая супруга?

– То есть как? – опешил я.

– Теми пуговицами вы сожгли бы ее зрение до конца жизни.

Так же категорично Холмс отверг мое предложение вдеть в петлицу розу и тем самым приобрести еще более неотразимый вид, заявив, что подобными стараниями быстрее накличешь неотразимые напасти.

– Вам не угодишь, – вырвалось у меня с досадой. – Любое мое предложение вы принимаете в штыки.

– Ваши предложения только еще больше убеждают меня, что я нашел для вас самое подходящее занятие. Подумайте сами, случится какая-нибудь кутерьма, придется проявить энергичность – и тут вы со своей розой. Так и вижу, как вы ее поправляете на бегу.

Таким образом, все мои идеи одна за другой были решительно отменены. Кроме одной. Поэтому с чувством, что последнее слово все-таки осталось за мной, я отправился к парикмахеру.

Глава вторая, в которой успех клиента вызывает озабоченность

Из дневника доктора Уотсона

– Наконец-то! Вам же английским языком сказали быть в шесть! К дьяволу вас с вашей пунктуальностью, джентльмены!

Этой фразой ознаменовалось наше появление у театра «Лицеум». Радует, что хотя бы не мисс Морстен поприветствовала нас таким экспрессивным образом. Снедаемый нетерпением, вокруг девушки кружил мелкий смуглолицый тип и, когда она, завидев нас, радостно вскрикнула и указала в нашу сторону, не преминул выплеснуть на нас свое раздражение. Нам пришлось сделать вид, что мы толком не расслышали большую часть реплики, особенно в том месте, где прозвучал адрес, потому что мы действительно порядком задержались из-за того, что очень тщательно готовились к ответственному делу. Мисс Морстен вежливо улыбалась, но по виду бедняжка совсем продрогла, поскольку вдобавок к нашей проволочке подкачала и погода. Со стороны Темзы тянуло принизывающим холодом, обретающим особую резвость между колонн «Лицеума».

– Я уже подумала, что сегодняшний вечер выдастся ветреным во всех отношениях, – призналась она, придерживая шляпку рукой и глядя с некоторым сомнением на мой парадный вид.

– То есть как? – не понял я.

– То есть что вы передумали участвовать в моей судьбе и предпочли сегодняшнюю премьеру в «Лицеуме». Вы выглядите так, будто собрались в театр.

Какая милая наивность! Если б только эта девушка имела представление, до какой степени я не передумал и какое участие в ее судьбе мне уготовано, кто знает, может быть, она действительно предпочла бы, чтобы этим вечером мой выбор пал на спектакль, в сценарии которого нет ее имени и где мне отведена роль зрителя.

Я уже открыл было рот, чтобы заверить мисс Морстен в своей преданности, а заодно поинтересоваться, что за премьеру по ее милости мы с Холмсом, будучи горячими театрами, вынуждены, к своему сожалению, пропустить, как мой друг довольно выразительным щипком довел до меня тот факт, что я уже серьезно отклонился от порученной стратегии. Поэтому я взялся тут же наверстывать упущенное, и всё то время, пока незнакомец получал от Холмса заверение, что мы не имеем никакого отношения к полиции, простоял в стороне, помалкивая настолько загадочно, что Холмсу пришлось трижды окликнуть меня, когда пришло время усаживаться в кэб.

Угомонившись, вспыхивый коротышка влез на козлы, и мы помчались по ускользящим в темноту улицам Лондона в сторону южных окраин.

Я сразу принялся сосредоточиваться на своих функциях, так как гораздый на выдумки Холмс порядком усложнил мне задачу, внося неожиданное дополнение: он наказал мне держаться с мисс Морстен не только однозначным, но и, если можно так выразиться, односторонним образом, то есть всё время демонстрировать ее взору свой профиль.

– Чтобы она могла получше его рассмотреть? – спросил я, польщенный проглядывающим в его просьбе комплиментом.

– Чтобы она не увидела других ваших планов, – пояснил мой друг, посчитав, видно, что непривычное обилие приятностей с его стороны вскружит мне голову. – Не обижайтесь, Ватсон, но фас у вас выглядит слишком трогательно, так как становятся видны сразу оба печальных глаза вместо одного. Чего доброго, у нее еще возникнет желание помогать вам помогать

ей, тогда как вы должны показать ей, что справитесь сами, то есть вполне обойдетесь моими силами.

– Не могу же я всё время подставлять ей одну сторону, словно римский император на монете, – возразил я. – Как вы себе это представляете?

– Есть еще, конечно, третья проекция – вид сверху, – промычал он с сомнением, будто набрел на выход, которым можно будет воспользоваться только в крайнем случае.

– Надеюсь, вы не потребуете от меня подставлять макушку ей под нос?

– Ладно, смотрите тогда, не отрываясь, в окно, – заключил он. – Иногда чуть прищуривайтесь и поджимайте губы, будто отметили какую-то деталь и сделали вывод.

Так я и сделал. Несмотря на то что я очень много прищуривался и поджимал губы, первой у меня заныла шея. Напряженная и неестественно выкрученная. Дополнительное неудобство такого поручения состояло в том, что я не видел их лиц, обязан был молчать и кривляться, словно набравшая в рот воды или бананов обезьяна, и мог только прислушиваться к их разговору. При этом у меня не выходили из головы слова Холмса о том, что мисс Морстен испытывает ко мне волнительные эмоции. Пока я гадал, насколько Холмсу удалось проникнуть своим всевидящим и бесстрастным взором в сердце девушки, первое подтверждение его правоты не замедлило всплыть в беседе, правда довольно неожиданным образом. Мисс Морстен шепотом заметила Холмсу, что «доктор Уотсон очень загадочный». Ей показалось особенно таинственным то, что я, не отрываясь, напряженно смотрю в окно, хотя, по ее словам, «всё равно ничегошеньки ж не видно, темень, хоть глаз выколи». Холмс ответил, что я и его всегда восхищал своей способностью видеть в кромешной тьме, но как мне это удастся – до сих пор остается для него непостижимым. Этот ответ коренным образом повлиял на характер беседы. Девушка, задумавшись над услышанным, примолкла, а Холмс, явно раззадоренный своей изобретательностью, прочно захватил инициативу. К моему ужасу, он бойко продолжил развивать тему моих былых врачебных заслуг, стараясь придать описанию этого в общем-то рутинного занятия как можно больше живости и ярких красок, отчего моя многолетняя практика, и без того соответствующая истине лишь в части вступительных экзаменов, всё более приобретала вид авантюрных походов. Причем ситуации, требующие решительных и неординарных поступков, поджидали меня задолго до встречи с пациентом. А потому пилюли, микстуры и пиявки были прочно вытеснены из обихода всевозможными металлическими предметами, из которых только скальпель вызывал относительно мирные ассоциации. Пospешая к страдальцу, у которого в горле застряла рыбная кость, я нещадно испытывал пределы собственной находчивости и терпения своих врагов: на скаку менял лошадей при первом же подозрении на мыт (инфекционное заболевание лошадей. – Примеч. ред. газеты «Финчли-ньюс»), держа в одной руке заряженную аркебузу, срывал свободной платок с головы флибустьера, чтобы обнаружить под ним псориаз, без стеснения опрокидывал саркофаг с телом мумии, чтобы проникнуть в секрет античного наркоза, подхватывал падающее знамя из рук страдающего артритом пальцев гарибальдийца...

Мисс Морстен слушала Холмса настолько внимательно, не перебивая, не переспрашивая, что мне это перестало нравиться. «Онемела она, что ли? – недоумевал я, не имея возможности подсмотреть реакцию ее лица. – Такая впечатлительная, что проглотила язык, или настолько хладнокровная, что ей абсолютно всё равно? Холмс, конечно, раздул еще те небывалые щеки, но ей-то откуда это знать! Неужели у нее не вызвал оторопь даже леденящий душу рассказ о вакцинации секты душителей тугов, которую я провел единолично по поручению колониальных властей Бенгалии?! Даже в случаях, когда наброшенная петлей веревка уже покоилась на моей шее и ее стягивали за моей спиной коварные руки, то есть когда мой жизненный счет шел на секунды, даже тогда я сначала наугад втыкал в душителя заряженный вакциной шприц и только потом начинал избавляться от его губительных объятий. Рассказ Холмса выглядел так убедительно, что вызвал у меня затруднение дыхания, и я, пошарив по шее, рва-

нул заменяющий пеньку тугой воротничок и высвободил трепыхающийся кадык. Тогда как Мэри Морстен продолжила внимать всем этим ужасам прилежно и невозмутимо, словно она школьница на уроке естествознания, а туги – милые животные вроде косуль или недавно выведенная порода овец. Какое странное бессердечие! Значит, она тем более не будет переживать за меня, если я вернусь домой промокшим от дождя, и с ее равнодушных уст не слетит ни слова утешения, если я, забыв пригнуться, ударюсь головой о ветку яблони в саду. Скорее, она испугается за яблоню, если та хорошо плодоносит. И это моя невеста, которой я готовлюсь отдать сердце и чистую, готовую к благородным порывам душу! Пусть и в обмен на право совместного управления капиталом, который, как мы надеемся, составит предмет сегодняшней поездки.

Когда же рассказ о моем прыжке с балкона одного ближневосточного дворца, подозрительно напоминающего своим описанием вавилонскую башню, точнехонько во впадину между горбами поджидающего внизу верного верблюда не вызвал не то что восхищенного восклицания, но даже тихого вздоха, я, не выдержав, осторожно скосил глаза и увидел, что веки девушки смежены. То ли ее убаюкала дорога и она мирно задремала под стук колес, то ли пышный монолог Холмса абсолютно не мешал Мэри Морстен думать о чем-то своем, более важном, чем авантюрный водевиль с разбушевавшимся доктором в главной роли. Когда после долгой езды мы замерли, уткнувшись в хвост застрявшей в узкой улочке потрепанной кибитке, я убедился во втором: она тут же открыла глаза, и ее взгляд был так же чист и свободен от сонной пелены, как воздух нежного майского утра от тумана.

О чем же она тогда думала? Об отце или о жемчужинах? Мне хотелось разгадать ее через противопоставление крайностей, хотя я понимал, насколько несправедливо лишать человека права пребывать в обыкновенной человеческой середине. Хорошо, пусть в ней нашлось место для всего, однако она должна была понимать, что прояснения, к которым мы приближались с каждой минутой, могут оказаться частичными. Если бы ей был предоставлен выбор, что бы она предпочла?

Прошлое, хоть и довольно уже давнее, но, как я понял, всё такое же живое, или будущее, настойчивое по-иному? Одно не отпускало через боль, другое манило приближением новой жизни, обещающей то ли блага, то ли надежду через забытье получить освобождение. Мне было ясно, что в поисках ответа я в действительности добиваюсь вынесения оценки, и я не сомневался, что, хоть и признаю – заботы о грядущем разумнее переживаний о минувшем, всё равно не удержусь от осуждения, если замечу, что практичные приготовления к обустройству в новых условиях вытеснят из ее души чахнущую и всё более бесполезную мечту увидеть когда-нибудь отца живым.

Спохватившись, что слишком много любопытствую по поводу человека, которого мне, в сущности, навязали, я одернул себя от таких мыслей и вплоть до завершения поездки думал уже только о деле. Наконец мы остановились. Наш кучер спустился и, отворив дверцу с моей стороны, изрек, что гости прибыли и могут выходить, только осторожно, потому что тут сам черт, да простит его сударыня, ногу сломит. Мы выбрались и пошли вслед за ним. Вокруг была действующая на нервы, словно затаившаяся для чего-то недоброго тишина, а довершала гнетущее впечатление всепоглощающая темень. Ни одного даже тусклого огонька, куда ни кинь взгляд. Одним из первых же шагов я угодил в глубокую рытвину, полную грязи, и, уже распластавшись на земле, услышал исполненный осторожного любопытства вопрос девушки к Холмсу, как же такое сообразуется с упомянутой им моей способностью ориентироваться во мраке, словно кошка.

– В любознательности ей не откажешь, – процедил я тихонько, вставая и отряхиваясь.

– Как и в логике, – так же негромко отозвался Холмс.

Наш проводник завел нас в невзрачный низкий дом, но, когда мы оказались внутри, перед нами открылась удивительная картина. Жилище было набито всякой отнюдь не дешевой восточной всячиной. Хозяин, также одетый по-восточному в пестрый халат, представился

Тадеушем Шолто, сыном того самого майора Шолто, о котором нам говорила мисс Морстен. Он буквально обрушил на нас поток красноречия, а услышав, что я врач, принудил меня исполнить небольшой медосмотр его организма, для чего извлек из недр своего живописного беспорядка стетоскоп, который я сначала принял за еще один кальян. Как только магический прибор оказался в моих руках, меня охватило благоговейное чувство, будто давняя мечта о врачевании не просто ожила, но и грозила сбыться немедленно. Честное слово, еще немного – и я бы поверил в себя безоговорочно, немедля выкопал бы свой талант и тут же обнаружил у своего первого пациента какую-нибудь пневмонию или, еще лучше, чахотку на последней стадии, тем более что его назойливость взывала к достойному диагнозу. Затаив дыхание, я взялся приставлять блестящую штуковину на конце провода к разным местам на теле этого ипохондрика.

– Дышите, пожалуйста, достаточно глубоко, – сказал я тем особенным тоном, что уверяет больного в должной сосредоточенности врача.

– Сначала вставьте себе это в уши, – сказал он, протягивая мне рогатину, которой заканчивался другой конец провода.

Я послушался и не пожалел. Волшебный мир неземных звуков перенес меня в детство, в счастливый период тикающих часиков и музыкальных шкатулок. Внутренности мистера Шолто не только кряхтели, пыхтели и сопели, как сам мистер Шолто, но и булькали, тархтели и даже чуть-чуть позвякивали, чем покорили меня безоговорочно. Зачарованный, я пропал окончательно, потерявшись во времени, пока не почувствовал энергичные рывки шланга и не увидел, открыв глаза, что пациент призывает меня вынырнуть из анатомических грез и вернуть стетоскоп.

– Не кажется ли вам, что у меня что-то не так с митральным клапаном? – посмотрел он на меня тревожными глазами, настойчиво доискиваясь по выражению моего лица, не намерен ли я утаить от него страшную тайну.

– Еще бы, – хмыкнул я, решив быть великодушным, не перечить гостеприимному хозяину и порадовать его подозрительность. – Прямо с языка сняли.

– Думаю, он недостаточно плотно закрывается, – чуть качнувшись от секундной потери сознания, дрожащим голосом продолжил посвящать меня в тонкости личной кардиологии мистера Шолто.

– Это еще что! – подхватил я с жаром, польщенный привлечением к консилиуму. – Если б он хотя бы толком открывался!

У человечка подкосились ноги, и он упал на застеленный узорчатым ковром диван. Холмс посмотрел на меня с сомнением, как человек, которого мои проснувшиеся способности застали врасплох, а мисс Морстен, добрая душа, бросилась приводить в чувство несчастного Тадеуша Шолто. Успех был достигнут на удивление быстро, и через четверть часа, рассадив нас вокруг себя, обретший голос страдалец приступил к делу.

Его отец, выйдя в отставку, вернулся в Англию очень состоятельным человеком. Он приехал с целым штатом прислуги, набранной из индусов. Однако все годы его последующей жизни прошли под тенью какого-то странного страха. Майор до дрожи боялся человека с деревянной ногой, но тайну этого страха упорно держал в себе, пока однажды не произошло событие, резко сократившее ему жизнь. Как-то весной он получил странное письмо, совсем кратенькую записку, которая уложила его в постель до самых последних дней. Однажды, чувствуя, что конец его близок, майор призвал к себе сыновей – а у Тадеуша есть брат-близнец Бартоломью – и, вложив в свой затихающий голос последние силы, поведал им историю, в которой было всё: крепкая дружба с капитаном Морстеном, разделившим с ним тяготы нелегкой службы на Андаманских островах, их чудесное обогащение, ссора при дележке вывезенных ценностей и предательство памяти друга – наплевательство на судьбу его единственной дочери. Капитан Морстен ушел из гостиницы на встречу с Шолто и не вернулся с нее. Майор оправдывался, что капитана во время их разговора хватил удар, но, учитывая свойственную ему патологическую

жадность, которая не укрылась от глаз его сыновей и о которой с горечью рассказывал Тадеуш, при встрече двух старых друзей могло случиться и нечто более страшное. Во всяком случае майор скрыл смерть капитана, устранил улики и прожил после этого еще четыре года, не переживая особенно о судьбе дочери друга. Но на смертном одре он почувствовал зов совести и призвал сыновей исправить допущенную им несправедливость в отношении мисс Морстен. Но вот беда, сообщить о местонахождении сокровищ, сокрытых где-то на территории его усадьбы, он не успел. Увидев в окне чью-то любопытствующую рожу, нагло подслушивающую самую интимную подробность его рассказа касательно спрятанных ценностей, он пришел в сильнейшее негодование от возмутительного вмешательства в его частную жизнь, отчего немедленно испустил дух. По-быстрому схоронив отца, братья устремились на розыски клада. Они перерыли вверх дном дом и бросились перекапывать парк. Тадеуш признался, что он, не лишенный некоторой трудолюбивости, вскоре пал духом и удалился с территории изысканий подальше, а именно в этот дом. С тех пор археологией в Пондишери-Лодж занимался только одержимый жаждой денег Бартоломью. Даже без сокрытого клада наследство майора позволило сыновьям жить вполне широко. Этим, похоже, расточительный сибарит Тадеуш и занялся с увлечением, судя по роскошному убранству его дома. Но между братьями возникли разногласия, как отнестись к завету отца в отношении дочери Морстена. Бартоломью категорически не желал с ней делиться, и Тадеушу кое-как удалось уговорить его отсылать девушке ежегодно те самые жемчужины, о которых мы уже узнали от мисс Морстен.

Но вот настал день, когда Бартоломью отыскал в доме тайник с кладом. Он пробил дыру в потолке своего кабинета и обнаружил под крышей небольшое пространство. Очевидно, раньше это был чердак, но, спрятав в нем ларец с драгоценностями, майор заодно и замуровал вход в него, так что о существовании этого крохотного чуланчика, где выпрямиться в полный рост не сумел бы и ребенок, сыновья даже не подозревали. Бартоломью известил брата, и тот почти мигом примчался в Пондишери-Лодж. Обрадованный Тадеуш, как и обещал брату раньше, послал письмо мисс Морстен, с которым она и побывала у нас. Теперь нам вместе предстояло отправиться в Пондишери-Лодж, что в Аппер-Норвуде, и сломить сопротивление несговорчивого Бартоломью. Возможно, его отец нажил на службе не совсем честным образом. Вряд ли у тюремного начальства на Андаманских островах было заведено выплачивать жалование своим подчиненным золотыми украшениями и алмазами. Но, даже если сокровища были вывезены оттуда незаконно, нашей клиентке теперь причиталась ее законная доля. Тадеуш не сомневался, что Бартоломью уяснить сей парадокс с нашей помощью будет нетрудно, и уже принялся поздравлять мисс Мэри с великим счастьем. Мы с готовностью присоединились к нему и даже превзошли его выпренность тем, что принялись восхищенно аплодировать девушке, одаривая ее теплой волной своей искренней зависти. Помня завет Холмса быть особенно учтивым, я не отставал в произнесении в ее адрес комплиментов и пожеланий поскорее обзавестись достойным мужем, желательно остановив свой выбор на ком-нибудь из бывших врачей в зрелом возрасте с благодушным характером и безвредными привычками, то есть человеке, лишенном крикливой яркости, но удобном в обращении. Возможно, намек с моей стороны получился слишком тонкий. Во всяком случае, мисс Морстен не подала виду ни единой черточкой своего привычно отрешенного лица. Я не распознал, что творится у нее на душе, но ей явно было не до разговоров. Наш восторг, вполне натуральный до границ, какие обозначает новость о чужом сказочном везении, словно парад, прошедший околицей, не попал в поле зрения ее странно застывших глаз.

Когда мы все вместе вышли из дома и направились к стоявшему у дороги кэбу, я услышал взволнованный шепот Холмса у себя за спиной:

– Ватсон, пожалуйста, если вам не трудно, оступитесь еще раз, чтобы отстать от всех. Нужно срочно переговорить.

Я так удивился услышанному, что действительно тут же, не успев понять как, исполнил просьбу своего друга и улетел за обочину. Выбравшись из канавы, я поинтересовался у Холмса, о чем он так переживает, если всё складывается вполне удачно.

– Удачно?! – воскликнул Холмс больше мимикой, так как явно желал сохранить наш диалог втайне. – Вы с ума сошли, Ватсон! Всё чертовски плохо, просто отвратительно! Через какие-то час-два всё решится и все благополучно разъедутся. Лицо мисс Морстен озарится смешанным сиянием счастья обретшей богатство беднячки и недоумения, кто вообще такой этот доктор, как бишь его...

– Уотсон, – подсказал я.

– А ваше... каким будет ваше лицо, Ватсон? – патетически, насколько позволял шепот, продолжил он, схватив меня за рукав. – Неужели опять смиренным, принимающим всё, что бы ни случилось, с утешением, что всему быть и ничего не миновать? Очнитесь уже наконец! Вы так проникновенно погружены в себя, но надо же иногда выбираться на поверхность поближе к действительности! Или вы думаете, что за одно только лишь сегодняшнее более чем скромное участие она остановит на вас свой выбор? Да стоит только завтра газетам объявить о появлении на лондонском олимпе новой достойной претендентки, как набегут толпою соискатели, среди которых вы, дружище, мигом потеряетесь.

Я растерянно спросил, что ж тут можно придумать, если дело уже, как по накатанной дороге, преспокойно близится к завершению. Но мой друг никогда не унывал и теперь тоже лихорадочно искал выход.

– Шанс, хоть и призрачный, у нас еще есть. Нужно любой ценою сорвать сегодняшние переговоры с Бартоломью. Тадеуш считает, что дело решенное и мы сообщая уговорим брата. Значит, следует добиться обратного. По мнению Тадеуша, Бартоломью вовсе не горит желанием делиться с нашей подопечной. Тадеуш всё время уговаривал его отсылать жемчуг, и теперь, когда сокровища найдены, чуть ли не заставил брата пойти с ней на сближение. Бартоломью наверняка гложет мысль, что это он нашел сокровища, а значит, имеет больше прав, чем брат, решать, как распорядиться деньгами. Пари держу, он будет упираться и заявит, что без его сообразительности не было бы и клада. И он по-своему прав.

– Нет, неправ, – возразил я. – Клада не было бы и без него, а без майора.

– Вы так договоритесь, что без майора не было бы и Бартоломью, – нервозно заметил Холмс, с тревогой поглядывая в сторону оторвавшихся от нас спутников. – Стоит ли копать так глубоко? Да, майор Шолто сколотил и состояние, и обоих сыновей, и неизвестно еще, к чьему появлению приложил больше усилий...

– К сокровищам, конечно, – ответил я так же шепотом. – Дети, по крайней мере, законнорожденные и не произведены на свет украдкой.

– Оставьте мелочи и сосредоточьтесь на главном, Ватсон! – вышел из себя Холмс всё так же шепотом. – Тадеуш – разглагольствующий бездельник, а всё сделал умница Бартоломью, вы согласны?

– Помешанный на своем здоровье вдобавок.

– Кто?

– Тадеуш.

– При чем тут это?!

– Это так, к слову.

– Он и только он разыскал клад... в смысле Бартоломью, и без его находчивости мы бы сейчас прокисали в бездействии на Бейкер-стрит. Это-то вы не станете, надеюсь, отрицать?

– Нет, не стану, – признал я. – Мне Тадеуш тоже не очень нравится. Но он поддерживает мисс Морстен, которую мы тоже поддерживаем.

– Нужно дать ему какую-то зацепку против брата...

– Тадеушу?

– Бартоломью! – закричал всё так же шепотом Холмс, потеряв терпение. – Чтобы он смог сегодня если не отказать, то хотя бы отсрочить дележ добычи. Но сделать это следует очень тонко, чтобы наши попутчики не догадались.

Вот ведь как! А я-то думал, что финал вполне предсказуем.

– Но Холмс! Что вам даст отсрочка, если в итоге мисс Морстен всё равно заберет свои деньги?

– Ватсон, вы постоянно упускаете из виду линию, которую я упорно гну. Пусть бедняжка получит свое причитающееся, кто ж против? Но она должна усвоить себе, что без нас, в особенности без вас, не видать ей богатства, как... В общем, мы должны героически поднять ей настроение, а для этого нужно сначала хорошенько его уронить. Нужна серьезная проблема, которая возникнет на ровном месте. Какой вам видится такая проблема, учитывая, что мы имеем дело с баснословной кучей денег?

Я подумал немного и предположил, что, поскольку куча и впрямь баснословна, она должна быть большая и тяжелая. И если б у нас, например, каким-то образом сломался кэб, мы тогда на своих плечах перетаскали бы эту кучу. Да еще и в такой темноте, в отдаленном и небезопасном месте. Чем не достойный всеобщего одобрения поступок? Но Холмс отреагировал на мою идею крайне скептически.

– Категорически несерьезно, мой друг. Вы не носильщик, вы – спаситель, почему вы упорно отказываетесь взять на себя эту восхитительную роль? Запомните, с деньгами может случиться только одна-единственная проблема. Они могут исчезнуть. И в нашем случае они обязаны исчезнуть. А мы, соответственно, обязаны их найти. Значит, сейчас при встрече с Бартоломью мы должны не только сорвать договоренность и передачу денег, но и узнать хорошенько, где Шолто держит клад и как к нему пробраться. Времени у нас совсем мало. В эту же ночь мы должны выкрасть сокровища. Затем мы устроим полные смертельно опасных приключений розыски и в итоге осчастливим нашу клиентку и вашу будущую невесту.

Я посмотрел на мисс Морстен, которая, идя впереди под руку с мистером Шолто и удаляясь от нас, тем не менее стремительно сближалась со мной в обещанном Холмсом качестве. Тадеуш, по обыкновению, засыпал ее речами, и она, вынужденная отвечать, время от времени оборачивалась к нему. Пора бы уже осознать и поверить, что половина содержимого ларца в полное распоряжение – не сказка, а явь, ради наступления которой здесь все собрались. Но ничего не изменилось. Ее лицо вовсе не показалось мне поющим молчаливую песню сбывшихся грез. Она не оглядывала с неподдельной нежностью унылую округу и не рвалась крепко обнять каждое деревце, что встречалось нам по пути. Ночь, принесшая ей новость об избавлении от нужды, не казалась ей дивной. Словом, в ней не просматривалось никаких признаков сумасшествия, каким проникаются все, на кого сваливаются столь внезапные блестящие перемены. Ей будто было всё равно. Она выглядела рассеянной и даже подавленной, а еще понаблюдав за ней, я вдруг с удивлением осознал, что она переживает какое-то острое болезненное чувство, словно испытала потрясение. Я догадывался о причине. Несомненно, рассказ Шолто содержал в себе трагический факт. Капитан Морстен не только давно покинул этот мир, но даже был лишен права на погребение и по-христиански, и даже хоть сколько-нибудь почеловечески. Тело Морстена зарыли или утопили в неведомом месте, его дочери и не сыскать никогда его тайную могилу. И всё же главное – его смерть – по прошествии стольких лет почти не вызывало сомнений и без участия Шолто. Неужели вплоть до сегодняшнего дня она всё еще всерьез надеялась услышать благоприятное известие об отце?

Жадно вглядываясь в нечаянно открывшуюся картину и до боли любясь этой затаенной драмой в печальной душе Мэри Морстен, я вдруг осознал, что мне вовсе не хочется затевать игры вокруг судьбы этой чувствительной и доброй натуры. Но Холмсу виднее. Если мы сначала совсем чуточку, самую малость аккуратно огорчим ее сообщением, что сокровища похищены неизвестными, можно только представить себе, как нам удастся ее порадовать, когда мы их

вернем! Ее счастью не будет предела! Ведь никакие потери не расстраивают так, как радуют неожиданные находки, утешал я себя. Я уговорю Холмса как можно быстрее «найти» сокровища и всё это недолгое, надеюсь, время буду изо всех сил уверять бедняжку, что мы вот-вот через какие-нибудь полчаса распутаем это невероятно сложное дело, отыщем похитителей и заберем у них клад. Главное, на радостях не проговориться, кто эти бессовестные похитители. Я вспомнил последние слова Холмса и понял, что готов на всё, чтобы действительно осчастливить эту одинокую и свыкшуюся с долгим безрадостным существованием душу. Неважно как. Жениться или, напротив, убраться с дороги, если потребуется. А для начала твердо воспрепятствовать притязаниям жадного Бартоломью Шолто и отстоять для нее эти чертовы сокровища.

Глава третья. Счастливым поворот

Из дневника доктора Уотсона

Мы прибыли в Пондишери-Лодж уже совсем поздно. Дом окружала высокая стена. Как объяснил нам Тадеуш, еще со времен отца усадьба очень тщательно охранялась. После его смерти Бартоломью только ужесточил меры безопасности, ни на минуту не забывая об угрозе со стороны загадочного калеки. Мы подошли к запертой калитке, и Тадеуш позвонил. Через минуту из тьмы выступил какой-то угрюмый тип, по всей видимости привратник, и поинтересовался, что нам всем нужно в столь поздний час. Тадеуш объяснил, что у него вчера был разговор с братом и они договорились о сегодняшнем визите гостей. Но угрюмый тип уперся и ответил, что может пропустить лишь его, а вот остальных – никак нет. Тадеуш занервничал. Он стал увещевать этого Мак-Мурдо, уговаривая не позорить его перед друзьями. Мы с Холмсом переглянулись, подумав, конечно же, об одном и том же. Это был шанс. Мы, правда, еще не встретились с хозяином и не увидели, где он держит клад, но ведь позже такой возможности всё отменить может и не представиться. Вдруг Бартоломью поддастся уговорам брата или же проникнется расположением к мисс Морстен и с удовольствием вручит ей ее кучу денег? Чтобы не доводить до неприятной ситуации, когда придется отговаривать его при всех от столь разумного поступка, необходимо было зацепиться за подвернувшийся случай. Холмс выступил вперед.

– Как ни обидно получить от ворот поворот посреди ночи, но вынужден признать, что вы, мистер Мак-Мурдо, совершенно правы, что не впускаете нас. Уважаю слуг, которые ответственно относятся к своим обязанностям.

– Поверьте, сэр, я бы с великим удовольствием... – суровый бас за решеткой заметно смягчился.

– У вас нет такого права, – торопливо перебил его Холмс, почуяв опасность обратного эффекта. – Слишком рискованно доверять незнакомым людям, напрашивающимся в гости в столь поздний час. В конце концов, до завтра ваш хозяин, мистер Шолто, никуда от нас не сбежит.

– Может, я погорячился, – засомневался Мак-Мурдо. – Тем более что ваш голос мне почему-то знаком. В конце концов, если мистер Бартоломью действительно ждет вас, я могу...

– Ни в коем случае. Большое вам спасибо, мистер Мак-Мурдо, за то, что так любезно поговорили с нами.

Под любезностью Мак-Мурдо Холмс, видимо, подразумевал то, что этот грубиян, разговаривающий с бедным мистером Тадеушем откровенно пренебрежительно, не стал спускать на нас собаку, как обещал в случае нашей настойчивости, а ограничился угрюмым заявлением, что ничего знать не желает о каких-то гостях, похожих, по его мнению, больше на жуликов, чем на порядочных людей.

До этого момента я и не думал, что на свете существует что-то, неподвластное тьме. Однако лица мисс Морстен и Тадеуша после слов Холмса засияли таким изумлением, что их свечение не сумел поглотить даже крошечный мрак. Но тут Мак-Мурдо неожиданно воскликнул:

– Вспомнил! Это ж бедолага Холмс, которого я нокаутировал в первом раунде три года назад! Я слышал, вы тогда долго лечились.

– Так все-таки в первом раунде или три года назад? – с досадой отозвался Холмс, понимая, что теперь вернуть ситуацию в нужное русло будет крайне непросто. – Вы уж определитесь.

– Да нет же! – смутился сторож. – Я совсем другое хотел сказать. Как ваше здоровье? Я ведь говорил вам, что бокс не для вас, помните? Вы слишком высоко держите подбородок,

оттого так запросто в него и получаете. Я вовсе не хотел вас обидеть и сейчас же впущу вместе с вашими друзьями. Если б не темнота, я наверняка узнал бы вашу выбитую челюсть. Пожалуйста, проходите!

С этими словами он открыл калитку. Затея Холмса отменить визит, почти уже сработавшая, провалилась. Шансов изменить ход дела в нашу сторону не осталось. Придется пересечь сад, войти в дом и подняться в кабинет Бартоломью. И всё это лишь для того, чтобы тут же покончить с нашими надеждами. Что такого могло еще произойти на этом коротком отрезке пути, чтобы вмешаться в столь предсказуемый расклад? Возглавляемые Тадеушем, мы направились через сад к дому, но Шолто вдруг насторожился, почуяв неладное.

– Ничего не понимаю. Вот то окно наверху, видите? Это его кабинет. Там должен гореть свет, но, кажется...

Мы зашли в дом и натолкнулись на экономку. Пожилая женщина пребывала в сильной тревоге. Она сообщила, что с тех пор, как вчерашним вечером Тадеуш покинул брата, весь следующий день Бартоломью не показывался на глаза, запершись у себя в кабинете. Решившись наконец заглянуть в замочную скважину, она кое-что всё же разглядела, хоть в замке и находился ключ. И это «кое-что» не прибавило ей оптимизма – миссис Берстон была откровенно напугана. Мы по очереди заглянули в кабинет Шолто ее способом и тоже испытали ощущения, весьма далекие от приятных. Из темноты неосвещенной комнаты, как белая луна, чей свет падал через окно, на нас смотрело лицо покойника, застывшее в какой-то жуткой непередаваемой эмоции.

Ничего не оставалось, кроме как взломать дверь. Посреди комнаты в кресле сидела абсолютная копия Тадеуша, безучастная не только к шуму, с которым мы ворвались в комнату, но и вообще ко всему, что принадлежало этому миру. Бартоломью Шолто уже успел окоченеть. Почти над головой его чуть сзади в потолке зияла внушительная дыра – та самая, за которой он обнаружил чердак, где и дожидался своих хозяев ларец с сокровищами. Тадеуша колотила дрожь, он боялся подойти к брату. Мы с Холмсом приблизились и поверхностно оглядели тело. На нем не было никаких ран. Отчего же он умер? Мысль о том, что этот несчастный скупец не выдержал огорчения от предстоящего раздела имущества, вызвала во мне угрызения совести. Неужели мы явились невольными убийцами? Без нас Тадеуш не принудил бы брата к такому самоубийственному в его представлении выбору. Или это и в самом деле самоубийство?

Пересиливший наконец свой страх Тадеуш тоже подошел, и мы услышали его голос:

– Посмотрите, мистер Холмс! За ухом. Что это?

Действительно, за правым ухом мертвеца из виска торчал тонкий, длиной с иголку предмет. Я бы и принял его за иголку, но, осветив и рассмотрев предмет под лупой, Холмс заключил:

– Это, мистер Тадеуш, какая-то щепка или шип растения вроде кактуса. Странно. Вчера вечером, когда вы виделись с ним, у него ее не было?

– Я не приглядывался к его ушам, но думаю, нет. Бартоломью не таков, – прошептал Тадеуш. – Может, это и есть причина смерти? Вдруг оно ядовитое?

– Вы полагаете? – откликнулся Холмс уже другим тоном. Тем самым, который свидетельствовал о возникновении в его голове очередной проницательной догадки. – Любопытно. А знаете, ваше случайное замечание натолкнуло меня на оригинальную мысль. Мой дедуктивный метод исключает возможность случайной смерти при отсутствии орудия убийства, это однозначно. Если бы ваш брат ненароком наткнулся на эту колючку в пределах комнаты, то мы бы обнаружили здесь и горшок с тем самым кактусом...

Слова Холмса прервал дикий крик Тадеуша. Оказывается, ларец с сокровищами, который они с братом спустили с чердака и установили на столе, теперь исчез.

– Ну вот, – заключил Холмс. – Кактус отменяется однозначно. Убить он еще мог, но ему не под силу без посторонней помощи вынести тяжелый ларец.

– Верно, – согласился я. – Как минимум, у него должны были быть сообщники, которые забрали его с собой.

– Кого? – ошеломленно переспросил Тадеуш и тут же запричитал, заламывая руки. – Послушайте, во всем же обвинят меня! Я был последним, кто видел его живым!

– Но ведь он заперся изнутри и оставил ключ в замке. Как бы вы смогли проделать такое, мистер Шолто, будь вы убийца? И вообще, хотел бы я знать, каким образом злоумышленник сюда проник, если и дверь, и окна надежно заперты. Вы кого-нибудь подозреваете?

– Думаю, это тот одноногий, которого боялся мой отец. Джонатан Смолл. Бартоломью говорил мне как-то, что тот не оставил своих попыток и слуги пару раз видели его. Он все-таки добрался до моего брата!

– Джонатан Смолл! – присвистнул Холмс. – Так он и есть калека, напугавший майора до смерти? Кто бы мог подумать!

– Вы его знаете? – удивился Тадеуш.

– Не далее как сегодня мисс Морстен познакомила нас. По счастью, он еще об этом не знает.

– Мисс Морстен? – пролепетал Тадеуш, окончательно сбитый с толку. – Вы шутите?!

– Нисколько. У нее сохранился документ, похожий на тот, что вы нашли в кабинете после смерти отца.

– «Знак четырех»?

– Именно. Там присутствовало это имя.

– Господи! Я уж было подумал... – Тадеуш оперся руками о стол и свесил голову. Кажется, его покинули последние силы. Он обмяк, спина его сотрясалась то ли от ужаса, то ли от того, что ноги готовы были подкоситься и отказывались поддерживать тело.

– Что нам известна его наружность? – закончил за него Холмс. – Это было бы слишком щедрым подарком, с учетом того что следствие еще толком не началось. К сожалению, так не бывает. Хотя наличие протеза оставляет кое-какие шансы...

– Что ж теперь, переловить всех одноногих?! – истерично взвился Тадеуш. – Я вам скажу, как бывает. В первую очередь полиция берется за родственников. Вам это и без меня известно. Я наследую имение, это вполне достаточный повод отправить меня на виселицу.

– Собственно, мы еще не убедились, что тут побывал именно он, – расставшись с надеждой ободрить Шолто, рассуждал уже больше с собою Холмс. – Кто бы объяснил мне, каким образом калека проделал то, что здоровому не по зубам!

Я посмотрел на Холмса, и мне стало неловко. Пока несчастный мистер Тадеуш хныкал и вздыхал, утирая слезы, Холмс, стоя в неподобающей атмосфере смерти позе возле покойника и чуть ли не облокотившись на него, светился от счастья. И если бы даже я не понял, что к чему, Холмс вырывающимися из него восклицаниями разъяснил бы мне секрет такого приподнятого духа. То и дело до меня доносилось (по счастью, приглушенное):

– Нет, ну кто бы мог подумать! Когда мы уже решили, что всё... тут такое! Вот это да!

И действительно. В самый последний момент, когда уже не оставалось никаких надежд, мы получили наконец то, о чем могли только мечтать. Загадка, приз за раскрытие которой – ларец с драгоценностями и сердце богатой невесты. Дело оставалось за малым. Раскрыть преступление, поймать преступника и найти сокровища.

Мы зажгли несколько свечей и расставили их так, чтобы осветить всю комнату. И сразу же нам стали попадаться всевозможные улики, доказывающие, что к версии о самоубийстве или несчастном случае следует относиться весьма скептически. Очень быстро было обнаружено слуховое окно, ведущее с чердака на крышу, и таким образом определен способ, которым убийца проник в дом. Бартоломью располагался в кресле спиной к дыре в потолке, и если кто-то, как рассуждал я, подкрался сзади с горшком в руках и прислонил ядовитый кактус к затылку несчастного, а то и вовсе заехал что есть мочи ему по темени тяжеленным горшком...

Холмс раскритиковал мою версию, по его мнению, жертва была поражена с дистанции бесшумным выстрелом.

– Можно подумать, в школе вы никогда не плевались горошинами через трубочку, Ватсон.

– У нас не было такого предмета.

– Значит, вы получили воспитание в женском пансионе, – улыбнувшись, Холмс взял со стола небольшой сплетенный из соломки мешочек, полный таких же шипов. – Ага! А вот и наши стрелы. Не удивлюсь, если они пропитаны... бисульфатом бария, например.

Там же на столе лежал клочок бумаги, в котором каракулями была выведена уже знакомая нам надпись: «Знак четырех». Следующее вещественное доказательство высмотрел Тадеуш Шолто.

– Смотрите! – вскрикнул он, указывая трясущимся пальцем себе под ноги. – Я же говорил вам!

Весь пол был усеян круглыми, размером с крупную монету отпечатками.

– Протез, – коротко заключил Холмс. – Значит, это действительно Смолл. Но как он со своей деревяшкой сумел залезть по стене? У него должен был быть сообщник, надо искать еще следы. Ой! Смотрите-ка, Ватсон!

Он остановился в том месте, где была пролита какая-то вонючая жидкость. На краю этой густой лужи отпечатался след очень маленькой ноги. Пальцы ее были странным образом оттопырены.

– Вот те раз! Неужели ребенок?

Втроем мы недоуменно поглядели друг на друга.

– Вот что я вам скажу, – нашелся первым Холмс. – Не будем прикидываться шокированными святошами и изображать уверенность в том, что на всем свете не найти детишек, которые согласятся принять участие в преступлении. На всем остальном свете, может, и не найти, зато в Лондоне их предостаточно.

– В краже или хулиганстве – да, но в убийстве?! – воскликнул я недоверчиво.

– Ваше недоумение, Ватсон, объясняется тем, что вы слишком поверхностно осведомлены о том, что творится в районах вроде Спиталфилдз, а об Уайтчепеле узнали самую малость, и то лишь благодаря Джеки Рипперу. В нежном возрасте из чувств развито лишь любопытство. О том, чтобы поставить себя на чье-то место и представить себе чужую боль, не может быть и речи. В таких условиях лишение жизни представляется увлекательным приключением, чем-то вроде игры. Этим Смолл нашего сорванца и завлек, вдобавок посулил денег. Вы бы отказались?

– Надеюсь, да, – с жаром отозвался я. – Надеюсь, у меня бы хватило...

– Меня смущает другое. Мальчуган не робок даже по меркам любителей подобных забав. Он сумел взобраться на крышу, тихонечко проникнуть на чердак так, что Шолто ничего не заподозрил. Что было дальше? Ясно, что он сбросил веревку Смоллу и помог ему взобраться. Так же, на веревке, они спустили ларец вниз.

– Вы забываете, Холмс, об одной маленькой детали, – поправил я его, так как меня порядком покорило бесстрастный тон, с которым он взялся уделять внимание далеко не первостепенным вещам. – Возможно, вы опустили ее как незначительную. Между делом они прикончили несчастного Бартоломью!

– Это само собой.

– Но кто из них стрелял? Разве вас не интересует, взрослый или ребенок посмел поднять руку на чужую жизнь?!

– В настоящий момент это не важно. Ясно и так, что мы имеем дело с убийцами. Главное, напасть на их след.

– Ничего себе «не важно»! Надо молиться, чтобы выяснилось, что не это неразумное дитя пролило кровь! Как вы не поймете, что от этого будет легче всем нам!

– Лично мне будет легче, если вы это возьмете на себя, Ватсон, – отрезал Холмс, не поведя и бровью. – Ну, что ж, мистер Шолто, давайте вернемся в комнату экономки, где нас дожидается мисс Морстен, и, прежде чем вы отправитесь за полицией, я сделаю небольшое заявление.

Так мы и сделали. Экономка выглядела всё такой же перепуганной, да и мисс Морстен смотрела на нас встревоженно, предчувствуя нехорошие известия. Лицо Холмса, неподобающе оптимистичное для такой ситуации, вдохнуло в нее надежду, и я невольно сжался, предвидя, что ей предстоит услышать. Вдобавок ко всему Холмс не сумел вовремя удержаться от любимого жеста, коим обыкновенно выказывалось его удовольствие, и взялся потирать руки, но спохватился и гуманно изобразил присутствующим, как пытается стереть, таким образом, грязь с ладоней.

– Итак, дамы и господа. Бартоломью Шолто, которого нам предстояло склонить к такому же благородному отношению, какое проявил его брат, не возразил нам ни словом. Но хорошие новости на этом закончились, ибо предмет спора исчез и спорить не с кем и не о чем. Да, да, мисс Морстен. Вы ограблены, а мистер Шолто лишился еще и брата. Трагедия, что и говорить. И посему я от всей души вам сочувствую. Но, с другой стороны, у нас с доктором появилась возможность доказать вам, что мы не зря едим свой хлеб. Мы беремся за это запутанное дело немедленно. А вы, мистер Шолто, отправляйтесь в участок в Норвуде и известите полицию о случившемся.

Тадеуш послушался и бегло застучал каблуками по лестнице, а Холмс отвел меня в сторону.

– Холмс, умоляю вас, – зашептал я, не дав ему открыть рта, – сделайте что-нибудь с этим нездоровым блеском в ваших глазах! Поймите же, что светиться восторгом при таких обстоятельствах просто неприлично.

– Полагаете, я охвачен эйфорией? – пожал он плечами. – Дело-то выходит непростое. Уж лучше бы мы сами выкрали сокровища, как и собирались. Тогда бы нам не в пример было бы легче разыскать их, чем теперь, если бы мы только не забыли, куда спрятали их. Сейчас же следует, не теряя времени, отыскать следы Смолла, иначе он, чего доброго, с такими деньжищами быстренько скроется из страны. Но нам повезло. Тут неподалеку проживает старик Шерман.

– Зачем нам парик в такое время? – удивился я, вспомнив, что означает это имя.

– Это другой Шерман. У него есть собака. Этот Тоби очень хорошо идет по следу.

– Даже в темноте? – удивился я. – Такое хорошее зрение?

– Даже с закрытыми глазами. Такой отменный нюх. Приведите его сюда.

Я отправился по указанному адресу пешком, так как это место оказалось неподалеку, однако обратный путь занял у меня более часа из-за постоянных препирательств с собакой. Я так и не понял, этот Тоби «очень хорошо идет по следу» вообще или в сравнении с тем, как он идет по земле «бесследно», то есть не озадаченный предъявленным запахом. У меня создалось впечатление, что наличие следа – обязательное и единственное условие его передвижения. Других стимулов переставлять свои короткие кривые лапы он не признавал, или же они у него отнимались в условиях отсутствия строго обозначенной задачи. Даже прогуляться по своим собачьим делам – обнюхать кусты, освежить их отметинами, пообщаться с такими же собаками и загнать наглого кота на дерево – он согласился бы, только если предварительно сунуть ему под нос чью-то перчатку или шляпу. Вероятно, у пса, как у всякого закоренелого специалиста в своей области, развилась профессиональная болезнь, и бедолага совершенно разучился быть самим собой и наслаждаться жизнью. Чтобы довести талантливого ищейку до места, где ему будет суждено поразить нас своими способностями, мне пришлось изобрести хитроумный способ. Я давал Тоби понюхать свой свернутый клубком носовой платок, швырял платок в направлении нашего движения, кричал волшебное слово «Ищи!», Тоби «находил» его, и мы возвращались к началу описанного цикла. Чтобы сократить число повторений, я ста-

рался зашвырнуть платок подальше, и всё равно к концу пути рука, бросавшая платок, у меня буквально отваливалась. Я охрип от выкриков опротивевшего мне навеки слова «Ищи!» и всё же в итоге был вынужден заключительную милю нести Тоби на руках, так как платок, перемазанный грязью и слюнями жадного до находок пса, в конце концов закатился под водосточную решетку, и мы, промучившись с его извлечением с четверть часа и так и ничего не добившись, разделились во мнении. Тоби не желал бросать начатое, несмотря на мои уверения, что вещь не такая уж ценная, и был силой отстранен от выполнения задания, так что я вернулся в Пондишери-Лодж в полном изнеможении.

Там уже находились представители полиции Норвуда, однако среди них я заприметил и человека из Скотленд-Ярда. Инспектор Этелни Джонс заметно выделялся своей тучной фигурой, напоминая слона в лавке не только породными формами, но и безалаберным поведением. Ему уже всё было ясно. Он раскрыл дело за пять минут, управившись в этот промежуток времени со всеми необходимыми процедурами, то есть арестом подозреваемых. Тадеуш Шолто не угадал только одного: вместе с ним под стражу взяли привратника Мак-Мурдо. Холмс со стороны посматривал на Джонса не без иронии, но при этом выглядел озабоченным.

– Ватсон! – подошел он ко мне, едва увидел меня с Тоби. – Поставьте пса на землю, незачем его баловать. Мы с вами совершенно забыли про мисс Морстен. Она всё еще тут.

– Надеюсь, это так, Холмс, – откликнулся я, переводя дыхание и удерживая Тоби от остервенелых попыток воткнуться носом в Холмса. – Иначе в этой тьме крошечной мы ее ни за что не найдем. Даже с Тоби, потому что у нас нет ничего от нее, что он мог бы понюхать.

– Я имел в виду, что ей совершенно не подходит эта зловещая атмосфера мрачного дома.

– Где вдобавок ко всему свершилось ужасное злодеяние, – добавил я с содроганием, так как лицо покойника всё еще стояло у меня перед глазами.

– Вот именно. У ворот по-прежнему стоит наш кэб, забирайте девушку и отвезите ее домой. И постарайтесь успеть за это время произвести на нее как можно более приятное впечатление. Помните, о чем я вам говорил. Мисс Мэри очень хороша для нас – ну просто золото, а не человек. А еще и серебро, и бриллианты с изумрудами. Так что расскажите ей что-нибудь занятное или спойте, покажите, в конце концов, фокус какой-нибудь. Словом, развеите тучи, отвлеките от дурных мыслей, не мне вас учить.

– А вы?

– Я улажу дела с Джонсом, а потом мы с Тоби бросимся по следу Смолла. Его протез тоже вляпался в креозот...

– Та лужа?

– Да, – тихонько рассмеялся Холмс. – Потому он и оставил столько следов на полу. Так что для Тоби это не задача, а сущие пустяки.

С этими словами он подмигнул мне и, развернувшись, направился обратно в дом.

Мисс Морстен вышла через калитку и, тихая и какая-то поникшая, подошла ко мне. Вечер, так замечательно начавшись для нее, был безнадежно испорчен. Подводя ее к кэбу, я вдруг почувствовал сильное волнение. Мне предстояло оказаться с нею в темном и тесном пространстве, где мы поневоле провели бы вблизи друг друга достаточно много времени. Достаточно, чтобы что? Уж не боюсь ли я ее? Я со страхом осознал, что начинаю испытывать к мисс Мэри неведомое мне доселе притяжение. Только этого не хватало. Нет уж! Я дождался, когда Холмс вернется в дом и уже не сможет видеть нас, помог девушке взойти в кэб, но сам остался снаружи. Она взглянула на меня вопросительно.

– Извините меня, мисс Морстен, что не могу сопровождать вас, – проговорил я запинаясь. – Нам с Холмсом придется, не теряя ни секунды, броситься вслед за исчезнувшими сокровищами, чтобы они не исчезли окончательно. Кэбмену известен ваш адрес, и он лихо доставит вас домой.

Мне было ужасно неловко. Душа разрывалась от желания присоединиться. Конечно же, следовало сесть вместе с нею. Ночь совсем темная, и несчастная девушка сегодня натерпелась столько страху. Но я не смог себя заставить. Я уже приготовился к слезным уговорам, но, к моему удивлению, мисс Морстен вполне спокойно отнеслась к моим словам.

– Мне было бы спокойнее за вас, доктор Уотсон, если б вы поехали со мною. Я бы отвезла вас до самой Бейкер-стрит и лично передала в надежные руки миссис Хадсон. Слишком уж вы неприспособлены к жизни, а здесь совсем глухие места. Очень вас прошу, будьте осторожны, держитесь всё время как можно ближе к мистеру Холмсу, а лучше – за мистера Холмса, и постарайтесь не падать больше в канавы. Словом, берегите себя и помните, что я за вас буду переживать.

Кэб покати от дома и быстро растворился в темноте, а я, остолбеневший от таких слов, еще некоторое время стоял на дороге. Какая чудесная девушка! Ранее я уже убедился, что у нее отзывчивое сердце. Ее добротой успели попользоваться все, кто нам попался под руку в этот вечер, не считая полицейских. Оторвавшись от забот за полубесчувственной экономкой, она успела хлопнуть по плечу несчастного Тадеуша, пока ему надевали наручники, мягко подмигнуть глазом его предполагаемому сообщнику Мак-Мурдо, пока ему... тоже надевали наручники, и даже выкроила минуточку для Тоби, очистив от колючек репейника его хвост (где этот стервец только ухитрился их насобирать, шагая по мостовой и отсиживаясь на моих руках!). А теперь она еще и призналась, что тревожится за меня. Какого дьявола я не поехал?! Хотя бы для того, чтобы ей было спокойнее за ее верного и отважного защитника. Я обманул всех – и Холмса, велевшего мне впечатлять девушку всеми способами, и мисс Морстен, и без того уже впечатленную мною, но как-то по-своему. И мне подумалось, что более всего я обманул самого себя. К чему эти идиотские страхи?! Кого я боялся – ее или себя? Я понимал, что теперь нельзя показываться на глаза Холмсу, и, как мне ни хотелось присоединиться к его сбору улик и понаблюдать за его работой, я решил идти домой.

Путь до Бейкер-стрит предстоял совсем не близкий, но эти несколько часов быстрого ходу я преодолел почти незаметно, не чувствуя времени и утомления от длинной дороги, поскольку у меня появилось новое занятие. Любоваться и противиться, предвкушать и бунтовать, сомневаться и не сомневаться, впадать в панику и в экстаз, вздыхать горестно и с надеждой – и всё по поводу одного-единственного человека. Как ни убеждал я Холмса и себя заодно, что расположение мисс Морстен мне совершенно безразлично, поднявшееся откуда ни возьми волнение и только что пережитый страх близости с молодой прелестной особой постановили, что по крайней мере с одним из них я был неискренен. Действительно, странное дело. Я пытался напомнить себе о том, как еще совсем недавно на Бейкер-стрит она не вызвала у меня ничего, кроме сочувствия ее беде с исчезнувшим отцом, то есть ничего такого, что можно было бы назвать особым расположением, и не мог понять, каким образом и когда угодил в этот невидимый плен. С какого момента мысли о Мэри Морстен перестали быть обычным рассуждением о еще одной человеческой натуре, а она сама из очередного примера, занимавшего скучающий в ожидании работы мозг, превратилась в предмет навязчивого беспокойства?

Несомненно одно: намеренно ли или по неосторожности, но именно Холмс запустил этот процесс. Его замечание о том, что мисс Морстен прониклась ко мне кое-чем волнительным, заставило меня задуматься и понемногу начать испытывать что-то похожее. Можно ли назвать ответным чувство, возникшее к человеку только от известия о том, что он этим же чувством к тебе уже охвачен? Наверное, да. Более того, наверное, это-то и есть настоящее ответное чувство, родившееся исключительно в качестве ответной любезности и совершенно не учитывающее собственно отношение к объекту. Но возможно ли, чтобы человек вдруг сделался привлекательным из-за одних только размышлений о нем? Почему бы и нет? Напряженное внимание к любому объекту – даже неживому – настраивает тонкие нити восприимчивости. Вероятно, пристальный вдумчивый взгляд – ключ к познанию красоты и совершенства всего сущего, где

в таком случае найдется место и восхищению прелестями женской молодости: если научиться любить весь окружающий мир, вплоть до последней букашки, то почему бы в числе прочего не влюбиться и в мисс Морстен? Выбор безграничный – уже не выбор, а обретение, не знающее исключений. Поразившись великолепием небес, неизбежно постигнешь неотразимость такой же бездонной синевы глаз, а умение наслаждаться стрекотанием вертячих сорок рано или поздно подружит или хотя бы примирит с говорливостью и непоседливостью женщин. И всё бы хорошо, но я всё еще далек от таких открытий и прекрасно это понимаю. В таком случае не является ли мое ответное чувство банальным и жалким проявлением тоски? Жаждой уцепиться за малейший шанс? Мое вежливое участие, не посоветовавшись с хозяином, зачем-то вдруг окрасилось в романтические тона, и теперь я не знал, к чему склониться – счесть себя обманутым или счастливым. Любовь – единственная болезнь, от которой не то чтобы не нашли лекарств. Скорее, не придумали, что с нею делать: немедленно лечить, гасить горячку всеми средствами – или, напротив, отдаться роковому вирусу и разжигать пламя недуга до такой степени, чтобы оттянуть выздоровление.

Вернувшись по дороге памяти на несколько часов назад, я вспомнил, как готов был расшибиться в лепешку, только чтобы доставить счастье мисс Морстен. О себе я тогда точно не думал. Как и о любви. Мысль, что меня это ожидает, даже не подумала придуматься моей голове. Теперь, когда мне хотелось также расшибиться, только чтобы уже мисс Морстен доставила счастье мне, я сполна проникся своим чувством. И готов это смятение назвать любовью. Значит, любовь – это когда не дарят, а требуют даров? Капризное эгоистичное чувство, не имеющее ничего общего с благородством и заставляющее страдать, – это и есть воспетая поэзией любовь? Тогда что было то, в те самые часы, когда не представлялось никакого другого блаженства, кроме как рассеять эту безграничную ее печаль, увидеть ее радость и знать твердо, что она с ней не расстанется? И зная это, на этом покончить, не задумываясь о чем-то взамен, потому что душе награда уже досталась? И лишь спустя некоторое время иногда вспоминать об этой истории с удовлетворением, что всё так прекрасно завершилось. Вот это – как назвать?

Ночь уже близилась к концу, когда я добрался наконец до Бейкер-стрит. Там мне предстояло разрешить непростой вопрос. С одной стороны, мне полагалось не шуметь, чтобы не разбудить миссис Хадсон. С другой стороны, я проголодался настолько, что вести себя тихо не было мочи – завтрак от мирно спящей хозяйки не дождешься. А еще с одной «другой стороны», уже третьей по счету, я подумал, что у нее может быть бессонница, она мучается, ворочаясь в постели и не зажигая свет из упрямства, отлежав бока и злясь, что некуда потратить невесть откуда свалившуюся бодрость. Послужит ли мой захватывающий отчет о сегодняшних событиях достойной платой за то, что попрошу себе ранний завтрак или поздний ужин? И как бы это потактичнее сделать?

В этот момент я и задел эту чертову вешалку. И почему она всякий раз падает на пол! Что за неустойчивая конструкция!

– Доктор, это вы? – раздался из-за двери ее комнаты голос, который заставил меня вздрогнуть и заодно усомниться, достаточно ли надежна разделительная стенка между мирами – нашим и инфернальным, – и не образовалась ли в ней какая-нибудь дырка. Господи, неужели у меня по утрам такой же?! С надеждой о том, что миссис Хадсон спала хотя бы не слишком крепко, пришлось распрощаться. Если она и бодрствовала, то совершенно точно не здесь, и тем не менее даже из того далека, куда перенес ее сон, она умудрилась догадаться, что вернулся именно я и никто другой. Непостижимо! Что ж, теперь-то точно можно к ней присоединиться.

Надо сказать, сначала миссис Хадсон, возможно не слишком довольная тем, что ее застали без чепца, в котором она удивительно напоминает кувшинку, не очень-то спешила пойти навстречу моей просьбе. Мне пришлось поменять последовательность изложения, пропустив вперед предложения о завтраке подробности норвудской переделки, чтобы разжечь и ее аппетит тоже, но она только сидела с распущенными седыми волосами, словно колдунья из

сказки, на постели, всё еще аккуратной, будто в нее и не ложились, терла глаза, почесывалась и громко зевала. Я рассказал ей про маленькие следы и про другие интересные факты, которыми изобиловало убийство в Пондишери-Лодж, но она слушала про то, какие нынче пошли дети и во что в итоге извратилась когда-то безобидная игра в Робина Гуда и шерифа, с каким-то скептическим выражением, будто я рассказываю ей сон, перед нелепостью которого спасовал даже сонник.

– Представляете, миссис Хадсон, – воскликнул я, чтобы помочь ей преодолеть заторможенность, – в этом деле не обошлось без участия ребенка!

– Кто бы сомневался. А где второй ребенок? Только не скажите, что вы потеряли мистера Холмса по дороге.

Затем она, пообещав приготовить мне что-нибудь, встала, открыла шкаф и вынула из него какой-то солидных размеров фолиант.

– Этот географический справочник остался у меня после смерти мужа. Ну-с, доктор, поищем вашего ребенка.

С этими словами она принялась листать страницы, а я смотрел на нее с удивлением.

– Ага, вот! Я так и думала. Насколько я помню, мисс Морстен говорила вам, что ее отец служил на Андаманских островах, так? А теперь прочтите вот здесь.

Я стал читать. Это была небольшая статья про эти самые острова, и помимо сведений о месторасположении, климате, растительности и прочем в ней присутствовало описание аборигенов – чрезвычайно уродливых и злобных карликов. Как утверждал источник, на данный момент представители этого племени считались самыми мелкими из всех известных на планете людей.

– Дочитали? Что скажете?

– Очень занимательно, но при чем тут дети?

– Вы абсолютно правы, доктор. Дети ни при чем. Не кажется ли вам, что маленький след принадлежит не ребенку, а туземцу с этих самых островов?

Она ушла на кухню, а я снова перечитал заметку. Оттопыренные пальцы, стрельба отравленными шипами как любимый способ охоты на зверей и белолицых андаманцев вроде Шолто... То, что в исполнении миссис Хадсон выглядело легкомысленным ляпом наугад, в моей голове при внимательном прочтении и тщательном сопоставлении данных справочника с нашей информацией выстроилось в четкую, обоснованную трезвым рассуждением версию, вполне пригодную для обсуждения с Холмсом.

Он пришел через час. Я уже успел подкрепиться и принять ванну и, устроившись у камина, размышлял о всех странностях этой диковинной истории, когда колокольчик в холле известил нас о его возвращении. Я услышал только первые слова радушного приветствия миссис Хадсон, потому что почти сразу все звуки потонули в заливином лае. Холмс вернулся с компаньоном, но вошел в гостиную один.

– А где Тоби? – удивился я.

– Да ну его! – Мой друг с раздраженным лицом уселся в кресло и тут же нервно заерзал в нем. – Привязал эту глупую псину в прихожей, только чтобы не видеть. Честное слово, у меня была мысль прогнать его, а Шерману сказать, что он убежал и не вернулся.

Глупая псина подтверждала заключение Холмса тем, что продолжала истошно тявкать из холла, так что мы были вынуждены закрыть дверь. Не откладывая дело в долгий ящик, я поведал Холмсу, что мне удалось установить личность сообщника Смолла. Я рассказал о том, как, догадавшись, что преступника следует искать непременно в каком-нибудь географическом справочнике, я, правда без особой надежды на успех, спросил у миссис Хадсон, не осталось ли у нее чего-то подобного от мужа, и, порывшись в такой книжке, обнаружил описание внешности туземца с Андаманских островов. Так уж совпало, что я сделал это признание, пока миссис Хадсон занималась на кухне завтраком для Холмса.

– Прекрасно, Ватсон! Теперь будем знать, что у миссис Хадсон есть такой справочник. Может, там присутствуют данные и на других преступников. Я, к сожалению, плохо представляю себе, чем занимается география, но сегодня выяснилось, что это, оказывается, очень полезная для сыщика наука. А теперь перейдем к моим новостям. Уф! Ну и пес, скажу я вам! Совершенно бестолковый! Джонс, та самая жирная скотина...

– Да, я видел его, – кивнул я. – Инспектор Джонс.

– Сегодня он имел превосходную возможность посмеяться надо мною, видя мои мучения с этим никчемным Тоби. Несколько раз я вынужден был возвращаться к усадьбе, чтобы вновь заставить собаку идти по следу. Вы не представляете себе, Ватсон, как он меня умотал, и я так и не понял, по какому же следу он меня пытался вести. Кстати, – вдруг насторожился Холмс, – что за запах у нас такой? Вы не чувствуете?

– Чувствую, – ответил я.

– Неприятный. Если уж на то пошло, я бы даже сказал, вонь, откровенно говоря.

– Пожалуй, соглашусь. Действительно, достаточно неприятный. И, что интересно, миссис Хадсон тоже им обеспокоена.

– И что? – отреагировал он сдержанным нетерпением и неудовольствием. – Вы обыскали дом? Не хватало, чтобы у нас обнаружился здесь труп. Достаточно одного покойника на сегодня.

Я ответил, что, конечно, обыскал и что миссис Хадсон помогала мне в этом, но только без толку, так как запах этот успел распространиться по всей квартире, поэтому мы не смогли обнаружить место, откуда он начал свою экспансию. Примерно за полчаса до появления моего друга я даже решил поинтересоваться у миссис Хадсон как можно тактичнее, не случилось ли чего с нашими съестными запасами на кухне, на что она заметила, что до моего появления воздух был, вне всяких сомнений, чище. Я принял это за метафору, то есть не в прямом смысле, но теперь и Холмс, приблизив ко мне свой животрепещущий нос прямо как Тоби, шумно вдыхал воздух и тихонько приговаривал:

– Странно, он какой-то знакомый. Ну да ладно. Слушайте дальше. Так вот, этот четвероногий бездельник быстренько потащил меня к себе домой...

– То есть как к себе? – удивился я.

– То есть к старику Шерману, представляете?! Они же живут вместе, если помните. Но вряд ли он хотел взять с собой хозяина. Шерман со своим нюхом в этом деле не помощник. Думаю, он просто решил отсидеться под крылом старика.

– Прошу прощения, Холмс, что напоминаю вам об этом, но, может, вы в спешке забыли... вы же спешили напасть на след Смолла, так что это вполне простительно...

– О чем забыл?

– Тоби держит след, только если дать ему его понюхать. То есть он не самостоятелен в своем выборе...

– Благодарю вас, Ватсон, мне это известно.

– Я хотел сказать, если вы забыли дать ему понюхать...

– Не беспокойтесь, всё, что надо, он понюхал.

– Я просто пытаюсь выявить причины такого странного поведения с его стороны...

– Уверяю вас, ему были предоставлены все возможности. У него живого места на носу не осталось, всё утыкано отпечатками протеза, так я ему дал нанюхаться. Он не смел и головы поднять у меня.

– В таком случае у него не осталось прав на мое заступничество. Выходит, ленивец настолько не хотел работать! – охнул я.

– А вы еще держали его на руках. Впрочем, теперь я понимаю зачем. Иначе бы он сбежал.

– Откровенно говоря, Холмс, я еще тогда хотел предупредить вас, что с этим псом что-то не так, – признался я скрепя сердце.

– Кое-как я его силой оттащил оттуда, заставил вернуться, и где-то с середины пути этот Тоби потрусил уже совсем в другую сторону. И куда, вы бы думали, он меня привел?!

– Куда? – с живейшим интересом откликнулся я.

– Как вы думаете, почему я здесь?

– Почему?

– Я вам дал подсказку. Надо только связать. То, что под носом.

– И все-таки? – попытался я уточнить после того, как украдкой скосил глаза в указанную сторону.

– Я спросил вас, куда он меня привел и почему я здесь. Осталось сделать только небольшое умственное усилие...

– Так мне ответить, почему вы здесь или куда вас привел Тоби? Не обижайтесь, Холмс, но вы засыпали меня вопросами. Не могу же я...

– Дорогой мой друг! – устало саркастически заметил Холмс. – Я сижу сейчас здесь перед вами, а не рыщу по Лондону в поисках Смолла, потому что именно сюда привел меня этот мелкий кривоногий пакостник с поросычьим хвостом!

– Понятно, – кивнул я. – Разумеется, вы о Тоби.

– О ком же еще! К нам на Бейкер-стрит, представляете?! Вроде как говорит: «Раз не ко мне домой, так давай тогда к тебе», вот как! Ну, тут я уже не сдержался... Черт, ну это же совсем невыносимо! Откройте окно хоть, что ли.

Поток свежего воздуха распахнул дверь, отчего истошный лай, не прекращающийся ни на секунду, ворвался в комнату.

– Да что ж он так разошелся! – не выдержал Холмс и подошел к двери. – Миссис Хадсон, нельзя ли с ним что-нибудь сделать?

– Мистер Холмс, ваш четвероногий друг взбесился из-за обуви другого вашего друга. Двуногого, – каким-то чудом сквозь лай Тоби донеслись до меня фрагменты ответа нашей хозяйки.

– Ватсона? – предположил Холмс довольно уверенно.

– Посмотрите сами. Ему не дает покоя правый ботинок доктора. Мне, признаться, тоже.

– А вас что не устраивает?

– Как что?! Мне все-таки хочется, чтобы вы позавтракали хоть с некоторым аппетитом.

– А при чем здесь ботинок Ватсона?

– Я его тщательно почистила, но он всё равно сильно пахнет этим ужасным креозотом.

– Точно! – радостно воскликнул Холмс. – Креозот! Вот чем у нас так разит!

Мы с Холмсом присоединились к миссис Хадсон, чтобы убедиться: Тоби действительно имел ярко выраженные претензии к моей обуви и демонстрировал их без малейшего уважения к чужому имуществу.

– Ай да молодец! – просиял Холмс и, нагнувшись, ласково потрепал пса.

– Не вижу причины хвалить этого злобного хорька, – заметил я с обидой, пытаясь отодрать настырную собаку от своего ботинка. – Даже если я и влез где-то в креозот, что ж мне теперь – отдать на растерзание свою лучшую обувь?

– Вы не поняли, Ватсон! – облегченно рассмеялся Холмс. – Смолл с напарником были также неаккуратны, как и вы. Вспомните отпечатки протеза и маленькой ступни в креозоте. На этом я построил свой расчет, потому и натаскал Тоби именно на этот запах, а вы сбили его с верного маршрута. Теперь ясно, почему он привел меня к Шерману. Он шел по вашему следу. Однако как он догадался, что вы вернулись сюда? Ведь, передав мне Тоби, вы поехали с мисс Морстен в кэбе, не так ли? Даже если ему и такое препятствие нипочем и он проследил путь экипажа, почему он не повел меня сначала в Лоуэр-Камберуэлл, а уж потом сюда?

– В Лоуэр-Камберуэлл? – переспросил я.

– К мисс Морстен, – пояснил Холмс. – Вы же, надеюсь, отвезли ее до самого дома, а не высадили где-нибудь посреди ночи?

Мне пришлось признаться, как всё было на самом деле, а заодно, чтобы поскорее переключить внимание Холмса, признать безусловные способности Тоби. Похоже, это и вправду невероятно умный пес с исключительно чувствительным носом.

– Ну что ж, – подытожил Холмс, – первое романтическое свидание вы провалили. С другой стороны, благодаря вашему позорному бегству мы убедились в замечательных качествах этой девушки. Ай да мисс Морстен! Так и попросила не падать в канавы? Слово в слово? Bravo! Такая сердечная чуткость нам очень даже пригодится. – Он выпрямился и огляделся с совсем другим выражением. – У вас найдется другая обувь для ночной прогулки?

– Конечно, – ответил я.

– Тогда собирайтесь. Сделаем еще одну попытку. Что-то мне подсказывает, что она будет удачной.

И он снова нагнулся к Тоби. Всё то время, что я употребил на сборы, мой обостренный ревностью слух терзали немислимые по щедрости комплименты, отдающие должное не только недюжинным способностям Тоби, до которых «кое-кому еще расти и расти», но и его стройным ногам, дивному хвосту и прочим прелестям экстерьера.

Глава четвертая, в которой кое-кому не терпится влезть не в свое дело

Из записей инспектора Лестрейда

Дело об убийстве Бартоломью Шолто вызвало небывалую шумиху во всей Англии, и особенно, понятное дело, в Лондоне. С первого же дня газетчики принялись соревноваться в сочинении самых душераздирающих заголовков. Издания крикливого толка более всего сосредоточились на присутствии в сюжете несметных богатств и экзотических примет подозреваемых. Кровавое золото, сокровища, несущие смерть, месть раджи, загадка охотника на близнецов, дело об отравленных дротиках, проклятье ночного протеза, банда калеки и карлика – вот далеко не весь перечень эпитетов, родившихся благодаря их красноречию в дни, пока шло расследование. Солидные же газеты, отличающиеся более взвешенными высказываниями, ограничились для удобства определением «Норвудское дело», которое позаимствовали у следствия. Исключительная ценность похищенного, кстати, явилась причиной и того, что делу сразу же был придан особый статус и оно из ведения полицейского дивизиона «Л», к которому относится Аппер-Норвуд, перешло в компетенцию департамента криминальных расследований, то есть к нам.

Оставлять записи с наблюдениями и замечаниями по ходу расследования в те горячие дни было невозможно, на это попросту не оставалось времени. Тем более что поначалу я ввязался в этот процесс самовольно и тайно, будучи основательно загруженным собственной работой. Поэтому сейчас задним числом я постараюсь описать эту историю так, как воспринимал ее день за днем в то время, когда недостаток информации и ее неправильная оценка приводили к появлению большого разнообразия версий, от которых, как в итоге выяснилось, оказалось мало толку. Некоторые верные предположения и выводы я приберегу до конца, чтобы мой рассказ отвечал обязательным требованиям детективного жанра, согласно которым читателя надлежит водить за нос как можно дольше.

Признаться, я сильно огорчился, узнав, что заниматься поиском виновных в убийстве в Норвуде поручили Джонсу, весьма недалекому человеку, описанному, кстати, в произведениях Дойла довольно точно. Комплекция его такова, что это рабелепное существо хоть и пытается вытянуться в струнку, держа руки по швам, дабы максимально продемонстрировать почтение начальству, а всё одно – бока его необъятны, и потому прижатые к ним руки, следуя рельефу, трогательно торчат почти параллельно полу, словно крылышки пингвина. И всё же, справедливости ради, приходится признать, что поначалу инспектор сделал всё возможное, чтобы доказать обманчивость такого сходства. Он взялся за дело с ретивостью, которой пингвины, будь они в Норвуде, непременно позавидовали бы. Впрочем, возможно, отсутствие даже пошло им на пользу. Кто знает, имея более широкий круг подозреваемых, ограничился бы Джонс арестом лишь Тадеуша Шолто и некоторых слуг? В любом случае поспешность моего коллеги вылезла ему боком. Практически сразу выяснилось безупречное алиби брата убитого и остальных задержанных, и самодовольный, уверенный в быстром исходе дела Джонс вынужден был освободить главного подозреваемого из-под стражи. Все слуги засвидетельствовали, что Тадеуш покинул брата вечером седьмого октября, после чего Бартоломью заперся у себя, оставив в замке ключ, и весь следующий день не покидал своего кабинета ни на минуту. По мнению Тадеуша Шолто, такая исключительная осторожность брата подтверждает показания о реальном существовании угрозы, нависшей над хозяином дома и возросшей оттого, что клад наконец-то был найден. Бумага с пресловутым «знаком четырех», который своей таинственностью так взбудоражил обывателя, была обнаружена на месте преступления и своим видом оказалась чрезвычайно похожа на документ, предъявленный полиции другой свидетельницей – мисс Мэри Морстен.

По ее словам, она обнаружила его еще десять лет назад в бумагах отца. Нет никаких оснований подозревать ее в сговоре с Тадеушем Шолто, а значит, не он, а кто-то другой оставил возле трупа символ, обозначивший свершенное деяние не как банальное ограбление, а как справедливую, в некотором субъективном смысле, кару. В свете выясненных обстоятельств преступление получило необходимую предысторию, в давних корнях которой и следовало искать объяснение нынешним печальным событиям. В полиции Норвуда нашлось заявление Бартоломью Шолто, поданное им за десять дней до смерти, с просьбой оградить его от преследования некого Джонатана Смолла. Данное в нем описание Смолла имеет примечательную особенность, а именно увечье последнего, что отчасти подтверждается показаниями Тадеуша Шолто, так как в них также фигурирует некий одноногий субъект, которого панически боялся майор Шолто. Приходится признать, что должного внимания к просьбе Шолто о защите проявлено не было. Имя Смолла присутствует и в бумаге, найденной у капитана Морстена его дочерью. Таковы вкратце основные факты и улики, добытые Джонсом в начале следствия. Те самые, на основании которых он предпочел наиболее удобную, но далеко не самую убедительную версию о том, что виноват тот, до кого проще дотянуться, кто не скрылся, а в целях своего скорейшего разоблачения еще и сам вызвал полицию на место собственного преступления. Несмотря на то что успех такого пути в свете многих фактов выглядел, мягко говоря, негарантированным, Джонс, вцепившись в то, что располагалось под носом, всё еще держался призрачного шанса, что история со Смоллом – не более чем фантастическая по сложности инсценировка Тадеуша Шолто, что ему уже после ухода удалось вернуться, незаметно пробраться на территорию парка, окружающего дом, вскарабкаться по стене на крышу, откуда через слуховое окно проникнуть в обнаруженный братом чулан. Но Тадеуш, невротичный ипохондрик, замучивший за время своего недолгого заключения тюремного врача бесконечными тревогами о своем здоровье, совсем не производил впечатление человека, которому по плечу акробатические трюки. Даже если допустить скрытое присутствие в нем таких способностей, всё последующее за его отбытием из Норвуда время вплоть до обнаружения тела он находился на глазах различных людей, в числе которых, кстати, оказались мои давние знакомцы – Шерлок Холмс и доктор Уотсон. Все эти люди сообща и обеспечили ему безупречное алиби. Примечательно также, что, по свидетельству Тадеуша и мисс Морстен, Холмс оказался давним знакомым привратника, того самого Мак-Мурдо, которого Джонс предпочел арестовать заодно с Шолто. Выяснилось, что их объединяет общая привязанность к спорту, где когда-то и пересеклись их пути. Внешний вид одного из них сохранил отметины, неизбежные в случаях, когда подобное сближение случается именно на ринге. Не исключено, что к решению заключить привратника под стражу Джонса подтолкнула как раз эта неожиданно установленная связь, но в итоге он и здесь потерпел неудачу. Уже точно ясно, что такое странное знакомство – не более чем совпадение, объясняющееся тем, что неугомонный Холмс в поисках себя, точнее следуя своей авантюристской натуре, успел попробовать свои силы во всех известных занятиях, пригодных для успеха. Поступая противоположно логике разумного человека, сначала определяющего свои склонности, а затем уже устремляющегося туда, где их можно применить, Холмс предпочитал выявлять свой талант самой деятельностью, откапывать его в процессе постижения ремесла, надеясь таким образом обнаружить его не только для публики, но и для себя. Такой подход привел его однажды на ринг, где тогда еще действующий профессиональный боксер Мак-Мурдо глубоко и надежно закопал выкопанный талант Холмса назад, задав ему взбучку, после которой наш мастер на все руки рассудил, что безопаснее и полезнее для здоровья переквалифицироваться в сыщика и отыскать у себя способности к одурачиванию наивных лондонцев, теща недалекие мозги обещаниями разрешить любые трудности.

Помимо вышеназванного в доме и вокруг него было обнаружено столько следов Смолла, что не приходилось сомневаться: его присутствие там в зловещий час неоспоримо. Отпечатки протеза виднелись повсюду. Также хорошо просматривался след маленькой стопы, оставлен-

ный в непосредственной близости от тела. Уже установлено, что такой отпечаток мог принадлежать туземцу с Андаманских островов. Всё это вкупе с экзотической техникой убийства, наверняка неведомой Тадеушу Шолто, еще явственнее вывело на передний план совсем других подозреваемых. Как сообщил Тадеуш Шолто, его отец провел в тех местах долгие годы службы – вместе, кстати, с капитаном Морстеном. Также из его показаний следует, что состояние майора Шолто резко ухудшилось вследствие приступа ужаса после прочтения некоего письма. И хоть содержание письма осталось неизвестным, логичнее всего связать его с животным страхом, что терзал майора на протяжении тех лет, что он провел в Англии после возвращения. Страхом перед калекой, чье имя теперь известно. Не имея возможности заполучить относительно быстро данные от бенгальских властей, в чьем ведении находится Порт-Блэр, где расположена тюрьма (место службы Шолто и Морстена), остается лишь строить предположения относительно личности Смолла и причин его пребывания там. Служба в тюремном гарнизоне с таким увечьем отпадает, пребывание в чиновничьей должности не связывало бы ему руки, так что он мог оказаться в Англии раньше Морстена или одновременно с ним, в любом случае куда раньше того дня, когда майор узнал о его прибытии (несомненно, письмо несло в себе именно эту новость). Остается невероятное. Впрочем, лишь на первый взгляд. Несмотря на хвастливые заверения администраций подобных заведений об образцовом порядке, неусыпной бдительности, толщине решеток и неприступности стен, побеги из мест заключения, особенно на Востоке, не такая уж редкость. Вместе с тем очевидно, что дело это непростое. Настолько, что вполне могло вызвать ту самую задержку во времени, которую какими-то иными причинами объяснить трудно. Возможно, майор надеялся, что этой задержки хватит на его век, и крушение такой надежды явилось для него слишком тяжелым ударом.

В пользу предположения об арестантском прошлом Смолла говорит и то, сколь неподходящую компанию он себе завел и чем в итоге это закончилось. Какое бы преступление ни привело его на каторгу, думаю, окончательное его разложение произошло именно там. Убийство ужасно, однако даже оно меркнет на фоне того кощунственного смысла, который заключен в его деянии. Существуют границы, которые белый человек не должен переходить при любых обстоятельствах. Связаться с существом, низшим до такой степени, что сравнение его с животными вряд ли польстит последним, – что это? Отступничество? Вызов? Наслаждение глубиной падения? Как ни назови это, уже само по себе оно никому не прибавит чести. Самое малое, что обязан был осознать Смолл с того момента, когда это произошло, заключалось в том, что вся ответственность за это лишенное разума дитя инстинктов отныне легла на него. Не то чтобы покуситься на жизнь белого, даже на миг задуматься о такой возможности для подобных существ должно быть немислимимым, абсолютно невозможным, но Смолл не просто позволил этому случиться. Он сам натравил дикаря на Шолто как бешеную собаку, вместо того чтобы поквитаться с обидчиком собственными руками. Тем самым он нанес тягчайшее оскорбление не только семье Шолто, но и самой нашей расе. Откровенно говоря, сие деяние до сих пор не укладывается в голове; по моему мнению, оно равносильно измене даже не столько британской короне, сколько всему цивилизованному миру с его ценностями, принципами и укладом. По всему выходит, что перед нами умный, ловкий, бесстрашный и совершенно беспринципный, а значит, крайне опасный преступник, рядом с которым личность Тадеуша Шолто вызывает лишь улыбку сожаления. Сожаления, что, вопреки малодушным надеждам Джонса, не он оказался убийцей.

Холмс, ознакомленный Тадеушем с историей их семьи еще до обнаружения Бартоломью мертвым, быстро сориентировался и взял нужный след. Пока инспектор гнул свое, пытаясь вытребовать признания у Шолто, Холмс принялся активно разыскивать Смолла, и я взбесился, что из-за тупого упрямства Джонса хвастунишка с Бейкер-стрит переиграет Скотленд-Ярд в самом громком деле последних лет. Уже девятого числа с помощью обученной идти по следу собаки Холмс вышел к пристани в самом конце Брод-Стрит и установил личность владельца

катера, некого Смита, нанятого Смоллом вместе с посудиною для бегства. Надо признать, здесь он проявил изрядную ловкость и быстро добыл нужные сведения. Жена владельца, миссис Смит, показала, что незнакомец постучал в окно их дома между тремя и пятью часами утра восьмого октября. Тадеуш Шолто покинул Пондишери-Лодж седьмого числа в десять часов вечера. Таким образом, с учетом времени, которое потребовалось Смоллу на то, чтобы добраться из Норвуда к пристани, время убийства попадало в четырехчасовой промежуток между десятью часами вечера седьмого и примерно двумя часами ночи восьмого октября.

Однако дальше дело затормозилось. Поначалу уверенный в успехе Холмс единолично разыскивал катер, на котором скрывался Смолл, дабы полиция не обскакала его на самом финише. Одновременно в одной из газет, заключившей с ним, как я уверен, нечто вроде взаимовыгодного договора, стали появляться отчеты о его охоте, поддерживающие в читателях напряженное ожидание развязки и восхищение его персоной. В который уже раз из-за склонности Холмса к театрализации расследование превратилось в постановку, захватившую публику лихо закрученным сюжетом. Беда только, что в своих интервью он выдавал бодрые прогнозы о том, когда, как и где переловит негодяев. Это уже было совсем лишнее, но газетчики и не думали сдерживаться и с удовольствием печатали эти заявления, из которых преступники также извлекали для себя полезные сведения. При таком самоуверенном подходе неудивительно, что с определенного момента хоть сколько-нибудь ободряющая информация перестала поступать. Злоумышленники затаились.

И всё же казалось, что не сегодня завтра всё прояснится. Дело выглядело совершенно однозначным, обещая закончиться сразу же с поимкой Смолла и его мелкого злобного дружка. Все слуги Пондишери-Лодж были отпущены, а Тадеуш Шолто вернулся в свой дом в южном Лондоне. Но когда в свободное время я заглянул в собранные материалы, в частности в отчет Джонса, составленный им по результатам осмотра места убийства, и в протоколы допросов Шолто и слуг, мне сразу бросились в глаза многие странности, которые почему-то совершенно не заинтересовали моего коллегу. Поймать его для разговора, как и склонить к словоохотливости, оказалось делом непростым. Он теперь наверстывал упущенное, отрядив людей прочесывать оба берега и осматривать причалы в надежде обнаружить злополучный катер с беглецами. Оставалась еще надежда, что Смолл не бросился сразу отрываться от преследования, а пережидал, спрятавшись в одном из бесчисленных укромных мест, коими изобилует Темза. Холмс пришел к выводу, что без средств полиции за Смоллом ему на реке не угнаться, и, начиная с десятого числа, они вместе с Джонсом объединенными усилиями приготовили ловушку уже непосредственно на воде, используя для этого быстроходный катер береговой охраны.

Вечером того же дня его грузная фигура наконец попала мне на глаза.

– Послушайте, старина, – обратился я к нему, напрочь отказываясь замечать его усталость и явное неудовольствие навязанной беседой, – вас не поразило, как Смолл сумел так быстро прознать о найденном кладе? Ведь поиски велись много лет. Он не мог всё это время торчать в Норвуде. Имея столь заметную внешность, он обязательно попал бы в поле зрения тамошней полиции, которая просто обязана была отреагировать на заявления Шолто. Его как минимум допросили бы. Но вы сами убедились, что в участке Норвуда нет никаких следов о том, что человек на деревяшке хоть раз попал в поле их внимания. Ясно как день, что Смолл всё это время находился в Лондоне. Кто-то известил его, причем очень быстро. Между временем обнаружения клада и убийством едва прошли сутки, а ведь Смоллу требовалось еще преодолеть немалый путь.

– То есть, иначе говоря, Лестрейд, вы думаете, что я без вас не догадался бы о том, что кто-то в Норвуде держал Смолла в курсе дела? – обиженно съязвил Джонс.

– Так это не самое интересное. Конечно, за годы слежки за усадьбой ему удалось установить контакт с кем-то из слуг. Но как узнал новость его информатор? Всё поведение Бартоломью в последние часы жизни свидетельствует о его исключительной осторожности. Есте-

ственно, со временем благодаря слухам такая громкая новость не могла не выйти за пределы усадьбы. Но он сделал всё возможное, чтобы соблюсти полную секретность, по крайней мере на то время, пока все претенденты не собрались вместе для дележа. Он даже не прибег к помощи кого-нибудь из слуг, чтобы спустить ларец с чердака вниз, а вызвал для этого брата.

– Нельзя исключать, что именно этой своей чрезмерной осторожностью он и вызвал подозрения сообщника Смолла, – усмехнулся Джонс.

– Возможно. Но с одними лишь подозрениями не лезут, рискуя жизнью, в тщательно охраняемый дом. Получается, что кроме Тадеуша просто некому было допустить утечку. Может, Тадеуш, уходя от брата, не удержался и сболтнул лишнего, похвастался?

– Да нет, – уныло пожал плечами Джонс. – Он утверждает, что держал язык за зубами.

– Это не всё, Джонс. Очень уж странный этот чердак, вы не находите? С одной стороны, он совершенно недоступен изнутри. Когда-то у него был вход, который из боязни похищения майор предпочел замуровать. Из-за чего сыновья долгие годы даже не подозревали о его существовании. Но вот слуховое окно в крыше, через которое снаружи на чердак проникнуть не так уж сложно, почему-то осталось. Вы бы не переживали за это окно, если бы прямо под ним располагался ларец, из-за которого вы предали всех, включая лучшего друга?

– По-вашему, забраться на крышу так уж просто? – не имея для возражений ничего более стоящего, Джонс из упрямства оперировал уже доводами, опровергнутыми фактами. – Тем более калеке!

– Однако в итоге забрались. Вы сами установили это, – вовремя подыскал я подходящее слово, чтобы обойти болезненный вопрос, с каким опозданием и под чьим давлением инспектор наконец признал, что именно таким образом убийцы проникли на чердак. – И это всё же значительно проще, чем проникнуть наверх через лестницу в доме, где не дремлет охрана. Представьте себе, как Смолл из парка осматривает дом. На окнах прочные ставни, у двери постоянно дежурят, а на ночь она запирается. По парку тоже делаются обходы. Крыша в таких условиях едва ли не самое безопасное место, если, конечно, туда попасть. Слуховое окно на скате крыши прекрасно заметно. Неужели вы думаете, что Смолл, заприметив его, за все эти годы при своем отчаянном нраве ни разу бы не попытался проникнуть через него в дом? Ведь ему было неизвестно, что выход из чердака в верхние помещения дома замурован. Маршрут проникновения напрашивается сам собой, и Смолл однажды, даже не догадываясь, что клад спрятан на чердаке, сам того не ожидая, должен был таким образом просто наткнуться на этот ларец. И ничего не подозревающие братья так и не узнали бы ни о краже, ни о сундуке. По логике, на чердаке уже давно должно было быть пусто, а разбогатевший Смолл – находиться где-нибудь подальше от тех мест. Но этого не случилось. Почему?

– Вы меня затерзали своими расспросами, Лестрейд! – не выдержал переминающийся с ноги на ногу Джонс. – Я смертельно устал. Куда вы клоните?

– Что-то не так с этим чердаком. Это уже вторая странность, и она тоже сыграла на руку Смоллу.

– Подождите, вы же сами только что сказали, что Смолл еще раньше мог забрать сокровища, но сделал это только сейчас. Что ж тут могло сыграть ему на руку?

– А то, что раньше, значит, такой возможности не было. И нет смысла тут гадать, всё очевидно. Нужно хорошенько расспросить слуг.

– Послушайте, Лестрейд, – запротестовал Джонс, – вы же первый упрекали меня в том, что я убил уйму времени на этого Шолто. Теперь же, когда я принялся ловить Смолла, вы зачем-то сами пытаетесь привлечь мое внимание к тому, что уже отработано и определено как к делу не относящееся.

– Естественно, следует продолжить розыски Смолла. Это сейчас главное, и в этом смысле всё делается правильно. Но слишком уж много подозрительных странностей. С Норвудом рано заканчивать, там надо разбираться.

– Но у меня просто физически нет возможности послать туда хоть кого-нибудь. Все выделенные мне люди задействованы на Темзе, и даже их не хватает.

– Я слышал, вы уже отпустили слуг. Каковы их планы после смерти хозяина?

– Тадеуш Шолто наследует дом. Вероятно, они дождутся его решения, оставит ли он их.

– Жалованье им выплачено вперед?

– Я не интересовался. И потом, Лестрейд, какое вообще это может иметь значение?

В этом весь Джонс. Едва взявшись за дело, он заранее знает, что имеет значение, а что нет. И теперь также рьяно прет напролом, сведя глаза к носу и не желая смотреть по сторонам, дабы не отвлекаться на «мелочи».

Ну и черт с ним. Дьявольски досадно, что лично мне никак нельзя съездить в Норвуд. Множество дел удерживало меня в Лондоне, да и Джонс устроил бы шум, дескать, Лестрейд опять сует нос не в свое дело. Следовало действовать хитрее. Я вызвал к себе детектив-сержанта Симмондса, готовящегося перейти на должность инспектора, и приказал ему следующим утром отправляться в Норвуд, предварительно получив по моему распоряжению средства на расходы. Об истинной цели поездки в нем, естественно, не было ни слова. Суть задания была передана сержанту в устной форме без лишних свидетелей.

– Насколько, Симмондс, вы наслышаны об этом деле?

– Наверное, сэръ, как и все, кого не привлекли к следствию. То есть в самых общих чертах.

– Тогда слушайте. К сожалению, я не был на месте и могу составить себе представление только благодаря материалам, собранным Джонсом. Но кое-что не дает мне покоя. Поэтому поезжайте в Пондишери-Лодж. Отчитываться будете только передо мною. Пусть Джонс ловит своего Смолла. Вам необходимо тщательно осмотреть крышу дома и слуховое окно, ведущее на чердак. Я еще не понял, что с ними не так, поэтому сообщите мне обо всем, что вам покажется необычным. Расспросите слуг, не было ли каких работ на кровле в последние год-два. Также поищите в Норвуде сведения о человеке с деревянным протезом: когда он в последний раз там появлялся и где останавливался; как часто там показывался. Любая информация и по возможности подробное описание внешности. Попробуйте разговорить слуг. Нужно понять, кто из них держал связь со Смоллом. Для начала вам хватит. Рассчитывайте управиться за день и вечером вернуться в Ярд.

Глава пятая, в которой болтливость является частью плана

Из дневника доктора Уотсона

Тоби не подвел. Вчерашним утром его чуткий нюх, не смущаемый более моей надутенной креозотом обувью, доставил нас в совершенно неожиданное место. Я уже собирался подробно поведать в дневнике, куда именно и при каких захватывающих обстоятельствах привел нас замечательный нос противной собачонки, как вдруг Холмс на моих глазах не менее подробно, буквально до деталей поведал о том же самом совершенно незнакомому мне человеку. Так что лучше я опишу уже сразу то, как Холмс рассказал об этом, и тогда читатель заодно поймет, и куда мы пришли, и как Холмс зачем-то посвятил в наши секреты посторонних. Тем самым я убью двух зайцев, хотя сначала мне хотелось убить только Холмса. Особенно когда я понял, в чьи руки он передает добытую с таким трудом сокровенную информацию.

Человек этот вечером того же дня уселся в свободное кресло напротив нас, достал блокнот с карандашом и посмотрел на Холмса взглядом, каким во всем мире глядят только газетчики, как бы говоря: «Если вы готовы вывернуть мне свою душу, можно приступать». Мне не понравилось, что Холмс смотрел на эту граничащую с бесцеремонностью раскованность не только без малейшего недоумения, но и с той самой готовностью насчет души, хоть и держался в целом с достоинством, из чего я заключил, что предстоящая беседа входила в планы не только обладателя блокнота.

– Позвольте для начала представиться, – бойко заговорил репортер. – Кеннет Куиклегз, репортер газеты «Ньюспарэйд» (Newsparade – в действительности такое издание никогда не существовало. – Примеч. ред. газеты «Финчли-ньюс»).

Если в его тоне еще наблюдалась та самая вежливость, что сменяется фамильярной вальяжностью, едва только отпадет необходимость в осторожности, то улыбка уже не скрывала ощущения превосходства. Молодой человек явно отвел себе роль хозяина положения, полагая себя если не самым умным, то уж точно самым хитрым и ловким хотя бы в отношении подкожных исповедей, которые принято называть странным словом «интервью». Я сразу же угадал в нем характерную способность так же на цыпочках резко сблизиться, надавить или зацепить выпадом и тут же отпрыгнуть, чем такого рода журналисты напоминают мне боксеров в легком весе. Естественно, мне не понравился не только визитер. Всё это походило на мероприятие на чужих условиях, которые Холмс принял из неведомой мне нужды. Единственным, что удерживало мистера Куиклегза в рамках почтительности, был авторитет моего друга.

– Итак, мистер Холмс. От лица своих сторающих от любопытства... вернее, от негодования по поводу свершившегося злодеяния читателей прошу вас рассказать, каково на сей день положение дел. Как я понимаю, несмотря на то что полицией в лице инспектора Джонса сделано довольно однозначное заявление о задержании предполагаемых убийц, а именно Тадеуша Шолто и некоторых слуг его несчастного брата, вы готовы предоставить общественности данные, в корне разнящиеся с официальной версией. Правильно?

– Абсолютно верно, – отозвался Холмс, кивнув, как мне показалось, для его в целом безразличной позы слишком энергично, так что его кресло даже чуть качнулось. В его сухом тоне мое ухо уловило скрип тисков, которыми он пытался сжать в себе нарастающее волнение глашатая сенсации, и это уже тогда повергло меня в предчувствие, что сказано будет несколько более того, чем следовало бы ограничиться. – И не просто данные. Мне известно имя убийцы, способ, посредством которого он проник на место преступления и выбрался оттуда, а также значительная часть его маршрута, которым он проследовал до места... м-м-м... до места, с которого он отправился потом уже в другое место, пока не установленное... в общем, вы пони-

маете, что речь идет никоим образом не о Шолто. Убийца – совершенно другой человек, а именно некий... вернее, не он сам, а его сообщник, потому что преступников было двое, хотя, может, и он: всё зависит от того, кто именно выплюнул колючку, хотя логичнее, конечно, предположить, что это всё же был дикарь, обладающий несравненно лучшими навыками для такого непростого дела, но главное – отметьте у себя, – что у обоих помимо одного имени имеются весьма характерные, я бы даже сказал самобытные приметы. Это должно сильно упростить их поимку.

Репортер, бешено строчивший в блокноте всё время, пока Холмс бодро излагал обстоятельства дела, поднял на него немного растерянный взгляд.

– Одно имя на двоих, мистер Холмс?

– Имеется в виду, что пока нам известно только имя главаря. Это Джонатан Смолл. Но обо всем по порядку.

– Поддерживаю. Для чего предлагаю вернуться чуть-чуть назад. К моменту, когда воля случая вовлекла вас в это дело. Из комментариев инспектора Джонса следует, что вы совершенно неожиданно для себя оказались на месте трагедии.

– Именно так. И на основе имеющихся улики сделал абсолютно иные выводы, нежели он. По счастью, оба преступника неосмотрительно влезли ногами в пролитый креозот. Специально обученная собака взяла след, стойкий из-за такого резкого и специфического запаха, и привела нас, вернее меня, потому что поначалу мы действовали с Тоби вдвоем без Ватсона...

– Тоби – это и есть этот обученный пес?

– Да, мой верный, исключительно дрессированный и невероятно талантливый помощник. Его доставил мне другой мой верный помощник, тоже исключительно... м-м-м... самобытный и обученный, который как раз отсутствовал, то есть мой друг Ватсон... доктор Уотсон.

– Ясно. Но вернемся к погоне, мистер Холмс. Захватывающей, конечно же...

– Безусловно. Погоня по следам негодяев вышла очень захватывающей. Мы шли, шли... долго и упорно продолжали идти, не сбиваясь со следа... продвигались, значит, вперед...

– И Тоби вас привел?..

– К Шерману.

– А Шерман – это...

– Его хозяин.

– Чей?

– Тоби.

– То есть... – репортер оторвал от блокнота усиленно соображающее лицо, – из этого следует, что Шерман оказался...

– Дома.

– Нет, я хотел сказать... выходит, этот Шерман – и есть сообщник этого... – Куиклегз полез сверяться с записями, – Джонатана Смолла? И это его настоящая фамилия, коль вы сказали, что вам известен по имени только один преступник? И его неосторожно разоблачила собственная собака, так как не была посвящена в их планы? Или она заманила вас в его ловушку?

– Нет, мистер Куиклегз. – Потуги репортера сравняться с самим Холмсом на почве аналитики вызвали у моего друга невольную улыбку. – Ваше желание произвести массу логических заключений скопом похвально, но до настоящих сыщиков вам еще далеко. Всё гораздо сложнее. Тоби взял след доктора Уотсона.

– Но вы же сказали, что доктор отсутствовал...

– А след его присутствовал.

– То есть как?

– Потому что сначала присутствовал и доктор.

– Похоже, это невероятно запутанная история, мистер Холмс, – задумчиво произнес Куиклегз после некоторой паузы, так и не подобрав уроненный карандаш. Заметно растерянный, он напоминал ребенка, которому на день рождения подарили слишком сложную игрушку.

– В чем и дело. Вижу, вы начинаете кое-что понимать.

– У вас все дела такие?

– Слушайте внимательно. Доктор Уотсон был со мной и помогал мне всей своей разно-сторонней квалификацией при осмотре места преступления. Затем по моему поручению он проследовал к Шерману за Тоби, после чего Тоби проследовал к Шерману за доктором Уотсоном, который к тому времени уже отсутствовал по важной причине. Вам непременно следует отметить очень значимую роль доктора Уотсона. Его отсутствие было вызвано высочайшей внутренней ответственностью и рыцарским отношением к женщине. Слабой, напуганной ужасным событием и, что прискорбнее всего, подлым образом ограбленной. Речь о мисс Морстен, чьи интересы мы представляем с шести часов вечера восьмого октября. Он взялся сопроводить ее домой и утешить по мере сил. Уладив это дело, он вернулся к нам на Бейкер-стрит, после чего туда же меня привел всё тот же Тоби.

– Умный пес, – оживился газетчик, вновь схватив блокнот. – А зачем ваши верные помощники ходили друг за другом? В этом заключался какой-то замысел? Может быть, Тоби пытался таким образом собрать вашу блестящую команду воедино?

– Назовем это тренировкой. Нам требовалось опробовать качества собаки, проэкзаменовав ее, а Тоби – хорошенько разогреться. Затем мы решили проверить, как наш Тоби пойдет по следу Джонатана Смолла. И он не подкачал. После того как доктор Уотсон устранил последствия своего пребывания в креозоте, мы уже в полном составе на рассвете добрались наконец до угла Найтс-плейс, откуда Тоби, немного покрутившись на месте, резко повернул в сторону и повел нас по Брод-стрит в самый ее конец к берегу Темзы. Мы недоумевали, потому что полагали, что преступники изберут железнодорожный вариант бегства. Но нашелся свидетель, который подтвердил, что мы не зря поверили Тоби и свернули к реке.

– Очень интересно!

– Это миссис Смит, жена речника, владельца катера, на котором уплыл Смолл. Это довольно неожиданный и вместе с тем совершенно правильный ход, который едва не сбил нас с толку. К сожалению, Смолл отбыл ночью, и она не видела его. Он постучал в окно их дома, и ее муж вместе со старшим сыном ушли с ним к причалу. Случилось это в ночь с седьмого на восьмое.

– Тогда как вы разговаривали с ней ранним утром девятого?

– Да. Сегодня.

– Получается, у преступников гандикап более суток. Мне неловко спрашивать про такое у знаменитого сыщика и безусловного профессионала, но не упустили ли вы их, мистер Холмс? Отрыв нешуточный, и Смолл наверняка постарается использовать его, чтобы покинуть Британию. Насколько высока вероятность, что это кровавое злодеяние останется безнаказанным?

– На первый взгляд это так. Тем более что «Аврора», катер Смита, слывет одним из самых быстроходных баркасов на Темзе. Но, с другой стороны, преступники понимают, что их приметы могут быть переданы в наши порты раньше, чем они туда доберутся. Поэтому я более склоняюсь к мысли, что они предпочли переждать беспокойное время розысков где-нибудь в укромном местечке, коих предостаточно по обоим берегам реки. Убийцы ждут, когда стихнет шумиха. Мы намерены методично обшарить все причалы, доки и заводы на участке от Ричмонда до Гринвича и начнем с верхнего конца как наиболее вероятного. Жаль, что у нас нет катера и мы не можем рассчитывать ни на какие средства передвижения, кроме своих ног. Придется протопать пешком много миль по извилистой береговой линии, прежде чем мы настигнем их.

– Вы можете прибегнуть к помощи полиции, и они снабдят вас превосходным баркасом из тех, что участвуют в береговом патрулировании.

– Полиция всё еще отказывается воспринимать нас всерьез. А тут еще имеет место и расхождение во мнениях. Причем наша линия куда как перспективнее. Уверен, они уже кусают локти от досады и из одной только ревности откажутся сотрудничать. Ну ничего. Пожалуй, я откажусь от их помощи, даже если они ее предложат. Готов заявить публично, что мы добьемся успеха сами.

– Смело, мистер Холмс, – усмехнулся с неопределенным выражением на лице Куиклегз. – Вы сказали о приметах преступников. Есть что-нибудь особенное?

– Да, забыл упомянуть, что наш удивительный злодей имеет отличительную деталь, а вернее, не имеет одной из отличительных деталей: у него отсутствует вторая нога... или первая, в общем не важно. Пол комнаты, где был найден мертвец, буквально усеян следами протеза Смолла.

– Но ведь по вашей версии он проник в кабинет жертвы через крышу. Как же мог калека проделать такое?

– Удивительно, но факты свидетельствуют, что даже с таким дефектом, сильно усложняющим жизнь, этот отчаянный мальчик сумел провернуть сей фантастический трюк. Ему помогла веревка и его напарник, который ее спустил, первым забравшись на крышу, а затем проникнув на чердак и через отверстие в потолке сделав роковой плевок... нет, выражусь изящнее. Несомненно, то был выстрел, настоящий бесшумный выстрел отравленным шипом, словно пулей поразивший покойного Бартоломью Шолто насмерть.

– Хорошо, что вы заговорили об этом! – подхватил Куиклегз, явно заинтригованный. – Самый неподдельный интерес... гнев и ужас читателей вызвали эти зловещие шипы и этот чудовищный яд, превративший милое, по воспоминаниям всех, кто знал жертву, лицо в настоящую маску смерти, через сардоническую усмешку которой проглядывало, казалось, само зло. Так вот. Удалось ли определить, каким ядом убили Шолто? Спрашиваю об этом, мистер Холмс, потому что ни для кого не секрет ваша любовь к химии, особенно к токсикологии.

– Сложно сделать однозначный вывод, тем более что шипы вместе с трупом были немедленно изъяты полицией. Подозреваю, для того чтобы я не смог произвести все необходимые исследования...

– Ну хотя бы самые общие предположения, мистер Холмс! – Блокнот в руках Куиклегза обратился в молитвенник.

– Это очень необычный яд, – сдался Холмс, – возможно, впервые примененный с целью отравления. Убийца – оригинал, что и говорить. Он получил свой адский эликсир путем смешения сразу нескольких сортов мышьяка и перемешивания с бисульфатом бария в довольно хитрой пропорции.

– Это ж надо додуматься! – не сдержался от восхищения репортер. – Но я слышал, его напарник тоже еще тот оригинал? Расскажите о нем.

– С ним еще интереснее, – оживился в свою очередь Холмс. – Как я уже говорил вам, на месте преступления неустановленным лицом, может и самим покойным, по неизвестной причине был пролит креозот. В нем четко отпечатался след босой ноги. Весьма своеобразный. Неестественно мелкая, почти миниатюрная стопа, какую не увидишь у взрослого человека у нас в Англии.

– Ребенок?! – подхватился Куиклегз, и то, как его глаза засверкали азартом при столь недалеком и слишком напрашивающемся выводе, вызвало у меня злорадное удовлетворение. – Мальчик? Девочка?

– Если бы, – хмыкнул Холмс. – У меня уже тогда сверкнула в голове смелая мысль: а не андаманец ли это с Андаманских островов? Ведь майор Шолто прибыл в Англию именно оттуда, и у него вполне могли остаться связи в андаманской среде.

– Разумно.

– Впоследствии доктор Уотсон довольно хитроумно сумел найти подтверждение нашей догадке. Это действительно был андаманец.

– Доктор Уотсон?! – репортер ошарашенно посмотрел на меня, словно после Тоби наличие талантов у еще одного «верного помощника», по его мнению, означало явный перебор. – Ему приходилось иметь дело с ними?

– С кем?

– С андаманцами.

– Нет, ему пришлось иметь дело со справочником миссис Хадсон. Это большая и толстая географическая книга, в которой содержится много полезных сведений, в том числе и криминального толка. Оказался там и наш добрый малый. В кавычках, разумеется. Всё совпало до мелочей. У него оттопыренные пальцы и исключительно маленькая нога.

– А пальцы...

– Да, оттопыренные.

– На руке или на...

– Всё там же, на ноге.

– Которая, вдобавок ко всему, еще и маленькая.

– Чрезвычайно. Даже не располагая точными сведениями о численности андаманской общины в Лондоне, можно с уверенностью утверждать, что она крайне мала и людей с такими приметам у нас не найдется и десятка, а из них в приятельских отношениях с одноногими может быть замешано совсем уже незначительное число. То есть, как вы понимаете, поле розыска всё более сужается.

– Понимаю, – прищурился репортер с выражением, будто теперь он и сам точно знает место, где должны обнаружиться участники такой необычной дружбы. – По сути, при таких четко очерченных обстоятельствах вы указываете на вполне конкретную, хоть и иноземную личность. Осталось только ее отловить.

– Именно так.

– В таком случае действительно роль доктора Уотсона оказалась очень значимой, как вы и сказали. Благодаря ему вы, во-первых, произвели тщательную тренировку и хорошо разогрелись, дважды придя туда, где он уже побывал...

– Это лучше опустить, – заметил Холмс, чем вызвал мою благодарность. – Достаточно будет отметить его заботу о мисс Морстен и идентификацию странного следа, что заметно приблизило расследование к благополучному завершению.

– Кстати говоря, каково состояние мисс Морстен, мистер Холмс?

– Она держится молодцом.

– Рад это слышать, однако я не удивлен. Не сомневаюсь, что, связав себя со столь серьезным и ответственным человеком как вы, мисс Морстен существенно приободрилась и с надеждой смотрит в будущее.

– Она еще больше приободрится, когда свяжет свое будущее с... Впрочем, я забегаю вперед. Единственное, чем сейчас заняты наши умы и сердца – мои и доктора Уотсона в еще большей степени, – это как можно быстрее поймать преступников и вернуть мисс Морстен причитающиеся ей по праву сокровища.

– И Тадеушу Шолто в таком случае.

– Разумеется. Если его непричастность будет доказана, его доля останется за ним. Но в первую очередь нас, конечно же, занимают наши обязательства перед клиентом. И в этом доктор Уотсон преуспел даже больше, чем я. Я хочу сказать, что иногда женщине, оказавшейся в особенно трудном и таком неуютном положении, практически возле трупа, который остался должен ей деньги, но вместо этого улизнул... исчез, одним словом, покинул этот свет без объяснений – как говорится, ни ответа ни привета... так вот когда права такой женщины поправны

и повсюду опасность, в такой момент она остро нуждается в присутствии настоящего мужчины, который сможет защитить ее. Мой друг, несомненно, является таким человеком, и, несмотря на его скромность, мисс Морстен, конечно же, не могла не почувствовать этого.

– Ну, что ж, мистер Холмс, от лица своей газеты мне остается только пожелать вам как можно успешнее завершить это дело и поскорее предъявить суду двух отвратительных злодеев. Спасибо за уделенное время. У меня всё. – Куиклегз поднялся со своего места, но не двинулся к выходу. – Мистер Холмс, если вы позволите мне задержаться у вас еще ненадолго, я быстренько набросаю общую часть и покажу вам, так сказать на одобрение. Мистер Ньюнес заинтересован в том, чтобы между нами было полное взаимопонимание, способствующее дальнейшему сотрудничеству.

– Конечно, конечно, – согласился Холмс. – Поднимемся ко мне. Там вам будет удобнее. А то тут эти постоянные опыты... – он сокрушенно махнул рукой, предлагая убедиться, как безнадежно далеко вперед продвинулись его химические изыскания.

Репортер с восхищением оглядел беспорядочную линию колб, пробирок и бутылей, мутных до такой степени, что наши красочные растворы перестали проглядывать сквозь стекло, так как миссис Хадсон давно отчаялась стереть с них пыль. Затем он проследовал за Холмсом наверх в его комнату, где к услугам гостя был готов удобный письменный стол, а я остался в гостиной, уставившись рассеянным взглядом в одну из заросших серым мхом емкостей и задумчиво переваривая услышанное.

Письменная речь газетчика в проворстве не отставала от устной. Уже через десять минут они вернулись, и Холмс протянул мне то, что бойкой рукой «набросал» за короткое время наш посетитель.

«В первом же своем выпуске мы имеем честь сообщить публике, что самый знаменитый сыщик наших дней Шерлок Холмс благодаря своей неукротимой неспособности и минуты просидеть без дела заполучил очередного клиента – и какого! Это мисс Морстен – главный фигурант норвудского дела и одна из пострадавших сторон, из-за чего у мистера Холмса появилась возможность параллельно со Скотленд-Ярдом заниматься расследованием, составляя конкуренцию инспектору Джонсу. Мы можем только приветствовать наступление времен, когда одновременный розыск преступника наиболее известным представителем частного сыска и официальными органами превращает оперативные мероприятия – не без нашей, конечно же, помощи – в увлекательное состязание. Такое же напряженное действие, похожее, ждет нас и на сей раз. Норвудское дело и без того содержит в себе немало загадочных и даже роковых обстоятельств и не нуждается в дополнительной рекламе. Отметим, что извечные антагонисты – Скотленд-Ярд и Шерлок Холмс – словно для того, чтобы придать еще больше остроты интриге, избрали разные версии и, соответственно, в их разработке движутся в противоположных направлениях. Инспектор Джонс взял на вооружение метод обращения свидетеля в подозреваемого посредством давления, и подходящим материалом для него определен брат-близнец погибшего Тадеуш Шолто. Мистер Холмс сосредоточил свое внимание на иных кандидатах: человеке с деревянной ногой и его свирепом помощнике весьма нецивилизованного происхождения. И от того, что этих лиц, в отличие от мистера Шолто, еще предстоит разыскать, тактика мистера Холмса с ее динамичностью, по нашему мнению, только выигрывает и смотрится значительно привлекательнее однообразных и, будем откровенны, навевающих скуку действий полиции, каковые мы вынуждены наблюдать при появлении всякой новой криминальной загадки. С этим согласно большинство наших читателей, что подтвердил наш широкий опрос: двое из троих респондентов, принявших в нем участие, заявили, что симпатизируют именно мистеру Холмсу и готовы поставить на него как на наиболее вероятного победителя довольно существенные средства. И он, как всегда, не разочаровывает своих почитателей. Нам стало известно, что великий сыщик бросился по едва остывшему следу предполагаемых убийц вместе с доктором Уотсоном и собакой по кличке Тоби. И

надо признать, его результаты выглядят впечатляющими. Уже к полудню девятого октября мистер Холмс вышел на причал неподалеку от Брод-стрит, откуда Джонатан Смолл на катере некоего Мордекая Смита исчез в неизвестном направлении; тогда как Тадеуш Шолто отказывается признать себя виновным и, по слухам, уже сумел предъявить полиции не только свое алиби, но и тех, кто подтверждает его подлинность. Представители Скотленд-Ярда пока никак не прокомментировали эти слухи, но известно, что подозреваемый всё еще находится под стражей.

В одну из редких минут отдыха мистер Холмс согласился посвятить нашего корреспондента, неподражаемого Кеннета Куиклегза, который всё еще с нами...»

В этом месте я оторвался от текста и поискал глазами мистера Куиклегза, которого, однако, с нами уже не было. Сообразив, что он ушел, пока мое внимание было занято его творением, я был вынужден обратиться за пояснением загадочной фразы к Холмсу.

– «Который всё еще с нами» – это он так намекает владельцу «Ньюснес парэйд», что может вернуться на свое прежнее место работы, откуда его переманили, если тот будет недостаточно его ценить, – со смехом ответил Холмс. – Этот проныра держит в напряжении всех своих работодателей, перебегая из газеты в газету.

– Неужели его вульгарная манера кому-то по вкусу? – удивился я.

– Теперь это зовется сенсационным духом. Читателям такое нравится.

– Кому именно? Вам? Мне?

– Не отдельным, а широкому кругу.

– То есть поодиночке все плюются, а сообщца – горячо одобряют?

– Кроме того, этот субчик передвигает бойко не только языком, но и нижними конечностями. Он – непревзойденный мастер оказываться в нужном месте, так что «Ньюснес парэйд» за него ухватилась неспроста.

Приняв со вздохом услышанное, я продолжил чтение, для чего вернулся к неподражаемому мистеру Куиклегзу, которого «мистер Холмс согласился посвятить в подробности, касающиеся проделанной им работы и дальнейших действий».

Далее следовала череда уже известных мне вопросов и ответов, итог которым подводило заключение, чей безграничный оптимизм своей наглостью чайный просто-таки потряс меня.

«Добавим, что Шерлок Холмс пообещал также, что, как только появится достаточная ясность по поводу местонахождения преступников и будет организована операция по их поимке, нашему корреспонденту предоставят возможность участия в этих мероприятиях для объективного и полного их освещения. И если Кеннет Куиклегз сумеет и в них проявить себя с присущей ему яркостью, тандем сыщика и доктора в скором будущем навсегда преобразится в более гармоничный тройственный союз, удачно пополнившись недостающим товарищем, журналистом, чьи качества сгладят противоречивость остальных участников и устроят некий дисбаланс, присущий...»

У меня не хватило терпения дочитать эту высокопарную галиматью, в чьей напыщенности притаилась куда более серьезная проблема, чем сегодняшняя нелепый спектакль.

– Господи, Холмс! – возопил я, вскочив с кресла. – Я не могу поверить! Нас теперь будет трое?!

– Они были бы не прочь, – рассмеялся Холмс.

– Если уж так нужно сгладить нас недостающим товарищем, пусть в таком случае это будет Тоби! Обещаю гладить его с утра до вечера, пока не устраним дисбаланс. Он все-таки не так неподражаем, как...

– Успокойтесь, Ватсон. Это разовая акция. Вижу, вам моя затея с интервью пришлось не по нутру.

– Еще бы! – проворчал я и, не сдержавшись, добавил в сердцах: – Ума не приложу, Холмс, зачем надо было рассказывать всё прессе! Вы сообщили убийцам, что мы идем по их следу, и теперь они примут меры.

– «Идем по следу» – слишком оптимистичное заявление для тех, кого этот след привел к пустому причалу. Даже если бы мы обладали способностью Иисуса передвигаться по воде пешком, Тоби, как вы убедились, совершенно точно не святой, и возможности его нюха, по всей видимости, ограничены сушей. Так что я очень надеюсь, что они действительно, как вы выразились, примут меры, иначе мы попросту не знаем, где их искать.

– Но вы сказали этому шелкоперу, что намерены прочесать все укромные места по обоим берегам. Почему бы нам так не поступить?

– Очень точное, глубокое и в целом разумное предложение, исходящее из абсолютного незнания местности. Поверьте мне, таких укромных уголков на Темзе бесконечное количество. Давайте трезво смотреть на вещи. Мы достигли той стадии, когда поимку имеет смысл вести, располагая значительными ресурсами. Они есть у полиции. Придется прибегнуть к их помощи, поэтому я позаботился хотя бы о том, чтобы наши результаты были официально засвидетельствованы, дабы Скотленд-Ярд впоследствии не смог присвоить их себе.

– Так что же, отныне мы уступаем дорогу инспектору Джонсу? – разочарованно протянул я. – Зачем же вы наобещали Куиклегу то, что мы не можем осуществить?

– Ответ на первый вопрос: ни в коем случае не отдаем первенство! Руководим поимкой мы. Полиция лишь обслуживает нас, обеспечивая всем необходимым.

– Ладно, – отозвался я уже более миролюбиво. – А на второй?

– Обещания Куиклегу на самом деле есть не что иное, как мой привет Смоллу. В этом и заключается главная цель этого интервью. Создать приманку, вытянуть Смолла из убежища.

– Но как? У вас как у руководителя поимки есть соображения?

– Конечно. Обратите внимание, прошло уже достаточно времени, чтобы Смит давно вернулся, куда бы они со Смоллом ни отправились – вверх к Ричмонду или вниз до Грейвсэнда. Час назад я вновь посетил домик у причала и удостоверился у миссис Смит, что ее мужа всё еще нет. Какой из этого следует вывод?

– Что она волнуется.

– Естественно, – согласился со мной Холмс. – А еще?

– Места себе не находит, – добавил я еще.

– А насчет Смита?

– Что он где-то задержался.

– И не один. Смолл его не отпустил, значит, Смит всё еще нужен ему. Значит, они еще непременно поплывут, а пока пережидают где-то на Темзе в укромном месте. Зачем?

– За каким-нибудь деревом, – предположил я. – Или за скалой. Если тут, конечно, есть скалы.

– Вы не поняли. Не за чем они прячутся, а зачем они прячутся?

– То есть... я что-то не так расслышал?

– Почему?

– Почему я думаю, что не расслышал?

– Почему они прячутся? – Холмс был само терпение, только ноги всё громче скребли пол. – По какой причине?

– И по какой же? – спросил я в ответ с неослабевающим интересом.

– Смолл затаился, чтобы оценить обстановку. Собирает всё, что слышно об этом деле. В первую очередь, на кого пало подозрение. Естественно, из газет. Узнав про арест Шолто, он успокоился. Спешить некуда. Где он засел и когда вынырнет из укрытия? В каком направлении

нии? Мы не можем караулить его рывок до бесконечности. Риск упустить хитреца слишком велик. Отыскать его нору нам тоже не под силу. Я решил ускорить процесс, заставить его нервничать. Завтра он прочтет, что я взялся общаривать заводы. Вы заметили, как я ловко построил разговор?

– Возможно, заметил. Насчет чего?

– Я посетовал, что собственными средствами мы не располагаем, а полиция сотрудничать с нами не желает. Смолл сделает вывод, что оставаться в убежище опасно, а вот река, наоборот, свободна. Он отчалит, и вот тогда мы его поймем на воде.

– Но вы же сами сказали, что «Аврора» является одним из самых быстрых баркасов в здешних местах! – воскликнул я. – Нужно здорово рассчитать момент и положение, чтобы пересечь ей путь на плоту или весельной шлюпке.

– Я уже рассчитал. Полицейский паровой катер не уступит «Авроре» в скорости.

– Но вы же сказали, что полиция...

– И не жалею об этом нисколько. Надеюсь, они меня поймут и простят. На самом деле я уже обо всем договорился. Пока вы отсыпались после прогулки с Тоби, я побывал не только у миссис Смит. Перед тем я наведалься в Уоппинг к «мокрым бобби» (прозвище речной полиции, или, иначе говоря, Темзенского дивизиона, штаб-квартира которого располагалась в Уоппинге. – Примеч. ред. газеты «Финчли-ньюс») и заручился, что в наше распоряжение предоставят «Алерт» или что-нибудь подобное вместе с командой («Алерт» – самый известный на то время паровой катер Темзенского дивизиона. – Примеч. ред. газеты «Финчли-ньюс»).

– Вынужден признать, Холмс, что за эти несколько часов вы успели проделать наяву больше, чем я во сне, – заметил я с невольным восхищением.

– Надеюсь, вы не собираетесь для сравнения предоставить свой отчет?

– И все-таки мы не знаем, какую сторону он изберет. Где его караулить?

– Я не случайно упомянул, что проверка начнется сверху. Это почти наверняка погонит его вниз. Так логичнее, ведь он не будет знать, где мы в точности в конкретный момент находимся, так что ему спокойнее будет перебраться к Вулиджу или даже к Грейвсэндю. А мы перехватим его где-нибудь поближе к Тауэру, между мостами.

– Но станет ли он читать эту странную газету – «Ньюнес парэйд»? – удивился я. – Лично я о такой никогда не слышал.

– Неудивительно, они только набирают обороты. Это будет их первый номер.

– Не лучше ли было связаться с «Таймс» или «Стандарт»? Всё же вам более к лицу общение с солидными изданиями.

– У солидных изданий жестко составленный бюджет, где каждый пенни на счету. А эти нувориши от журналистики рвутся к известности, под которой подразумевают поголовный ажиотаж, и за ценой не постоют.

– И кто стоит за этим странным названием? – спросил я.

– Я думал, вы уже догадались, – удивился Холмс. – Разве первое слово ничего вам не напоминает? Тем более что Куиклегз по крайней мере однажды упомянул это имя в вашем присутствии.

– Что-то вроде «Ньюнес», если я правильно расслышал.

– Вы смеетесь?! – пришел в изумление Холмс. – Это тот самый Ньюнес, которому вы исправно носите свои рассказы. Этот торговец наскоро сколоченной мебелью задумал так же спешно сколотить и ежевечернюю газету. Ему уже мало «Тит-Битс» и «Стрэнд мэгазин» (Джордж Ньюнес – издатель ежемесячника «Стрэнд мэгазин», где печатались рассказы А. К. Дойла, и еженедельника «Тит-Битс» – действительно в начале своего предпринимательства занимался торговлей мебелью. – Примеч. ред. газеты «Финчли-ньюс»). Я понял, что ради громкого дебюта этот честолюбец не покусится, и выбил из него гонорар за интервью в десять раз жирнее того, что предложили бы «Таймс» и «Стандарт» вместе взятые.

– Неужели так много? – изумился я.

– О да! – рассмеялся Холмс. – Впрочем, моему успеху поспособствовало одно любопытное обстоятельство. А именно – интерес со стороны «Ансэрс», которым я ловко воспользовался. Не знаю, в курсе ли вы, но Хармсворт когда-то трудился у Ньюнеса в «Тит-Битс», и с тех пор их ревностное соперничество неуклонно подогревается снующей между ними туда-сюда кошкой (по всей вероятности, имеется в виду один из братьев Хармсвортов – Альфред Хармсворт, будущий основатель «Дэйли мэйл», а на момент описываемых событий владелец «Ансэрс». – Примеч. ред. газеты «Финчли-ньюс»). Так вот, они тоже выразили заинтересованность в интервью, особенно когда я намекнул на возможное продолжение на свежем воздухе с репортажем непосредственно с места событий. Узнав про это, Ньюнес с готовностью выложил баснословную сумму с условием, что я не только не вымолвлю ни слова для «Ансэрс», но и не позволю никого из них на катер. Так что вызвавший вашу ревность Куиклегз будет единственным представителем прессы, кто составит нам компанию на катере и возьмет на себя освещение нашей охоты, как только мы перенесем ее на водные просторы. Дополнительная пикантность состоит в том, что, как назло, наш пройдоха Куиклегз – одна из упомянутых мною кошек. Он работал в «Ансэрс», пока Ньюнес не переманил его своим проверенным способом – деньгами. Так что у Хармсворта особый зуб на него, а я в каком-то смысле подлил масла в огонь.

Следующий день прошел под знаком открытия сезона речной охоты на акул преступности. Говорят, акулы – те, что совершают преступления в толще морской, третируя смертоубийством тамошнюю живность, – иногда заплывают в пресную воду. Мы надеялись, что Смолл, такой же лютый хищник и убийца, покинет свое логово и попытается, наоборот, через Темзу проскочить незамеченным к территории обитания своих духовных собратьев, одним словом, вырваться к морю. Поэтому сегодня с раннего утра, как только немного рассвело, и до уверенных сумерек мы дефилировали на «Алерте» поперек реки взад-вперед, меняя иногда зону пребывания, то спускались ниже, то, преодолевая течение, забирались вверх. Открытую палубу продувал бодрый бриз, так что я по большей части отсиживался в крохотной каюте и всё равно к вечеру сильно продрог. После заката мы пристали к берегу и, договорившись с командой о завтрашнем продолжении, отправились домой.

Там нас в числе прочей прессы поджидал обещанный дебютный номер ньюнесовского ежедневника. «Ньюнес парэйд», в названии которой первое слово было несколько изменено, дабы обыграть сходство звучания фамилии владельца и слова «новости», с нахальством закомплексованного безызвестностью новичка попыталась предельно экспансивно осветить даже безмятежные на первый взгляд темы вроде праздника сельдерея в Дармуте или сообщения о выпадении града в Сассексе, загнавшего в пруд свиней местного фермера. Из-за того что все полосы были пересыпаны сплошь кричащими заголовками, я не сразу нашел центральную тему номера. Интервью Холмса делило целую страницу со статьей о мисс Фринсноу, старой деве, триумфально, «с невиданным отрывом», как сообщал корреспондент из деревушки под Редингом, победившей в конкурсе на самое крутое вареное яйцо. Едва я, пробежав глазами по репликам Холмса, перемежающимся комментариями Куиклегза гораздо чаще, чем в черновике, приступил к безоговорочному успеху мисс Фринсноу, яростный рык моего друга оторвал меня от захватывающего описания правил упомянутого конкурса.

– Проклятье! – воскликнул Холмс, отшвырнув газету. Я заметил, что это был свежий номер злополучной «Ансэрс», чьи домогательства мы отвергли по принуждению Ньюнеса. – Похоже, конкуренты Куиклегза объявили нам войну. Мы их отвадили, но они не желают оставаться в стороне.

– Что случилось? – спросил я, подбирая с пола смятую газету.

– Прочтите сами. Эти олухи наблюдали за нами с берега и всё выболтали. Не пойму, то ли вредят намеренно из мести, то ли наивно надеются доказать свое ушлое превосходство над

нашими партнерами, чтобы мы изменили выбор. Кичатся осведомленностью и суют нос, куда не просили.

– Но вы же сами посвятили Куиклегза, – возразил я. – Что ж плохого, если и «Ансэрс» напишет о нас?

– Вы не поняли, – раздраженно отмахнулся Холмс. – Я предупредил Куиклегза, чтобы держал язык за зубами насчет катера, поскольку ставил цель внушить Смоллу, что мы можем контролировать только берег. А эти мерзавцы пронюхали, что мы заполучили катер, и радостно раструбили об этом на весь свет. Даже указали тот отрезок, где мы шныряли сегодня. Мой секрет выплыл наружу, из-за чего весь замысел под угрозой. Смолл побоится связываться с «Авророй» и уйдет сухой.

Я не без любопытства принялся читать заметку «Ансэрс». Прекрасно осведомленная о планах Ньюнеса, она во всеоружии своего острого языка встретила появление на сцене его очередного детища. Осмеянная за угловатую напористость выскочки, «Ньюнес пар-эйд» (*Newsnesparade* – «Парад новостей») удостоилась целого набора унижительных прозвищ, наиболее удачными из которых были «Парад нонсенсов» (*Nonsenseparade*) и «Пародия на новости» (*Newsparody*). Вдоволь поиздевавшись над амбициями «продавца сервантов в рассрочку» в первых семи абзацах, автор статьи затем уже перешел к отчету о блестящей работе своих коллег, из которого становилось ясно, что «Ансэрс» бросила на кон все свои силы и репутацию, чтобы не позволить обскакать себя ненавистному «торгашу, возомнившему себя издателем». Расставив своих сотрудников по обоим берегам Темзы, для чего к операции был привлечен весь штат, включая главного редактора, бойкое издание отследило и зафиксировало все наши действия через два морских и четыре театральных бинокля. Размах мероприятия и тщательность подготовки впечатляли. Не пожалел ли Холмс о том, что так легко уступил условиям Ньюнеса? Мою душу скребли немилосердные кошки, чьи когти не знали, каково это – прятаться в мягком лоне подушечек. Я понимал, что Холмс пошел на сделку с Ньюнесом не только из-за своего гонорара. То был молчаливый намек, что и мой гонорар – за рассказы – после такой уступки просто обязан вырасти. Даже если владелец «Стрэнд мэгазин» каким-то чудом уловил этот посыл, вся выгода так или иначе достанется Дойлу. Когда-то я мечтал, чтобы этот постыдный обман поскорее раскрылся сам собой и между нами с Холмсом больше никогда не вторгалась ни одна тайна. Но время шло. Минуло больше года, и я увяз во лжи окончательно, сросся с ролью талантливого писателя, чья популярность вполне может сравниться со славой Холмса. То, от чего поначалу хотелось избавиться, теперь кажется немислимимым потерять.

Глава шестая. Первый отчет сержанта

Из записей инспектора Лестрейда

Не удивлюсь, если одиннадцатое октября сего года войдет в историю наравне с датами великих событий, связанных с нашим отечеством. Говорю так, подразумевая, что отнюдь не всегда величие достигается славой. Но даже в тех случаях, когда оттенок света, озарившего гордый силуэт родины, неразличим и привлеченное внимание всего мира вызвано чем-то таким, от чего отечество с удовольствием открестилось бы, сути это не меняет: пусть и без придыхания, не нараспев, с отведенными в сторону глазами, всё равно следует признать, что свершилось нечто совершенно грандиозное и что подобное не скоро повторится где-нибудь еще, а может, с учетом пожеланий, надежд и принятых мер, и вовсе не повторится никогда и нигде, поэтому тем, кому таки довелось это наблюдать, не стоит отчаиваться или стесняться. Особенную привилегию свидетеля исторического акта никто не отменял, этот статус всё еще вызывает зависть, ну а если это не помогает, можно утешить себя тем, что по крайней мере тебе не пришлось в этом участвовать.

К сожалению или к радости, себя к таким счастливым я причислить не могу, лично у меня сей знаменательный день прошел вполне буднично. Я провозился с рутинной до позднего вечера, то есть вплоть до возвращения Симмондса, и даже не подозревал, что совсем неподалеку на Темзе произошло нечто столь эпическое, что отныне Трафальгарское сражение рискует быть совершенно позабытым. Речь, естественно, о погоне Холмса и Джонса за «Авророй». Бравые воители застряли с обыском на захваченной посудине допоздна, и потому полупустой Ярл пребывал в счастливом неведении насчет их подвигов вплоть до утра двенадцатого октября. И хорошо, поскольку, случись этой новости прийти раньше, захлестнувшая департамент паника наверняка помешала бы мне должным образом внять добытым Симмондсом сведениям. И какое дальнейшее развитие получило бы тогда расследование, можно только догадываться.

Симмондс весьма толковый сотрудник. Он прошел путь от простого полисмена линейной униформированной полиции, был замечен и переведен год назад в департамент уголовных расследований, где начал с места детектив-констебля, а уже через несколько недель станет инспектором. Думаю, со временем сделается одним из лучших. Около одиннадцати детектив-сержант прибыл в Ярл и прошел в мой кабинет.

– Сэр, новости у меня такие. В Норвуде на мои расспросы об одноногом все реагировали с удивлением. Не то чтобы в последнее время, а вообще примерно лет за пять никто не смог припомнить, чтобы там появлялся человек с таким увечьем.

– Однако это странно. Не мог же он находиться там незамеченным? В этой деревне и спрятаться-то негде (действительно, в конце XIX века Аппер-Норвуд являлся пригородом Лондона и представлял собой сельскую местность. – Примеч. ред. газеты «Финчли-ньюс»).

– Осмелюсь предположить, сэр, что его там не было вовсе. Вплоть до дня убийства.

– Новость, конечно, любопытная, и все-таки она еще ничего не доказывает. Смоллу вовсе не требовалось там разгуливать. Если связь с сообщником была отлажена хорошо, тот мог ожидать его приезда в условленном месте подальше от посторонних глаз, так что на протез обратил бы внимание разве что кучер, нанятый в Лондоне.

– Следующее – крыша. Я облазил ее, но, честное слово, сэр, такое слуховое окно я бы у себя не сделал. По сути это обыкновенный люк. Скаты у крыши очень пологий, поэтому крышка люка смотрит почти вверх.

– Понимаю. Вода?

– Конечно! Вода будет просачиваться под люк и стекать в чердак. Сгниет он очень быстро. Крайне неудачная конструкция.

– Но не сгнил же. Вы осматривали пол чердака?

– Да, сэр. Он вполне прилично выглядит, и вот тут начинается самое интересное. Вы просили расспросить слуг насчет того, были ли какие-нибудь работы на крыше. Слуги мне ничем помочь не смогли, но об этом чуть позже. Раз так, думаю, спущусь-ка в Норвуд и поспрашиваю там: может, кто и видел или слышал что. И мне повезло, сэр. Я нашел плотника, который занимался таким ремонтом в Пондишери-Лодж...

– Прекрасно, сержант!

– Только ремонт не тот, что вас интересует. Оказывается, он перестраивал крышу еще давным-давно по заказу майора, едва тот приобрел усадьбу. Первоначально на ней как раз и было обыкновенное слуховое окно, как полагается, домиком, чтобы защищать от дождя. – В помощь мне Симмондс сложил ладони, изобразив характерный домик. – Но майор распорядился его убрать и сделать крышу сплошной.

– То есть без входа с чердака?

– Да, сэр. Что плотник и исполнил. Когда я затащил его туда и он увидел этот люк, то сначала вытаращил глаза, затем долго чесал в затылке, а потом вымолвил: «Сначала я не мог понять отца, зачем он затеял дурацкую переделку и лишил себя доступа на крышу. Но он хорошо заплатил, и я не задавал лишних вопросов. А теперь я не пойму сына. Если мистер Бартоломью задумал вернуть всё как было, то почему не позвал меня? Я бы сделал как полагается, а не это безобразие».

– Но кто-то же сделал для него эту работу?

– Совсем не обязательно, сэр. Люк выполнен очень примитивно и грубо: это сколоченная из досок крышка на петлях с куском стекла посередине. Шолто мог и сам соорудить такую поделку, не прибегая к чьей-то помощи.

– Возможно, вы правы. Так он избежал лишних слухов. Хорошо, но этот люк хотя бы запирался изнутри?

– Запор на нем есть. Нехитрая защелка, но, видите ли, сэр, в настоящее время трудно установить, в каком положении она была в ночь убийства. Когда я осматривал ее, она была отжата, то есть люк свободно открывался. Но до меня там побывали инспектор Джонс и мистер Холмс, причем непонятно, кто первым. Думаю, оба выходили на крышу. Остался ли люк незапертым по чьей-то забывчивости или они оставили его в том же положении, в каком застали при осмотре, – неясно.

– Чертовски не хочется выходить с вопросами на Джонса. Можно ли это выяснить мимо него?

– Сэр, если хотите мое мнение, это не так важно. Отпереть его снаружи обыкновенным ножом не составит особого труда, если вас интересует именно это.

– Ладно. Ну, а плотник что думает – когда мог появиться этот люк?

– Он абсолютно уверен, что это недавняя работа. Доски совсем свежие, без следов времени. Поэтому и чердак в сносном состоянии.

– То есть придется принять, что при всей хозяйственности Бартоломью вопрос качества изделия для него на тот момент не представлял значимости, так?

– Или было кое-что поважнее.

– И это кое-что – спешка.

– Похоже, что так, сэр.

– Ну что ж, превосходно, сержант. Не зря съездили в Норвуд. Кто знает, быть может, наверху допустили ошибку, поручив это дело не вам?

Хоть последнее и было сказано больше в шутку, взрыв краски на лице Симмондса выдал его молчаливое ликование. Однако в его улыбке просматривалось еще и вполне различимое лукавство. Он держал до последнего самое интересное. Десерт для инспектора. И я уже догадывался, о чем пойдет речь.

– Итак, Симмондс, почему же слуги отказались вам помочь?

– Я как раз к этому и веду, сэр. Они были бы рады это сделать, но у них просто не было такой возможности. Дело в том, что все они наняты совсем недавно. Буквально за неделю до смерти Бартоломью Шолто рассчитал весь прежний персонал и набрал новых людей.

– То есть как? – Я полагал, что готов к чему угодно, но понял, что ошибся. – Всех?!

– Абсолютно, сэр. К сожалению, о причинах ничего не известно.

– Уволил или...

– Возможно, они сами потребовали расчета.

– Вы сами-то верите в такое?

– Если честно, сэр, не очень. Думаю, это была воля хозяина. Я опросил каждого из нынешних (их не так много), и выяснилось, что все они успели прослужить в поместье всего-то шесть дней, когда случилась трагедия. Сейчас они ждут нового хозяина. Мистер Тадеуш обещал на днях въехать в Пондишери-Лодж, так что теперь они будут служить ему.

– А где Бартоломью их набрал?

– Агентство «Кавендиш», сэр, в Южном Кенсингтоне. На обратном пути из Норвуда я заехал туда.

– Кто-нибудь из бывших слуг оставлял там заявку на трудоустройство?

– Вроде бы нет. Во всяком случае, никто из соискателей в последние дни не упомянул Пондишери-Лодж в качестве прежнего места работы и никто не оставил норвудский адрес. Но любопытно другое, сэр. Людей для Бартоломью Шолто подыскали очень быстро, за один день, потому что он, во-первых, обозначил для будущих слуг высокое жалование, а во-вторых, пообещал агентству хорошую премию за срочность заказа. Но он выставил условие.

– Чтобы не брали местных из Норвуда?

– Точно так, сэр! – обрадовался сержант, как мне показалось с облегчением. Уж не связано ли оно с тем, что я избавил его от разочарования в старшем по званию?

– Вот это, я понимаю, история! – Я сам проникся чем-то вроде экстаза. Настоящая головоломка раздражает азарт сильнее беготни с пальбой по воробьям. – И какова была реакция Тадеуша, известно это?

– Привратник, которого сначала арестовали...

– Мак-Мурдо?

– Да, он уже вернулся. Так вот, сэр. Этот Мак-Мурдо рассказал, что за ту неделю, что он успел поработать, Тадеуш Шолто всего лишь однажды побывал в Пондишери-Лодж.

– Вечером седьмого по приглашению брата?

– Точно так, сэр. Мак-Мурдо чуть не оплошал, приняв его за хозяина.

– Понятно. Он же не знал, что у того есть брат-близнец.

– Именно так. Но, поскольку хозяин платил ему хорошо, Мак-Мурдо, хоть и полагал, что тот должен находиться в доме, всё же не решился задать вопрос и молча впустил его брата. Но Тадеуш сам жутко удивился новому слуге и засыпал его расспросами. Тут почти сразу подошел Бартоломью и увел Тадеуша в дом, объяснив привратнику, что это его брат. Остальные двое тоже видели Тадеуша и испытали похожий шок. Это экономка и парень, прислуживающий в доме кем-то вроде дворецкого. Говорят, сходство действительно чрезвычайное.

– Подождите, какие еще «остальные двое»? – удивился я. – Вы хотите сказать, что в доме всего трое слуг?

– Да, сэр. Привратник, экономка и дворецкий.

– А как же рассказы о многочисленной охране? Какой штат был во времена майора?

– Не знаю, сэр. С этими новоиспеченными бесполезно говорить. Они ровным счетом ничего не знают. Но можно попытаться выяснить.

Новостей у меня полный мешок, и кое-что уже стало на свое место. Майор замуровал сокровища полностью, отрезав к ним доступ как снизу из дома, так и со стороны крыши, переделав ее. И это полностью отвечало здравому смыслу. Глухая, без малейшей лазейки, она, есте-

ственно, не представляла интереса для Смолла, поэтому все эти годы он и не пытался на нее взобраться. Бартоломью тоже был введен в заблуждение такой конструкцией кровли. Будь там окно, он гораздо раньше сообразил бы, что должен быть и чердак, и давно бы нашел клад. Сокровища в полной и надежной герметичности прождали после смерти старшего Шолто еще шесть лет, пока Бартоломью не пробил потолок своего кабинета. Но зачем он сделал в крыше люк? Если б я знал, какое из этих событий случилось раньше, многое бы прояснилось в его действиях и, наверное, в его судьбе.

Не заманивал ли он Смолла для расправы? Судя по отзывам, характером Бартоломью заметно отличался от брата в жесткую сторону. Безусловно, он осознавал, что Смолл не отста-нет. Раскопки велись по всему саду, и беглый каторжник (как я определил Смолла для себя, хотя это не более чем предположение) наблюдал за ними и ждал, когда Шолто раздобудет для него сокровища. Поэтому до поры до времени Бартоломью мог не опасаться, что Смолл напа-дет на него. Но однажды клад был найден. Бартоломью мыслил трезво и понимал, что долго такую новость скрывать не получится. Слух пойдет по Норвуду и однажды достигнет ушей Смолла. Ослепленный обидой, он решится на отчаянный шаг вплоть до убийства, попытается или выкрасть клад, или хотя бы поквитаться с детьми того, кто, судя по воспоминаниям Таде-уша, по всей видимости, поступил не совсем честно не только с ним. Бартоломью мог созреть до решения, что хватит жить в ожидании внезапного удара. Лучше спровоцировать Смолла и заманить его в западню, соорудив для него лаз. Вот для чего понадобился люк. Но, как сказал Симмондс, крыша покатая, значит, люк снизу не виден, и в этом проблема. Кто-то должен был о его наличии сообщить Смоллу, возможно с подачи Бартоломью. Но тогда получается, что Шолто успел переделать крышу в самый день убийства всего за несколько часов. За то время, что после ухода Тадеуша провел взаперти кабинета наедине с ларцом, пока его не обнаружили мертвым. Возможно ли такое? Экономка услышала бы шум такой работы. В течение дня она несколько раз подходила к запертой двери кабинета. Тогда не предположить ли совсем неожиданное объяснение, которое, однако ж, не опровергается фактами? А именно – что Бартоломью нашел сокровища несколько раньше, но сообщил об этом Тадеушу почему-то не сразу. Пред-почел хорошенько подготовиться к встрече со Смоллом? Ведь такой план лишь формально являлся защитой территории, а по сути представлял собой спланированное убийство. Свиде-телей такой подготовки следовало удалить, но не наивным ли было уволить слуг, которые будут болтать в округе? Соответствует ли это образу дальновидного и расчетливого Бартоломью? И какова тогда истинная роль Тадеуша? Водил ли его за нос брат до последнего или они вместе задумали заманить Смолла в ловушку? Возможно, братья решили, что для надежности лучше бы доставить в Пондишери-Лодж свидетелей пореспектабельнее слуг, чем и занялся Тадеуш, пока Бартоломью сидел в засаде. Мисс Морстен и Холмс с доктором могли бы поручиться, что у Бартоломью не было иного выхода, кроме как застрелить свирепого и, скорее всего, воору-женного грабителя. В любом случае Смолл был настороже и, похоже, сумел переиграть Шолто. Тот ожидал ножа и наверняка имел при себе револьвер, но ничего не знал о ловком помощ-нике своего врага и оказался не готов к бесшумному выстрелу туземца. Если у Шолто и было оружие, Смолл унес его с собой. Если всё так и было, мои усилия проясняют лишь частности, а главное остается прежним, и все лавры достанутся тому, кто схватит Смолла.

– Кстати, коль вы были на чердаке, я полагаю, и кабинет осмотрели?

– Да, сэ-р. Осмотрел.

– Так что там с креозотом?

– Сэ-р?

– В отчете Джонса сказано, что одна из бутылей треснула и ее содержимое залило пол чуть ли не до середины комнаты.

– Так и есть.

– И где эти емкости стоят?

– В углу комнаты, сэр.

– Под дырой в потолке?

– Нет, дыра расположена практически по центру. Можно сказать, почти над столом.

– А теперь прикиньте. Покойник, как я понял, тот еще педант, и даже если б он каким-то образом расколотил эту бутылку, то никак не оставил бы на полу вонючую лужу, так? Остаются преступники. Но из ваших слов ясно, что через лаз в потолке они сразу попали в центр комнаты к столу, на котором стоял ларец. На столе же и оставили бумагу со своим Знаком. Что им было делать возле этих бутылей?

– Но первым же в комнату проник дикарь. Трудно понять, чем там занималось это... нецивилизованное существо, – ухватился за газетное определение сержант после секундной заминки. – Пока Смолл поднимался по веревке, очевидно, эта обезьяна расхаживала по комнате, во всё суя свой любопытный нос.

– Сержант, они были крайне осторожны. Вы не привезли мне из Норвуда ни малейшего слуха о Смолле. Не сомневаюсь, что о его напарнике там тем более не слыхивали. Думаю, попав в кабинет Шолто, они вели себя исключительно аккуратно. Обязаны были. Вместо этого они разбивают бутылку из толстого стекла, стоящую поодаль от того, что их интересовало. Но и этого им мало. Они еще и потоптались в собственноручно созданной луже, оставив нам превосходные отпечатки. Сами-то как считаете?

– Пожалуй, вы правы, сэр. Дело темное.

– Мне из Лондона никак не вырваться, а потому вам придется завтра же с утра вновь отправиться в Норвуд. Инструкции будут такие. Так как всех слуг разом рассчитали, значит, произошла какая-то невероятная история, из-за которой хозяин утратил доверие ко всем разом. Возможно, обнаружив измену, он не смог определить виновника и предпочел без риска заменить всех разом. Я не верю, что абсолютно все были виноваты, значит, есть те, кто считает себя уволенным по произволу. Это все люди простые и скрывать свою обиду не будут. Куда первым делом они направятся, узнав, что в их услугах больше не нуждаются?

– В Норвуд.

– Разумеется. Там они и должны были разговориться, в ближайшем же кабаке. Неслучайно Бартоломью настолько избегает местных, что предпочел набрать слуг со стороны. Там, по всей видимости, многое знают. Ищите сведения о том, что случилось в усадьбе Шолто, а еще лучше будет, если найдете кого-то из прежних слуг. Где-то ж они должны быть.

– То-то и оно, что где-то, – скептически заметил Симмондс. – Насколько я слышал, их привез еще майор и они, кажется, все были индусами. Что им делать в Норвуде? Я бы на их месте подался в Лондон.

– Верно, но времени с их найма прошло достаточно. Тадеуш упомянул, что один старый слуга, посвященный во многие тайны хозяина, умер. Возможно, сменился не только он, а уж добирали людей точно из ближайшей округи. Уволены они недавно, и не все успели устроиться на новую работу. Как только найдете кого-то, телеграфируйте или везите сюда. Разговаривать с ними буду уже я.

Глава седьмая, в которой читателю вместо книги подсовывают газеты

Из дневника доктора Уотсона

Весь остаток дня после катастрофы я провел в постели и только к вечеру нашел в себе силы подняться. Бешеная гонка по Темзе по следам несущейся на всех парах «Авроры» Мордека Смита не только измотала меня физически, но и опустошила мою душу, вытянула одним раскаленным клубком все имеющиеся нервы и иссушила запас эмоций на долгие месяцы вперед. Потрясение оттого, что, возможно, именно мой выстрел в нашем дружном залпе был точным и я впервые в жизни убил человека, пусть и преступника, заставило мой плащ прилипнуть к промокшей холодным потом спине, а брюки – затрепыхаться на дрожащих ногах. Однако я сумел взять себя в руки настолько, что даже вступил в горячий спор с остальными стрелками за право считаться избавителем Лондона от кровожадного убийцы. В конце концов, настоящий мужчина обязан изжить со свету хотя бы одного негодяя, иначе целесообразность его пребывания в этом мире (настоящего мужчины, а не негодяя) можно поставить под сомнение. Принципиальное неприятие кровопролития без оглядок на личности есть нечто иное, как трусливое уклонение от ответственности, ханжеская брезгливость замараться грехопадением. Подлинное благородство – готовность, если понадобится, взять на себя даже самое страшное прегрешение как тяжкую плату, искупить которую не хватит и жизни. Я понял, что созрел для этого, когда не просто вступил в сражение, коих на моем веку уже было предостаточно, но и нанес непоправимый урон злу. Переступив в этот вечер через самое строгое табу, я стал по-настоящему взрослым. Джонатан Смолл своими деяниями заслужил себе такой финал, так почему бы не от моих рук? Приободренный такими рассуждениями, я попытался довести до Холмса и инспектора Джонса, что целился настолько тщательно, что просто не мог промахнуться, но их возражения звучали если не убедительнее, то куда более запальчиво. До тех пор, пока не выяснилось, что застрелен вовсе не преступник. В этот момент они тут же признали мои доводы неоспоримыми и охотно вручили мне лавры охотника, принявшего за ворону залезшего на дерево егеря. Их искренние попытки поддержать меня и вся эта преувеличенная уверенность, что суд наверняка меня оправдает за этот несчастный случай, подействовали на мою психику просто ужасно. Я снял шляпу и громко заплакал внутрь нее, надеясь, что никто не видит этой моей слабости, а только слышит. Когда же выяснилось, что все три выстрела были произведены с одинаковой степенью результативности и мне ни в чем не уступили ни Холмс, ни инспектор Джонс...

Впрочем, обо всем по порядку. Газеты отреагировали мгновенно, правда большинство из них довольно растерянно муссировали слухи, так как доступ к информации заполучили все те же два упоминавшиеся мною издания. Ближе к ночи Холмс ознакомил меня с их вечерними номерами. «Ньюснес парэйд» в своем втором выпуске не собиралась отказываться от избранного стиля и буквально лопалась от гордости за то, что ее представитель оказался единственным, помимо охотников, очевидцем и прямым участником грандиозного события. Статья, занявшая целиком первую страницу, к моему удивлению была подписана не Кеннетом Куиклегзом. Под нею значилось имя редактора отдела криминальных новостей. Ввиду исключительной важности выпуска нашего недавнего приятеля оттеснили от пера с чернильницей более влиятельные силы, отведя ему скромную роль поставщика информации. Дабы отчаявшийся мистер Куиклегз вновь не бросился в бега, его руководитель в своем тексте старательно и многократно воздал ему должное, но я не испытывал уверенности, что это удержит неутомимого журналиста от соблазна в очередной раз устремиться на поиски новых горизонтов.

В этом месте дневника доктора вклеена газетная вырезка. – Примеч. ред. газеты «Финчли-ньюс».

ТРАГЕДИЯ НА ТЕМЗЕ

Специальный репортаж от 11 октября

Сегодня во второй половине дня на отрезке Темзы между Тауэром и Пламстедскими болотами разыгралась захватывающая драма в духе авантюрных произведений самых популярных литераторов вроде мистера Дойла, который, несомненно, еще откликнется на эти события очередным шедевром.

Как известно, последние дни, начиная с девятого числа, были насыщены интенсивными поисками Джонатана Смолла, совершившего убийство Бартоломею Шолто в его усадьбе Пондишери-Лодж, что в Норвуде, и похитившего несметные богатства. В виновности этого человека после освобождения брата убитого, Тадеуша Шолто, уже не сомневается не только автор этой версии Шерлок Холмс, но и полиция. Великий сыщик, легенда нашего времени, и одна из наиболее колоритных фигур Скотленд-Ярда, инспектор Этелни Джонс, посчитали за благо объединить усилия в этом чрезвычайно непростом деле. Они совместно прочесывали берега и укромные заводы Темзы в расчете застать врасплох затаившихся там беглецов, пережидających непростые времена облавы. И вот, когда уже надежды изловить преступников начали понемногу иссякать и всё настойчивее зазвучали критические голоса о неправильно избранной стратегии, затянувшееся напряженное ожидание нашло наконец выход и разразилось яростной погоней, словно разбухшая истомившаяся туча – грозой.

Катер береговой охраны «Алерт», одно из самых быстроходных средств надводного передвижения в своем классе, отправившись с рассветом от вестминстерского причала и курсируя на равном удалении от берегов напротив Тауэра, совершенно случайно наткнулся на злополучную «Аврору», идущую полным ходом по течению к Гринвичу. Смит явно рассчитывал проскочить до того, как патруль пересечет ему путь. Поэтому неудивительно, что предупредительные сигналы были проигнорированы. Погоня началась.

Как мы и обещали в прошлом выпуске, наш корреспондент Кеннет Куиклез был включен в команду преследователей, чтобы составить и донести до редакции самый правдивый и экспрессивный отчет об операции, которую с нетерпением ожидали все добропорядочные жители Лондона. Конечно же, нельзя было подвергнуть риску нашего бесстрашного и отчаянного сотрудника, учитывая коварное и ужасное оружие дикаря-андаманца и громадную сумму в полисе, которым по настоянию хитроумного Кеннета с недавних пор застрахована его жизнь. Поэтому по требованию страховой компании мистера Куиклеза еще в редакции облачили в противоколючковый жилет, состоящий из нескольких слоев простыней, между которыми помещались пухлые перьевые подушки.

Погоня продолжалась около часа. Наконец расстояние между катерами сократилось настолько, что стали отчетливо видны все члены команды

«Авроры». Смит бросал в топку уголь, а его сын Джим, молодой детина, держал румпель. На корме сидел еще один человек, наблюдавший за приближением преследователей.

Когда между ним и столпившимися на носу «Алерта» участниками погони оставалось каких-то шесть-семь ярдов, он быстро поднес руку ко рту, очевидно собираясь выстрелить своей ужасающей колючкой, сгубившей уже в этой истории по меньшей мере одну жизнь. Как только злоумышленник исполнил этот красноречивый жест, с «Алерта» грянул револьверный залп. Одновременно выстрелили инспектор Джонс, Шерлок Холмс и доктор Уотсон. Тот, кто сам намеревался убить, оплатился за это собственной жизнью: он повалился в воду. После этого беглецы осознали тщетность своих усилий. «Аврора» сбавила ход и пристала к правому берегу. На ней были обнаружены лишь Смит и его сын. Оба были задержаны.

При осмотре выяснилась причина злостного неподчинения представителям закона. На катере находились предметы контрабанды, и, по крайней мере как следует из объяснений Смитов, именно поэтому катер пытался скрыться от преследования. Но главное, не обнаружено никаких следов сокровищ, а также тех, кому долгое время удавалось скрываться и кого Смит, по версии Шерлока Холмса, должен был доставить в Грейвсэнд.

С этого места показания участников событий существенно разнятся. Инспектор Джонс, Шерлок Холмс и доктор Уотсон как один заявили, что были вынуждены применить оружие, чтобы предотвратить выстрел убийцы, и раненый, вне всяких сомнений, либо сам Смолл, либо его сообщник. Владелец «Авроры» и его сын, напротив, утверждали, что никакого Смолла они знать не знают, а этот человек – всего лишь их матрос Алан Бойд, который имеет, вернее теперь уже имел, привычку почесывать нижнюю губу как раз тем самым характерным жестом.

Наш корреспондент, увидев, как человек на корме «Авроры» потянулся рукой ко рту, постарался прикрыть лицо одной из подушек своего защитного жилета и натянул на голову наволочку, поэтому, по собственному признанию, довольно плохо рассмотрел, что происходило в последующие секунды.

К сожалению, доказать правоту представителей закона будет довольно проблематично, хотя мы, конечно же, склонны верить именно им. Очень сложно установить в точности, был ли их мишенью Смолл или его помощник. Никто не успел толком разглядеть, обе ли ноги являлись естественными конечностями или одна из них была деревянной. Но рост убитого по свидетельству обеих сторон был вполне обычен (насколько можно судить по его положению, ведь этот человек сидел, а не стоял) и не мог подойти маленькому туземцу.

Один из известных экспертов высказал даже предположение, что деревянный протез таких размеров не позволил бы телу уйти на дно, а поддерживал бы его на поверхности, что позволило бы без труда обнаружить застреленного.

Наш замечательный Кеннет Куиклез спешил доставить нам сенсационный материал о погоне и потому оставил ее участников в самом разгаре нештучного спора, предметом которого явилось выяснение, кому же принадлежат лавры удачливого охотника, то есть кто именно застрелил опасного преступника.

Инспектор Джонс заявил, что считается лучшим стрелком в полиции и может это подтвердить обилием дипломов и призов, скопившихся у него дома. Доктор Уотсон напомнил, что он не просто доктор, а военный, участвовавший в кампаниях на Востоке, где поражал боевых товарищей меткостью своих уколов строго в определенные инструкциями участки тела. Осечек и промахов, как он уверял, не случалось никогда, и эта меткость, по его мнению, не могла не проявиться и при стрельбе. Последним выступил Шерлок Холмс. Он заявил, что обладает исключительной зоркостью, о которой обычные люди могут только мечтать, и потому хорошо разглядел, что именно его пуля вошла в плоть преступника, а две остальные прошли мимо. Он даже указал направление, куда они, по его словам, «очень быстро улетели.

Заметим от себя, что не является принципиально важным установить, кто именно прервал смертоносный выпад убийцы и положил конец его бесчинствам. Теперь, когда его чудовищная поступь затихла навеки, остается последнее: найти этот злосчастный ларец с сокровищами, принесший смерть и горе стольким людям и ставший наравне с живыми и мертвыми действующим лицом этой мрачной истории.

– На наше счастье, тут не всё, – посмотрел я с надеждой на Холмса, отложив газету.

– Тут – да, – мрачно отозвался Холмс. – Но не торопитесь радоваться. Один уже уселся на ежа.

– Вы о Куиклегзе?

– Разумеется. И они сами же проболтались об этом. «Наш замечательный Кеннет так спешил!» – издевательски проблеял Холмс, и его губы горько скривились. – На сей раз прыть вылезла ему боком. А вот «Ансэрс» досмотрела представление до конца. Вас когда-нибудь кусали осы? Так, чтобы не одна, а всем гнездом?

– Странный вопрос, – невольно содрогнулся я.

– Просто хочу предупредить, чтобы вы не принимали близко к сердцу это злорадное жужжание. – С этими словами Холмс протянул мне газету, которую, судя по ее виду, перед тем как попытались более-менее расправить, комкали, топтали и даже, кажется, швыряли в камин.

Далее следует еще одна газетная вырезка, отличающаяся шрифтом от первой. – Примеч. ред. газеты «Финчли-ньюс».

ТРАГЕДИЯ? КОМЕДИЯ! ХОЛМС И ПОЛИЦИЯ ПОПАЛИ ВПРОСАК!

Вынуждены констатировать, что наши коллеги из новоиспеченного издания поспешили с выводами. Нам стало известно об их договоренности с полицией присутствовать при задержании «Авроры». Не рассчитывая на подобное расположение к нашей скромной газете и не обладая средствами нанять катер, мы приняли ряд собственных мер для того, чтобы не выпасть из действия и засвидетельствовать захватывающую погоню собственными глазами. Для этого мы вновь привлекли весь штат наших сотрудников, включая главного редактора, и присовокупив троих добровольных помощников. Все они выстроились вдоль берега цепочкой с интервалом в одну милю между двумя соседними участниками. Тот сотрудник, напротив которого проплывали «Аврора» и «Алерт», должен был бежать изо всех сил свою милю так, чтобы находиться вровень с ними, запоминая или записывая (как уж получится) на бегу то, что ему удалось

рассмотреть с берега. Добежав до следующего сотрудника, он передавал ему эту своеобразную эстафету. Таким образом мы охватили участок Темзы от Тауэра, где изначально курсировал «Алерт», до Блэкуолла. Оговоримся сразу, что из-за не очень умелых действий преследователей, а может, благодаря козням конкурентов, коих представлял наш бывший сотрудник и беспринципный перебежчик Куиклегз, имеющий целью грубо вышвырнуть нас, таких же полноправных журналистов, из числа свидетелей, погоня затянута более, чем мы ожидали, и вышла за пределы охваченного нами отрезка. Поэтому последнему участнику эстафеты вместо одной мили пришлось бежать целых семь. Не все наши сотрудники смогли разобрать впоследствии свои записанные наспех каракули, а последний геройский бегун, наш главный редактор, увидев, что его забег превращается в марафон, вообще перестал писать, и вместо этого, громко выкрикивая, повторял увиденное на бегу, чтобы не забыть.

Несмотря на трудности, в результате таких беспримерных усилий вся необходимая информация была получена и мы были с лихвой вознаграждены, превзойдя «новостной парад», проще говоря «навозных пародистов», по всем статьям. Это расхожее выражение имеет здесь особенный прямой смысл по причине того, что наши статьи традиционно информативнее, содержательнее, а в сегодняшнем случае и правдивее, так как материал Куиклегза ввиду его поспешности грешит серьезным отклонением от истины. Он покинул арену схватки, едва на «Авроре» закончился быстрый поверхностный обыск, и пропустил самое интересное.

После того как «Аврора» была вынуждена свернуть к берегу из-за произведенных по ней выстрелов, почти к ногам бегущего что есть мочи нашего главного редактора выплыл какой-то человек. Наш босс сразу сообразил, что это тот несчастный, которого только что чуть не уколошили ретивые преследователи. Что было делать – брать у него интервью или преследовать участников гонки дальше? Такой выбор заставил бы задуматься надолго каждого, но, по счастью, «Аврора» почти тут же пристала к берегу совсем рядом, а следом там же притулился и «Алерт». В компании с Аланом Бойдом, матросом Смита, не получившим и царапины при падении в воду, главный редактор продолжил движение, перейдя на легкую трусцу.

Когда они добрались до «Авроры», там уже разыгралась серьезная перепалка. Смитам удалось убедить Шерлока Холмса и инспектора Джонса в том, что никакого Смолла они отродясь не видывали. А если имеется в виду тот пассажир, которого они отвозили в Ричмонд, так это было еще ранним утром восьмого числа. Расстались они с ним в тот же день. Кто он, им неизвестно, потому что он им не представился. Неужто из-за этого стоило подвергать их варварскому нападению?

– Господа, – закончил Смит свою речь гневной тирадой, – вы уж определитесь, кто вы есть такие – стражи закона или разбойники с большой реки, окрасившие ее воды кровью честного и скромного труженика, члена моей команды, славного парня Алана Бойда?

После такого впечатляющего выступления инспектор Джонс, мистер Холмс и доктор Уотсон перестали громко отстаивать каждый свою привилегию на меткий выстрел, потому что в воздухе повис гнетущий вопрос,

кому из них будет предъявлено обвинение в убийстве невинного матроса вследствие неосторожного прицеливания.

Инспектор Джонс смущенно признался, что отвратительно стреляет в последнее время и что недавний экзамен в полицейском тире ему удалось сдать только лишь благодаря хитрости: он послал вместо себя другого сотрудника Скотленд-Ярда. Доктор Уотсон заявил, что не переносит вида крови и всяческого насилия, поэтому сознательно зарядил револьвер холостыми патронами. А Шерлок Холмс сказал, что перед выстрелом интуитивно почувствовал подвох, и его оружие предусмотрительно дало осечку, поэтому выстрелов было не три, а два. Смит же возмущенно отверг два последних довода, показав три отметины в рубке, где застряли пули, пролетевшие, по его словам, совсем близко над его головой. Пока Шерлок Холмс и инспектор Джонс ломали голову, чья же пуля прошла навывлет через тело Алана Бойда, потом убеждали доктора Уотсона, что ответ найден, а после утешали его, что держать ответ за это ему не придется, наш босс с указанным матросом предстали перед ними.

– Вот он, Алан Бойд! – закричал радостно Смит. – В него вы стреляли, и все трое промазали, никудышные вы стрелки!

При этих словах лица спорящих изобразили громадное и неподдельное облегчение, которому мы охотно верим.

Смущает только одно: с учетом того что стрельба по Бойду велась практически в упор, качество ее исполнения нашими стражами порядка действительно оставляет желать лучшего. На вопрос: «Зачем ты, дурень, свалился в воду», – Бойд ответил, что сиганул туда с испугу. Несмотря на то что «Аврору» удалось задержать, как выяснилось, без кровопролития и никто существенно не пострадал, своим видом инспектор Джонс и мистер Холмс производили довольно безрадостное впечатление. И ясно почему.

Во-первых, не приходится сомневаться, что в самое ближайшее время разразится грандиозный скандал. Полицейский катер преследовал мирный баркас и, когда тот, по утверждению Смита, уже собирался послушно причалить к берегу, обстрелял его. Несомненно, британцы придут в негодование, узнав о таком грубом и опасном покушении на их права и свободу, так что Скотленд-Ярду не избежать неприятных мгновений при общении с прессой. Под ударом и репутация мистера Холмса, так как план поимки убийцы целиком принадлежал ему. Сыщик-одиночка и без того уже удостоился от инспектора Лестрейда презрительных прозвищ «сыщик-двоечка» (за его работу в паре с доктором Уотсоном) и «сыщик-двоечник» (за качество его работы в паре с доктором Уотсоном).

Во-вторых, и это едва ли не важнее, у Холмса и полиции, похоже, нет в запасе альтернативных версий, чтобы продолжать расследование. После подтверждения алиби Тадеуша Шолто и его освобождения инспектор Джонс публично признал направление Шерлока Холмса единственным перспективным и присоединился к нему, оказывая помощь людьми и всеми средствами, что имелись в его распоряжении. Всё указывало на Джонатана Смолла, и все уверились, что ему не выскользнуть из ловушки хитроумного Холмса. Напомним читателям, что до сего дня пункт назначения Смолла, куда его собирался доставить Смит, был неизвестен. И теперь, когда прозвучал Ричмонд, выяснилось, что «Аврора» сразу двинулась на запад, вопреки прогнозам Холмса, ожидавшего, что преступники предпочтут

переждать неподалеку. Где Смолла ловить теперь и не успел ли он покинуть страну? На эти вопросы предстоит как можно быстрее найти исчерпывающие ответы, и мы надеемся, что те, кто занимается этим делом, не допустят больше ошибок, подобных той, что едва не стоила жизни невинных сегодня.

– Как видите, ситуация поменялась не в нашу пользу, – констатировал Холмс, как только я поднял на него глаза. – Поиски Смолла затягиваются. Так что вам, Ватсон, в ближайшее время предстоит заняться мисс Морстен.

– Каким образом? – спросил я, не слыша своего голоса за стуком сердца.

– А таким. Мы не виделись с нею с вечера восьмого числа. Она предоставлена сама себе, а значит, с одной стороны, ей ничего не известно о том, какие мы затрачиваем усилия ради ее блага, а с другой, от нечего делать она наверняка прочтет вот это, – он со злостью ткнул в сторону «Ансэрс», – и узнает, к чему эти неведомые ей старания привели.

– Что же я могу поделать, если это уже выбралось наружу?

– Вам нужно отвлечь ее от всяческих злобных сплетен. А главное, напомнить о себе. Процесс сближения между мужчиной и женщиной, если он не спонтанный, а сотворен с умыслом, во многом схож с дрессурой. Приучите ее к своему виду, запаху, звучанию голоса. Докажите, что с вами легко, приятно и нескучно. А Смоллом я пока займусь сам.

Глава восьмая, в которой приходится довольствоваться слухами

Из записей инспектора Лестрейда

Непосредственность и ответственность – вещи несовместимые, во всяком случае на моей памяти никто еще не сумел преодолеть их обратную зависимость. Умение по-детски радоваться неожиданностям и загадкам дается тем легче, чем мельче твоя роль. Сильно сомневаюсь, что инспектор Симмондс, обретя соответствующий груз забот, сохранит при себе роскошь такого восприятия. Пока же сержант вовсю наслаждается преимуществами пребывания на втором плане, и мне остается только завидовать ему. И раздражаться. Хотя я причастен к делу не больше, чем он, тому, кто ощущает свой потенциал, всё представляется иначе. Если уж начистоту, то я в бешенстве. Даже Холмс, вечно сующий нос куда не просят, действует в открытую, потому что его-то на сей раз об этом попросили, тогда как меня привлечь к одному из самых громких дел десятилетия всё еще не считают нужным. И дело даже не в недоверии. Выбор в пользу Джонса сделан практически наобум, из-за того что карьерист Бартнелл, успевший за недолгое свое пребывание в должности суперинтенданта отметить разве что чрезмерной осторожностью решений, не видит особой разницы меж ним и мною. В ситуации, когда знаки, посылаемые отвернувшейся удаче, рискуют прежде ее внимания привлечь недовольство суперинтенданта, хотелось бы, чтобы версии начали понемногу подтверждаться, но сержант похоронил мои надежды.

Из прежних слуг, уволенных из Пондишери-Лодж, ему удалось разыскать лишь одного. Малый по имени Эванс сменил старого индуса, умершего четыре года назад. Мне не удалось вырваться из Лондона, а Эванс отказался покидать Норвуд. Скотленд-Ярд? Ни капельки не интересно. Если полиции это так нужно, они знают, где его найти. Там же, где отыскал его сержант. И там же, в придорожном кабаке, состоялся их разговор. Эванс подтвердил, что недавние переделки на крыше произошли при нем. Как я и подозревал, Бартоломью затеял их за несколько дней до того, как слуги получили расчет. Парень, по мнению сержанта, не слишком наблюдательный и толковый. Возможно, что-то упустил из виду. Но одно знает точно: для работ наверху хозяин никого не привлекал. О причинах увольнения Бартоломью Шолто не распространялся, и Эвансу они не известны.

– И что, больше никого, кроме этого Эванса? Можно ли ему верить?

– По крайней мере, он был больше трезв, чем...

– Ладно, пусть так. Но это лишь подтверждение наших мыслей. А где объяснение?

– У него его нет, но зато есть кое-что другое, сэр. Парень рассказывает странные вещи. Прежняя экономка, Элизабет Уоллес, однажды проговорила ему, что Шолто промотали имение и что дом не сегодня завтра поменяет хозяина.

– Рассказывает или болтает? Вздор какой-то! – распаяюсь я от мысли, что даже Симмондсу с его поездками известно об этом деле побольше меня. – Они ж купались в роскоши, разве не так?

– Я слышал, то же самое проделывают и с шелком, – пошутил сержант.

– Что-нибудь про эту Уоллес известно?

– Она служила еще у майора. Не исключено, что могла кое-что разнюхать. Женщины в этом деле...

Изложив вкратце свое мнение о преимуществах женского нюха над мужским, сержант перешел к сути. По его словам, болтовня Уоллес в переложении подвыпившего Эванса выглядела так. Майор жил на широкую ногу, и когда Бартоломью разбирал после него дела, то схватился за голову. Он старался поправить ситуацию и рачительно вести хозяйство, но Тадеуш

настаивал на собственных правах и, спустив свою долю, чуть не залез в средства, которые брат отрядил на оздоровление семейных финансов. Они серьезно повздорили, и Бартоломью выставил Тадеуша из Пондишери-Лодж.

– С тех пор Тадеуш Шолто и живет в том доме, куда приезжали мисс Морстен с мистером Холмсом и доктором, – подытожил Симмондс.

– Полагаете, у нас появился еще один мотив?

– Думаю, это серьезная обида. Мистер Тадеуш мог сделать собственные выводы.

– Сержант, Джонс и без этой обиды считал Тадеуша главным подозреваемым. Не так уж трудно представить себе последнюю встречу братьев вечером седьмого числа. Как они стояли бок о бок и смотрели на открывшееся перед ними богатство.

Симмондс не стал закрывать глаза, чтобы получше представить себе тонущую в полумраке комнату и освещенный лампой стол, на котором стоял ларец с драгоценностями, он просто вежливо слушал. Куда я клоню? Деньги – вот мотив мотивов! Уже за одно это Тадеуш мог обратиться из шнурка от ботинка в безжалостную змею и ужалить брата. Проблема в том, что совершенно непонятно, как он мог это сделать.

– Считаете, сэр, этот след безнадежный?

– Его потому и отпустили, что его алиби никак не обойти. Стоит ли нам хвататься за кость, о которую уже обломал клыки Джонс? Оставим пока это. Кстати, вы сказали «не сегодня завтра»...

– Так Эванс понял Уоллес.

– Но минула уже почти неделя со дня смерти. Кредиторы, если они действительно существуют, должны уже подать иски, чтобы предъявить права на имущество Шолто. Почему до сих пор тишина?

– Ничего не могу сказать, сэр. Только, если опять же верить Эвансу, не кредиторы, а кредитор. Это один человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.